

Российская академия наук
Институт востоковедения

Л.Е.Скляр

ИРАН

**60-80-х годов:
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
ПРОТИВ
СОВРЕМЕННОСТИ
Революция и
контрреволюция**

Москва
«НАУКА»
Издательская фирма «Восточная литература»
1993

Глава 1

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О событиях в Иране в 1978—1979 гг., получивших название «иранская революция», написано много работ как советскими, так и зарубежными исследователями. В них высказывались различные оценки этого феномена, приводились различные причины, приведшие к революции. Однако спор шел главным образом о том, каков был характер этой революции.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что тезис о революции в Иране был принят советскими исследователями априори, поскольку ни в одной работе не ставилась задача теоретического обоснования того, что эти события действительно представляли собой революцию, а не иной вид общественно-политического движения.

Попытаемся проанализировать основные работы советских авторов и проследить, насколько аргументированно в них утверждение, что в Иране имела место революция.

Впервые в советской научной литературе¹ это понятие появилось в статье С. М. Алиева, опубликованной в середине 1979 г. [30, с. 45—57]. «Иранская революция 1978—1979 гг.— одно из самых ярких событий нашего времени» — такой фразой автор начинает статью. Он подчеркивает неоднозначность этого явления: «Антимонархическая революция в Иране — явление сложное и многоплановое как по своим социально-экономическим предпосылкам, так и по тем целям, которые ставили перед собой основные участвовавшие в революции социальные силы» [30, с. 45].

Задача этой научной публикации определена автором следующим образом: «Данная статья посвящена предпосылкам иранской революции, характеристике ее движущих сил и основных этапов» [30, с. 45]. Такая цель была бы правомерна, если бы иранистика уже выработала обоснованную оценку событий 1978—1979 гг. Однако С. М. Алиев впервые вводит в научный оборот понятие «иранская революция» без аргументации.

Но, возможно, содержание статьи не дает оснований со-

мневаться в правомерности называть события 1978—1979 гг. революцией?

Автор указывает, что «для понимания предпосылок иранской революции необходимо уяснить характер и тенденции сдвигов, происходивших в общественно-политической и экономической жизни Ирана в предшествующие революции годы» [30, с. 46].

Комплекс реформ, проведенных шахским режимом в 60-е годы, в частности, включал аграрную реформу, нацеленную «на ликвидацию крупного полуфеодального землевладения». Одновременно «власти выдвинули концепцию об индустриализации страны как пути преодоления экономической отсталости» [30, с. 46]. В результате «были ликвидированы основные препятствия для развития капиталистических отношений в деревне. Крупные полуфеодальные поместья в принципе как класс сошли с общественно-политической арены». Предпринятые властями шаги по развитию промышленности (в том числе и тяжелой) и экономической инфраструктуры привели к тому, что «экономический потенциал Ирана значительно возрос» [30, с. 46].

Автор не раскрывает сущность процессов, происходивших в Иране в 80-е годы, тем не менее перечисленные изменения дают основания охарактеризовать их следующим образом: в результате осуществления целенаправленных реформ в стране была ликвидирована полуфеодальная общественно-экономическая система и созданы условия для быстрого развития капитализма. Произошел формационный сдвиг, завершился переходный период от феодализма к капитализму, длившийся около 100 лет. Иранское общество сделало важный, решающий шаг по пути общественно-исторического прогресса.

Изменение производственных, базисных отношений является той экономической основой, из которой вырастает любая политическая революция. И события второй половины 70-х годов следовало бы рассматривать с точки зрения отношения различных социальных сил к процессу изменения производственных отношений.

С. М. Алиев, однако, ведет анализ в ином ключе. Лишь упомянув о ликвидации основных препятствий для развития капиталистических отношений в деревне, он акцентирует внимание на том, что аграрные преобразования «не привели к установлению в иранской деревне „социальной справедливости“» [30, с. 46]. Автор подтверждает свой тезис статистикой распределения земель между различными группами земельных собственников и отмечает, что «в условиях ускоренного развития капитализма маломощные крестьянские хозяйства оказались обреченными на разорение», поскольку «государство взяло курс на поощрение крупных частных ка-

питаловложений в сельскохозяйственное производство. Была предпринята также попытка создания крупных агропромышленных комплексов с участием иностранных фирм» [30, с. 47]. Следовательно, в отсутствие «социальной справедливости» в деревне С. М. Алиев видит одну из предпосылок иранской революции.

Однако концентрация земли (разорение маломощных хозяйств), поддержка государством крупных частных земельных собственников, государственные (совместно с иностранными) вложения в деревню свидетельствовали об интенсификации ее капиталистического развития, т. е. революционизировали производственные отношения в деревне, способствуя быстрейшему отмиранию полуфеодальных отношений и становлению капиталистических. Поддержка же маломощных крестьянских хозяйств, не способных производить товарную продукцию, служила бы сохранению стагнации в сельском хозяйстве, знаменовала бы собой регресс, а не исторический прогресс.

... По мнению С. М. Алиева, результаты аграрной политики шахского режима «оказались плачевными как в экономическом, так и в социальном отношении» [30, с. 47]. Автор приводит ельдюющие данные: «Доля сельскохозяйственной продукции в ВВП с 18,1% в 1973 г. снизилась до 8% в 1977 г. Импорт продовольственных товаров за тот же период по стоимости вырос с 32 млн. долл. до 1,5—2 млрд. долл. Если до начала аграрных преобразований потребление в деревне по отношению к городу составляло 1:2,1, то в 1974 г. этот разрыв увеличился до 1:4,15, а к 1978 г. уже составлял... 1:8. Материальное положение сельскохозяйственного населения, по официальным данным, ухудшилось» [30, с. 47].

Но эти вырванные из контекста различных источников цифры недостаточны для доказательства бедственного положения в деревне. Да, доля сельскохозяйственной продукции в ВВП упала. Но это падение может иметь место и при значительном росте сельскохозяйственного производства, если промышленное производство растет еще более быстрыми темпами. Увеличение закупок продовольственных товаров за рубежом также не характеризует состояние сельского хозяйства. Эти закупки могли бы быть объяснимы резким повышением благосостояния городского населения в условиях форсированного развития капитализма и способностью государства безболезненно для бюджета покрывать этот спрос за счет импорта продовольственных товаров, используя огромный объем нефтедолларов. Так же не убедительны данные о разрыве потребления на душу населения в городе и в деревне. Этот разрыв вполне мог существовать и в условиях повышения потребления в деревне на фоне значительно опережающего потребления в городе. Мы не утверждаем, что

это было именно так, мы лишь показываем, что приведенные цифры можно комментировать по-иному.

Более того, в логике автора заложено противоречие. Он утверждает, что с полуфеодальными отношениями в деревне было покончено в ходе осуществления реформ и «были ликвидированы препятствия для развития капиталистических отношений в деревне». Но если в сельском хозяйстве капитализм уже получил возможности для развития, то отпадает и необходимость в буржуазной революции для изменения аграрных отношений. Однако закономерно возникает вопрос: предпосылками какой революции могли служить те «характер и тенденции сдвигов», на которые указывает автор; осуществление революции какого типа необходимо было для установления в деревне «социальной справедливости», об отсутствии которой сокрушается автор? Ответа на этот вопрос в статье нет.

Складывается впечатление, что С. М. Алиев, **априори назвав события 1978—1979** гг. революцией, стремится оправдать этот тезис, подгоняя под него «предпосылки». При этом вместо широкого научного анализа • производственных отношений в деревне он оперирует штампом: положение в деревне ухудшилось, а посему это должно служить одной из предпосылок революции.

Таким образом, аргументация автора вряд ли убеждает в том, что сдвиги в иранской деревне в результате аграрных преобразований шахского режима послужили одной из предпосылок революции.

Далее автор статьи переходит к характеристике положения в промышленности. Основной акцент он делает на том, что преимущественное развитие получили современные промышленные и торговые предприятия, принадлежавшие «представителям крупной промышленно-финансовой буржуазии»; при этом «происходило перераспределение национального дохода в пользу незначительного меньшинства — крупной промышленно-финансовой и бюрократической буржуазии» [30, с. 47—48]. Это положение он подтверждает статистикой роста банковского кредита частному капиталу. Но из цифр неясно, какому именно частному капиталу — крупному, среднему или мелкому — отдавалось предпочтение. Неясно, каким образом рост банковского кредита *частному капиталу* связан с перераспределением национального дохода в пользу *крупной буржуазии*, включая *бюрократическую* и финансовую. Более того, как известно, в Иране наиболее быстрыми темпами развивался государственный сектор. Но об объемах капиталовложений в госсектор в статье ничего не говорится. Если автор намеревался подтвердить цифрами тезис о преимущественном развитии крупного капитала, он должен был привести данные, отражающие удельный вес соответственно крупной,

средней и мелкой промышленности в ВВП или размеры капиталовложений в каждую из этих категорий промышленности.

В результате значительного увеличения банковских кредитов частному капиталу «быстро рос удельный вес современных промышленных и торговых предприятий, а также заведений в сфере обслуживания, принадлежавших представителям крупной промышленно-финансовой буржуазии. Столь же быстрыми темпами увеличился (так в тексте.— Л. С.) объем и расширились функции частного банковского капитала. Это серьезно ударило по интересам ремесленников, мелких торговцев, хозяев мелких мастерских и других учреждений в сфере обслуж" зания. Многие из них разорялись. Ухудшение социального и материального положения малоимущих слоев населения привело к появлению в середине 70-х годов симптомов политического и социального брожения. Впервые со времени проведения шахских реформ на ряде промышленных предприятий произошли забастовки. Увеличилось число вооруженных выступлений подпольных левых организаций и мелкобуржуазной оппозиции» [30, с. 47—48].

Эта длинная цитата весьма важна, ибо в ней есть нить, потянув за которую можно распутать весь сложный клубок противоречий иранской революции. Автор этого не увидел, поскольку он мыслил стереотипами. Действительно, суть этой цитаты можно выразить следующим образом: богатые богатели, а бедные еще больше беднели, и их праведный гнев послужил одной из предпосылок революции. Но такое понимание исторической реальности представляется упрощенным.

Процессы, описанные С. М. Алиевым, — нормальные явления развивающегося капитализма: концентрация и централизация производства и капитала, быстрый рост современных промышленных предприятий, расширение сферы действия банковского капитала, занятие господствующих позиций крупным капиталом. Все это свидетельства динамичного развития капитализма, идущего на смену отжившим феодальным отношениям. Классики марксизма-ленинизма оценивали развитие капитала от мелкого к крупному, переход от эпохи свободной конкуренции к государственно-монополистическому капиталу как явление исторически прогрессивное, усматривая в этих процессах общие закономерности развития капитализма. С. М. Алиев видит в подобных же процессах в Иране явление негативное, поскольку они-де ухудшали положение «малоимущих слоев населения». О том, что в результате Ускоренного развития капитализма Иран за 10—15 лет из отсталой, нишей, полуфеодальной страны превратился в одну из ведущих стран Ближнего И Среднего Востока, автор умалчивает.

Вместе с тем в приведенной выше цитате есть одно весьма важное наблюдение, которое автор не оценил. Он утверждает, что развитие крупного капитала «серьезно ударило по интересам ремесленников, мелких торговцев, хозяев мелких мастерских и других учреждений в сфере обслуживания». Автор именует их «малоимущие слои населения», игнорируя, что эти слои вместе с торгово-ростовщической буржуазией составляли традиционную мелкотоварную систему производства, господство которой на протяжении почти полувека препятствовало развитию промышленного капитализма. Естественно, что реформы шаха, направленные на индустриализацию страны, на развитие современных форм капитализма, затронули интересы представителей этой системы.

Таким образом, речь может идти не о противопоставлении бедных богатым, а о столкновении двух систем производства: старой, консервативной системы традиционного мелкотоварного производства, пытающейся во что бы то ни стало сохранить свои позиции, и новой системы современного капиталистического производства, разрушающей старую, доставшуюся в наследство от полуфеодального общества. Именно в этом столкновении старого и нового — ключ к пониманию явления, получившего в иранистике наименование «иранская революция».

Более трезвый подход к этому явлению должен был быть продиктован историческим опытом. В европейской истории уже были примеры, когда «малоимущие слои населения» выступили против «ужасов» капитализма в период его кризиса 20—30-х годов. Социальной базой этого движения были те же слои, на которые указывает С. М. Алиев, т. е. «ремесленники, мелкие торговцы, хозяева мелких мастерских». К чему привело это движение «лавочников» в Германии, Италии, Испании, хорошо известно. Причем характерно, что фашизм не получил распространения в высокоразвитых капиталистических странах, таких, как Англия, Франция, США (где мелкая буржуазия уже успела «вывариться» в капиталистическом «котле», стала органичной частью капиталистического общества), но бурно расцвел в относительно отсталых странах капитализма, где, подобно Ирану, наряду с быстро развивавшимися современными промышленными отраслями все еще сохранялись широкие пласты традиционных мелкотоварных структур, обладавших значительной экономической самостоятельностью.

Если подойти к оценке иранских событий конца 70-х годов с позиций борьбы носителей отживающих производственных структур против разрушающего воздействия на них новых, современных отношений, то распадается концепция «народной антиимпериалистической революции». Ведь революция — это всегда борьба за утверждение нового, за дальней-

ший прогресс общества, но никак не отчаянная попытка сил старого удержать свои позиции в 'противоборстве с новым. Революция — это всегда локомотив истории, но никак не ее тормоз. Если при анализе массовых движений отбросить критерий общественно-экономического прогресса, тогда невозможно отличить революцию от контрреволюции, прогрессивность от реакционности.

- Автор статьи, однако, мыслит иными категориями. Подводя итог анализа «характера л тенденции сдвигов» в социально-экономической жизни Ирана (т. е. социально-экономических предпосылок «иранской революции»), он пишет: «Целый комплекс объявленных шахом политических, социальных и экономических реформ, включая почерпнутые из арсенала социал-реформизма, оказался, однако, малоэффективным. В условиях, когда уровень жизни 54% иранских семей находился ниже порога бедности, серьезная социально-экономическая база для реализации подобных реформ попросту отсутствовала; многие провозглашенные реформы в обстановке всевластия тотально-бюрократического режима оставались на бумаге» [30, с. 48]. Следовательно, одна из предпосылок революции заключалась в том, что предпринятые шахом буржуазные реформы «оказались малоэффективными». Более того, они и не могли быть осуществлены в условиях низкого жизненного уровня большей части населения. (Заметим, что, по логике автора, в «бедных» странах вообще невозможны эффективные реформы из-за отсутствия социально-экономической базы для их реализации.)

Из утверждения С. М. Алиева вновь возникает вопрос: какая же революция нужна была Ирану? Ведь любая революция направлена на то, чтобы разрешить противоречия, ее вызвавшие, т. е. ликвидировать причины, ее породившие. Но какого же типа революция может привести к эффективному осуществлению реформ, которые вообще невозможно осуществить, пока более половины населения живет в нищете?

Таким образом, автор, пообещав «уяснить характер и тенденции сдвигов, происходивших в общественно-политической и экономической жизни Ирана в предреволюционные годы», лишь запутал читателя и ничего не дал ему «для понимания предпосылок иранской революции». Для читателя осталось неясно, носили ли эти сдвиги такой характер, что непременно должны были привести к революции (и к революции какого типа).

Далее автор приводит политические причины революции. * \ ним он относит «свирепый террор», царивший в стране, подавление оппозиционных групп и организаций; попытки до-
"] " b c я «полного контроля над духовенством»; расходование |ефтедолларов «во многом в интересах западных монопо-

лий»; «многократное увеличение военных расходов» и приглашение в страну тысяч иностранных военных советников, призванных обслуживать сложную военную технику и управлять ею; гальванизацию агрессивного блока СЕНТО и выполнение Ираном роли жандарма в Персидском заливе; «невиданный в истории страны разгул казнокрадства, коррупции и финансовых операций»; расточительство и чрезвычайную роскошь иранской правящей элиты [30, с. 48—50]. Однако этот внушительный список представляет собой характеристику режима, но отнюдь «е может рассматриваться как предпосылки революции. Подобный набор черт присущ десяткам государств, но это не означает, что они находятся в преддверии революции, что в них созрели ее предпосылки.

Скорее всего, можно говорить о попытке автора «прокинуть» настоящее в прошлое: в ходе антишахского движения указанные выше черты шахского режима подвергались острой критике со стороны оппозиции, поэтому они и были зачислены автором в предпосылки революции. Однако сама по себе борьба против указанных негативных черт (каждой в отдельности или вместе взятых) не может служить критерием революции. Действительно, борьба за изменение структуры инвестиций (в том числе расходовании нефтедолларов), за сокращение военных расходов, за вывод из страны иностранных военных советников, за изменение внешнеполитического курса, борьба против казнокрадства и (Коррупции, расточительства и роскоши ведется в разных вариациях и сочетаниях во многих странах, но вряд ли эту борьбу можно рассматривать как революционную в отрыве от анализа общих социально-экономических условий, классовых противоречий и интересов различных слоев общества.

С. М. Алиев, завершив, по его мнению, анализ предпосылок и причин «революции», переходит к описанию событий в Иране конца 70-х годов. «К 1977 г. обнаружилось серьезные трудности в иранской экономике. В марте 1977 г. инфляция превысила уровень предшествующего года на 30%, а цены выросли на 40%. Многие наметки пятого плана развития (1973—1978) оставались невыполненными. Материальное положение *трудящихся классов* ухудшалось, что вызывало нарастание недовольства *широкой общественности* политикой правительства. Становился явным провал многих социальных и политических реформ. В стране появились симптомы революционной ситуации. Оппозиционно настроенные деятели обращались к шаху с требованием о демократизации общественно-политической жизни в стране. О провале политики иранской верхушки открыто говорили даже представители правящих классов (курсив наш.— Л. С.)» [30, с. 51].

В этой цитате видна явная натяжка. Автор оперирует такими общими терминами, как «трудящиеся классы», «широ-

кая общественность». Но и ремесленник, и мелкий торговец, поденщик, и семейный рабочий в мельчайшей мастерской, пролетарий крупной современной фабрики — все они попадают в категорию трудящихся классов. Однако интересы промышленного пролетариата и его цели в революции коренным образом отличаются от интересов и целей мелких лавочников, а в понятие «широкая общественность» можно вместить весь спектр групп и слоев — от крайне реакционных до ультралевых. Как же можно говорить о возникновении «симптомов революционной ситуации», не рассматривая различия интересов и целей многочисленных социальных слоев и классов, не показывая характера противоречий между ними и каждого из них по отношению к правящему режиму, не оценивая их место и роль в общественном производстве? Без такого анализа рассуждения автора применимы как к Ирану, так и к другим странам с высоким уровнем роста цен и инфляции, где «широкая общественность» недовольна политикой правительства, а оппозиционные деятели обращаются к главе государства с требованием о демократизации, но где наряду с этим нет и намека на революционную ситуацию или хотя бы на ее симптомы.

Описанная С. М. Алиевым ситуация в общих чертах вполне соотносима и с положением в Советском Союзе в конце 70-х годов, где были налицо и рост цен, и инфляция, «недовольство «широкой общественности», и требования оппозиционно настроенных деятелей (например, академика Сахарова) о демократизации, но где и в помине не было революционной ситуации.

Положение в Иране в начале 1977 г. не соответствовало и классическому определению революционной ситуации. В это время «верхи» еще могли управлять по-старому, шахский режим довольно прочно стоял на ногах и не было никаких признаков того, что вскоре он может пасть; не наблюдалось также и обострения «выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [8, с. 218], (хотя жизненный уровень некоторых беднейших слоев и снижался). Более того, зарплата промышленного пролетариата неуклонно возрастала [38, с. 89—113]; не наблюдалось и значительного повышения «активности масс... привлекаемых, как @сей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению» [8, с. 218]. Можно было бы говорить о появлении признаков революционной ситуации гораздо позже, в 1978 г., когда развернулось массовое антишахское движение.

Как же развивались события в Иране далее? В августе 1977 г. шах сменил правительство. «Тем не менее инфляция продолжала оставаться очень сильной, цены росли, материальное положение трудящихся продолжало ухудшаться...

Оказавшись не в состоянии оправиться с экономическими и социальными проблемами, шах усилил репрессии в отношении недовольных» [30, с. 51]. Автор описывает действия САВАК — аресты, убийства, пытки представителей оппозиции.

Эти меры вызвали «открытое недовольство демократических кругов». В чем же оно выразилось? «В июне 1977 г. около 100 представителей творческой интеллигенции опубликовали воззвание с призывом к правительству разрешить им создание союза писателей, запрещенного в 1969 г. В июле 64 известных юриста выступили с требованием восстановления автономности судопроизводства. В октябре в Тегеране были организованы „поэтические чтения“, приобретшие характер политической демонстрации против властей... Все эти выступления были вполне легальными, но носили антиправительственный характер [30, с. 51—52]. Обращает на себя внимание явное несоответствие между зверствами САВАК и степенью «открытого недовольства демократических кругов», вылившегося в проведение нескольких вполне легальных мероприятий.

Вслед за этим проявлением недовольства начались «массовые» выступления: 15 и 16 ноября 1977 г. имели место волнения в политехническом университете «Арьяшехр» и Тегеранском университете. В течение трех-четырех дней они были подавлены полицией. «8—9 января в важном религиозном центре — г. Кум состоялись антиправительственные демонстрации учащихся религиозных училищ, духовных лиц и представителей средних городских слоев, в ходе которых не только провозглашались антиправительственные лозунги, но и выдвигалось требование о ликвидации шахского режима и восстановлении конституционных норм. Демонстрация закончилась кровопролитием: не менее 60 ее участников были убиты, сотни ранены» [30, с. 52].

В феврале «вспыхнуло восстание в Тебризе», в котором участвовало около 100 тыс. человек. «Часть восставших выдвигала левые лозунга, другие выступали под руководством оппозиционно настроенных религиозных деятелей» [30, с. 52].

«Студенческие волнения, январские массовые демонстрации и тебризское восстание (к тому, что это за восстание, мы еще вернемся.— Л. С.) ознаменовали начало социально-политического кризиса в Иране» [30, с. 52].

Таким образом, согласно С. М. Алиеву, в начале 1977 г., когда еще не было открытых массовых оппозиционных выступлений, в стране появились «симптомы революционной ситуации», а демонстрации в январе, тебризское «восстание» в феврале 1978 г., сопровождавшееся многочисленными жертвами (т. е. когда уже были налицо активные действия масс), ознаменовали начало всего лишь «социально-политического

кризиса». Логичнее было бы говорить наоборот: развитие социально-политического и экономического кризиса привело к возникновению и развитию в 1978 г. революционной ситуации.

Весьма показательным является анализ участников движения, их настроений и образа действий. «Наиболее активными участниками этих первых выступлений (за исключением студенческих волнений ноября 1977 г. в Тегеране), а также последующих городских волнений — вплоть до конца августа 1978 г. были „традиционные“ средние городские слои, связанная с ними часть рабочих, а также пауперы... Поскольку упомянутые слои населения главную причину ухудшения своего положения усматривали в „вестернизации“, т. е. обуржуазивании всего уклада жизни и культуры, в отступлении от традиций, то их ненависть вылилась в действия, направленные на уничтожение символов новых для Ирана явлений в общественной жизни. Они были также крайне враждебно настроены против режима и активного проводника его политики — партии „Растахиз“. Поэтому участники городских восстаний и волнений поджигали и подвергали разгрому отделения партии „Растахиз“, правительственные учреждения, банки и кинотеатры, супермаркеты и ночные клубы» [30, с. 52].

Возникает вопрос: если в движении на этом этапе участвовали главным образом «традиционные» слои, связанная с «традиционным» производством часть рабочих и пауперы; если выступали они против «обуржуазивания» страны, т. е. явления, вызванного развитием капитализма в Иране, то насколько правомерно считать революционной борьбу этих «старых» социальных слоев против «нового», т. е. против капитализма? Тезис всегда подразумевает и антитезис: если эти «традиционные» слои выступали против «обуржуазивания», то логично напрашивается вывод, что они выступали за «офеодаливание», т. е. за строй, не имеющий буржуазного характера. И в этом случае возникает сомнение в революционности их позиций. По-видимому, не случайно и их действия носили деструктивный, погромный характер: «уничтожение символов (!) новых для Ирана явлений в общественной жизни» (почему только символов, а не самих явлений?).

С. М. Алиев отмечает, что особенностью этого движения явилось то, что его возглавили крупные шиитские улемы. Объясняет он этот факт следующими причинами: «К середине 70-х годов шахской охранке и жандармерии удалось разгромить большинство оппозиционных организаций и группировок или же заставить их уйти в глубокое подполье. Вместе с тем главные участники волнений принадлежали к той части иранского общества, которая сохраняет наибольшую при-

верженность к религии. Открытое выступление этих слоев против режима способствовало вовлечению духовенства в политическую борьбу» [30, с. 53].

Это объяснение довольно спорное. Широко известно, что именно религиозные деятели в большинстве случаев являлись инициаторами и подстрекателями выступлений масс, начиная с известных демонстраций в Куме 8–9 января 1978 г. Но с целью не умалить «подлинно народный» характер революции автор трактует события так, что народные массы, приверженные исламской религии, сами поднялись на борьбу, а их духовные пастыри лишь присоединились к этому движению, очевидно из чувства солидарности со своей паствой.

Побудительные мотивы участия духовенства в антишахской борьбе С. М. Алиев описывает следующим образом: «В новейшей истории Ирана было немало случаев, когда шиитские лидеры ради сохранения своей репутации становились выразителями недовольства народных масс. Так было и на этот раз... Конечно, шиитские улемы также были весьма недовольны нововведениями и сильной американизацией всего уклада жизни в Иране. Религиозные лидеры воспользовались народным движением для восстановления своих политических и экономических позиций, которых они во многом лишились в ходе шахских реформ и в результате превращения Ирана в полицейское государство: в 60–70-е годы правительство усилило контроль над религиозными пожертвованиями, шах назначал отставных офицеров попечителями мечетей и гробниц и т. д. (курсив наш.—Л. С.)» [30, с. 53].

Вряд ли можно считать революционным стремление духовенства не потерять репутацию у верующих, восстановить свои политические и экономические позиции, сохранить контроль над религиозными пожертвованиями и имуществом. Устремления духовенства были направлены «назад», в полуфеодалное прошлое, обеспечивавшее ему прочность старых позиций, подрываемых развитием новых, капиталистических отношений. Вместе с тем интересы «основных участников движения», выступавших против «обуржуазивания всего уклада жизни», и шиитских лидеров, возглавивших движение в меркантильных интересах, явно совпадали, и говорить об их революционности не приходится.

Важным элементом исследования любой революции является анализ интересов, целей и задач различных классов и социальных слоев. В статье С. М. Алиева этот анализ сводится к следующему: «Особенностью иранской революции было и то, что в самом ее начале установилась стихийно возникшая солидарность между по существу далекими друг от друга в идейно-политическом отношении силами; основой для их совместных действий послужила общая цель — ликвидация ненавистного шахского режима... дальнейший ход ре-

волюционных событий был отмечен еще большим расширением состава его участников» [30, с. 53].

Автор подчеркивает общность целей антишахских сил и оставляет в стороне различие их интересов. Но при анализе революции главное именно второе. Для революции свержение режима не может быть самоцелью, главное — с какой целью различные силы добиваются его падения, какие задачи эти силы намерены решить в результате ликвидации режима.. И очевидно, что у сил, «далеких друг от друга в идейно-политическом отношении», эти задачи не могут быть одними и теми же, несмотря на наличие общего врага. Более того, они могут быть прямо противоположными, и в этом случае если задачи одних признать революционными, то по логике задачи других следует рассматривать как контрреволюционные. Однако, стремясь оправдать «народный» характер революции, автор не обращает на это внимания.

Далее С. М. Алиев в хронологическом порядке излагает основные события антишахской борьбы, главным образом митинги и демонстрации оппозиционных сил и их расстрелы шахскими властями в различных городах страны. Указывая на включение в борьбу буржуазно-демократических организаций после прихода к власти в августе 1978 г. правительства Шарифа-Имами, провозгласившего свободу политических партий, он лишь отмечает, что это «изменило расстановку политических сил в пользу оппозиции» и привело к возрастанию «демократических тенденций и течений в антимонархическом движении» [30, с. 54], не конкретизируя, в чем это выражалось. Точно так же он только констатирует включение в борьбу в ноябре 1978 г. промышленного пролетариата, служащих, студентов, интеллигенции и учащихся старших классов иранских школ, но обходит молчанием такой важный момент, как причины их вступления в борьбу, их требования и цели, указывая только на то, что «эти социальные силы, обладающие более высокой политической сознательностью, внесли в движение новые, более эффективные методы и формы борьбы (забастовки, бойкот)» [30, с. 55]. Включение этих сил в борьбу он использует как основание для вывода, что в конце октября — начале ноября 1978 г. «революция по существу приобрела общенародный характер» [30, с. 55].

Приведя еще несколько фактов антишахских выступлений, автор подходит к кульминационному моменту: «Вооруженное выступление в Тегеране И февраля... переросло в народное восстание, охватившее всю страну, привело к падению правительства Ш. Бахтияра, самороспуску обеих палат парламента. К исполнению своих обязанностей приступило правительство М. Базаргана, назначенного на этот пост еще Раньше аятоллой Хомейни» [30, с. 56–57].

В заключение статьи С. М. Алиев пишет: «В результате победы революции у власти оказались в основном политические деятели, выдвинувшиеся благодаря тесному сотрудничеству с аятоллой Хомейни и другими религиозно-политическими лидерами (курсив наш.—Л. С.)» [30, с. 57].

Начав и закончив статью словом «революция», автор, однако, убедительных доводов в пользу того, что события 1978—начала 1979 г. являлись именно революцией, так и не привел. Читатель остался в неведении относительно основных противоречий, существовавших в иранском обществе, относительно требований различных классовых сил и их расстановки, относительно задач и целей, которые преследовали различные партии, организации, классовые и социальные слои, т. е. относительно того, что составляет основу научного анализа любой революции. Кроме того что традиционные слои, являясь основными участниками движения, выступали против «обуржуазивания» страны; что возглавившее движение духовенство стремилось восстановить свои политические и экономические позиции; что с включением в борьбу демократических организаций возросли демократические тенденции и течения, а пролетариат, служащие, студенты, интеллигенция и учащиеся старших классов внесли в движение новые формы борьбы,—ничего большего читатель не узнал. Но приведенного выше явно недостаточно для утверждения, что антишахское движение представляло собой революцию, поскольку в описанных явлениях не содержится научно обоснованных признаков революции, как недостаточно для этого и факта свержения шаха. История знает множество примеров, когда существующий режим свергался силами реакции и в реакционных целях, когда диктатор свергался ради того, чтобы к власти пришел другой диктатор.

Статье С. М. Алиева уделено такое большое внимание потому, что она была первой попыткой анализа событий 1978—1979 гг. в Иране и в определенной степени задала тон дальнейшим исследованиям иранистов. Но произошло это отнюдь не потому, что в ней содержался блестящий анализ и достоверные выводы, а потому, что высказанные в ней основные идеи совпали с оценкой иранских событий в официальных идеологических кругах, в частности в ЦК КПСС. Если вспомнить обстановку в нашей стране в конце 70-х годов, если учесть, что Иран примыкал к Афганистану, где после апрельских событий происходили весьма неоднозначные процессы, то становится вполне очевидным, что научные публикации по региону Среднего Востока привлекали особое внимание ЦК КПСС и подвергались жесточайшей цензуре. Поэтому ни одна работа не могла быть напечатана, если ее содержание не соответствовало установкам, выработанным функционерами, курирующими в ЦК КПСС вопросы внешней

политики. Разрешением на публикацию статьи С. М. Алиева директивные партийные органы как бы давали понять ученым-иранистам, как оценивать события в Иране и в каком русле о них писать.

Возникает вопрос: почему в ЦК КПСС события в Иране были восприняты как революция? В основе внешнеполитической стратегии СССР лежала идея достижения социализмом мирового господства. Огромная роль в этом отводилась странам «третьего мира», который рассматривался как арена борьбы двух систем — социалистической и империалистической. При этом подразумевалось, что успешное наступление на позиции империализма будет осуществляться за счет перехода все большего числа стран Востока к социализму. Считалось, что страны «третьего мира», испытывавшие на себе в колониальную эпоху «гнет империализма», не приемлют капитализма и раньше или позже перейдут на путь «социалистической ориентации». Поэтому все движения, направленные против «империалистического влияния», особенно США, расценивались советской официальной идеологией как явления прогрессивные, подрывающие позиции «империализма» на Востоке и тем самым способствующие укреплению мировой социалистической системы.

С этих позиций для советских партийных идеологов было логичным объявить события в Иране революцией, поскольку ее «антиимпериалистическая» направленность была очевидной. Более того, в этой революции наблюдались и определенные антикапиталистические настроения, что в свете привычной нам дихотомии «капитализм—социализм» также приобретало положительное звучание. (Вместе с тем игнорировалось то, что критика капитализма может иметь и негативный, реакционный характер, на что указывали К. Маркс и Ф. Энгельс [21, с. 448—450].)

В 1978—1979 гг. еще не было ясно, как будут разворачиваться события в Иране. Выдвижение в ходе политической борьбы демократических, эгалитаристских лозунгов, участие в ней широких народных масс, активная деятельность левых организаций, сыгравших решающую роль в февральском восстании 1979 г., свергнувшем шахский режим, создавали у советского партийно-государственного руководства иллюзию возможности радикальных прогрессивных изменений всей политической и социально-экономической системы в Иране, не исключая и возможность выхода за рамки капитализма. Активность левых организаций, легализация их деятельности и усиление ими пропаганды своих взглядов среди различных слоев населения, особенно студенчества и рабочих,— все это позволяло надеяться на то, что левые организации могут при благоприятных условиях значительно усилить свое влияние в иранском обществе.

Это служило дополнительным аргументом для руководства КПСС в пользу того, чтобы провозгласить происшедшие в Иране события революцией и иметь как бы моральное оправдание того или иного рода вмешательства под предлогом «защиты революции» от внешней или внутренней «реакции». Попытка вмешательства имела место в ноябре 1978 г., еще до свержения шаха, когда Л. И. Брежнев в интервью корреспонденту «Правды» выступил с известным заявлением, в котором говорилось о том, что «Советский Союз, который поддерживает с Ираном традиционные добрососедские отношения, решительно заявляет, что он против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом... Должно быть ясно и то, что любое, а тем более военное вмешательство в дела Ирана — государства, которое непосредственно граничит с Советским Союзом, СССР рассматривал бы как затрагивающее интересы его безопасности» [103, 19.11.1978]. Это заявление свидетельствовало о намерении советского партийно-государственного руководства использовать события в Иране для того, чтобы добиться его выхода из-под влияния США и объявить его сферой своих геополитических интересов как государства, непосредственно примыкающего к границам СССР.

Для брежневского режима, проникнутого идеологией противостояния двух мировых систем, было весьма заманчивым создать на южных границах зону своего влияния и отодвинуть от них «западную угрозу». Признание революциями событий в Афганистане и Иране облегчало эту задачу, так как СССР, считавший себя ведущей силой мирового революционного процесса, полагал вправе если не прямо вмешиваться (как это было сделано в Афганистане), то оказывать покровительство тем странам, в которых «народ поднялся на революционную борьбу» против господства «империалистических сил».

Таким образом, тезис о революции в Иране был выдвинут партийными идеологами не на основе анализа событий в этой стране, а исходя из геополитических соображений и стратегических внешнеполитических установок. «Научное» же обоснование этого тезиса возлагалось на советских востоковедов.

Но это не означало, что им были даны «сверху» прямые указания. «Идеологическое чутье» им подсказывало, о чем можно писать, а о чем — нет, в каких пределах можно дискутировать о характере событий в Иране, а за какие рамки переступать нельзя. Определенность внес XXVI съезд КПСС, в материалах которого было записано: «Особый характер: имеет революция в Иране, которая стала крупным событием в международной жизни последних лет. При **всей** своей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериа!

листическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить этот ее характер» [62, с. 13]. После заявления, сделанного Л. И. Брежневым в докладе на съезде, любые попытки поставить под сомнение правомерность тезиса о происшедшей в Иране революции рассматривались бы как стремление пересмотреть решения партии, что в те времена воспринималось как кощунство и могло иметь далеко идущие последствия. Впрочем, если кто-нибудь из иранистов и решился бы на такой шаг, ни один редактор не пропустил бы его работу в печать. Редакторы, в свою очередь, были заложниками системы цензуры.

Не следует, однако, подозревать всех иранистов в том, что они думали одно, а писали другое. Большинство из них искренне разделяло идею о революции в Иране. Ведь и партийные функционеры, и ученые в свое время учились в одних и тех же школах и институтах по одним и тем же учебникам, читали одни и те же книги, их мировоззрение формировалось под влиянием одних и тех же пропагандистских лозунгов, идей и установок. Под воздействием всего этого у них (за редким исключением) вырабатывался и одинаковый образ мышления. Поэтому неудивительно совпадение оценки событий в Иране у представителя официальной идеологии и научной общественности. В этом была не столько вина, сколько беда ученых.

На идее глобального противостояния двух систем строилось все востоковедение, именно под этим углом рассматривались советскими учеными процессы в развивающихся странах. Это четко прослеживается, например, в обобщающем труде ученых Института востоковедения АН СССР, посвященном положению в странах Востока на рубеже 80-х годов. Подводя итоги исследования, они отмечали: «Главными факторами, препятствующими объективно неизбежному процессам национального возрождения и социального обновления освободившихся стран, являются мировой империализм и местная реакция... В противовес этому мировая социалистическая система, рассматривая развивающиеся страны в качестве своего естественного союзника в процессе общемировой антиимпериалистической борьбы, оказывает этим странам бескорыстную помощь и поддержку» [43, с. 254].

Еще более определенно высказался Е. М. Примаков, бывший в 70—80-х годах директором Института востоковедения. В заключении к своей книге он писал: «Сегодня, очевидно, можно с большей степенью вероятности, чем когда бы то ни было раньше, прогнозировать пути развития Востока и в краткосрочном и в долгосрочном плане. При этом если долгосрочная перспектива не вызывает сомнений, она безусловно видится как движение в сторону будущего всего человечества—социализма, то на ближайшую перспективу

можно утверждать, что Восток все еще остается пестрым, разным по уровню развития, по государственному устройству, по избранной ориентации. Но даже если значительная часть бывшего колониального и зависимого мира все еще развивается на путях капитализма, это отнюдь не означает укрепления мировой капиталистической системы... Общая тенденция развития, а она является определяющей, такова, что события на Востоке в целом работают на подрыв мирового империализма и в конечном счете служат торжеству идей социализма во всемирном масштабе. Это главный вывод книги...» [66, с. 195—196].

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов истории войну во Вьетнаме, создание под эгидой западных стран военных блоков в Азии, размещение военных баз, активное участие в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке и т. п. Но зададимся вопросом и попытаемся честно ответить на него: не мы ли сами с нашей идеей установления мирового господства социализма, политикой превращения «третьего мира» в арену противоборства двух мировых систем, поддержкой тоталитарных режимов, провозгласивших себя социалистическими, или стран, якобы избравших «социалистическую ориентацию», а на самом деле занявшихся международным разбоем, подобно Ираку, вторгшемуся в Кувейт,— не мы ли сами всем этим провоцировали «происки империализма» на Востоке, не была ли политика западных держав в этом регионе во многом ответом на наши отнюдь не миролюбивые действия?

Вернемся, однако, к Ирану. Вслед за статьей С. М. Алиева в том же, 1979 г. была опубликована статья С. Л. Агаева, включенная в сборник научно-аналитических обзоров ИНИОН АН СССР, изданный под грифом «Для служебного пользования» [28, с. 5—91]. С некоторыми добавлениями эта работа полностью вошла в книгу С. Л. Агаева, увидевшую свет в 1981 г. [27].

В обеих работах тезис о том, что в Иране произошла именно *революция*, автор считает само собой разумеющимся, а главную задачу он видит в том, чтобы определить, *какая* это была революция. Уже IV первой фразе введения как к сборнику статей, так и к книге эти события называются «народной антимонархической и антиимпериалистической революцией». Однако если в статье 1979 г. автор ограничивается лишь этим определением характера революции, то в книге 1981 г. он его несколько уточняет и расширяет: «Народная по многоклассовому характеру, движущим силам и методам борьбы, антимонархическая, антимонополистическая и антиимпериалистическая по основной направленности, буржуазно-демократическая по назревшим задачам (при определенных антикапиталистических тенденциях), исламская по ру-

-доводящей роли духовенства и организационно-идеологической основе...» [27, с. 261—262].

Определения «народная, антимонархическая, антимонополистическая, антиимпериалистическая, исламская» являются описательными характеристиками движения, и только определение «буржуазно-демократическая» относится к его социально-классовому содержанию. Причем обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор, называя революцию буржуазно-демократической, считает, что она содержит определенные антикапиталистические тенденции. Но это равносильно тому, что назвать революцию одновременно буржуазной и антибуржуазной. Это противоречие легко бы устранялось, если С. Л. Агаев указал на столкновение двух направлений в ангишахском *движении* (буржуазного и антикапиталистического), в котором победила буржуазная тенденция, в силу чего и революцию следует считать буржуазной.

Но тогда логично возникает другой вопрос: почему события, в которых буржуазное течение одержало верх над антикапиталистическим (даже и выраженным как тенденция), следует рассматривать как революцию, а не как контрреволюцию по отношению к борьбе антикапиталистических сил? Ведь по нашим идеологическим меркам конца 70-х годов борьба против любых буржуазных проявлений считалась прогрессивной, поскольку она ведет к социализму; и наоборот, борьба против социализма, за возврат к капитализму, к буржуазности есть борьба реакционная. Как видим, в определении С. Л. Агаевым социально-классового содержания революции имеются неразрешимые противоречия. Но если возникают сомнения относительно социально-классового содержания революции, то теряют смысл и все остальные ее определения, ибо бессмысленно спорить о том, какая это была революция по направленности, движущим силам, руководящей роли и организационно-идеологической основе, пока не разрешены сомнения относительно того, а была ли это революция.

Что же дает С. Л. Агаеву основание говорить о буржуазно-демократическом «по назревшим задачам» характере революции? Он признает, что в годы «„белой революции“ Иран сделал крупный шаг IV экономическом развитии... По темпам роста экономики Иран не только занимал второе место в Азии после Японии, но подчас значительно опережал ее. В начале 70-х годов рост промышленной продукции иногда достигал 20% в год...» [27, с. 164]. За короткое время в Иране были созданы отрасли современной индустрии—металлургия, нефтехимическая промышленность, автомобильная и тракторостроительная, судостроение и самолетостроение и т. п. «За 1960—1975 гг. удельный вес промышленности (в том числе и нефтяной) в валовом национальном продукте уве-

личился с 27,5 до 72,1%..., Иран быстрыми темпами превращался из аграрной в индустриально-аграрную страну» [27, с. 165].

Отмечая, что «с началом „белой революции“ формирование новых, капиталистических отношений в Иране получило невиданный до тех пор размах», С. Л. Агаев правильно указывал на то, что «базой для их развития являлся значительно разросшийся государственный сектор, в котором была сосредоточена основная часть вновь созданной тяжелой индустрии. К середине 70-х годов на долю этого сектора приходилось $\frac{2}{3}$ общих инвестиций в экономику, вся производственная инфраструктура, свыше 50% промышленного производства, около половины импортных операций и примерно треть экспортных (без нефти), контроль над частью внутренней торговли» [27, с. 166].

Концентрацию в руках государства огромной массы производительных сил отмечал не только С. Л. Агаев, но и фактически все иранисты-экономисты. Однако мало кто из них в начале 80-х годов понимал действительное значение этого явления для судьбы страны. Некоторые востоковеды даже высказывали мнение, что развитие госсектора в странах Востока является свидетельством минования ими капитализма, базирующегося, как известно, на частной собственности. И только в последние годы, когда со всей очевидностью проявился кризис структуры производства в СССР, основанной на гипертрофии государственного сектора, и советская научная мысль дала этому явлению оценку, стало возможным более ясно увидеть и роль госсектора в Иране, которую он сыграл в развитии социально-экономических и политических процессов.

Среди важных явлений в развитии иранской промышленности С. Л. Агаев отмечал широкое привлечение иностранного капитала, главным образом «ради получения передовой технологии» [27, с. 166]. Только с 1961 по 1975 г. иностранные капиталовложения в Иране увеличились более чем в 20 раз [27, с. 166].

Помимо развития госсектора правительство стимулировало формирование крупной буржуазии, содействуя «процессу концентрации производства, сращиванию промышленного капитала с банковским (в том числе и иностранным) и возникновению на этой базе монополистических тенденций >и элементов государственно-монополистического регулирования» [27, с. 166—167].

Таким образом, складывается картина быстрого, динамичного развития современных форм промышленного капитализма, преимущественно государственно-монополистического типа, ведущего к преодолению экономической отсталости страны.

Однако этот процесс сопровождался, как считает С. Л. Агаев, многими негативными явлениями. К ним он относит тот факт, что «развитие монополистического капитала в Иране, как и в некоторых других странах Востока, в отличие от „классического“ западного варианта происходило не на основе капиталистического преобразования множества кустарных и полукустарных промышленных предприятий, низших форм предпринимательства, а с помощью и при непосредственной поддержке „сверху“, в результате государственно-капиталистических мероприятий правительства... Образование еще на фазе становления капитализма монополично-капиталистических структур с высокой концентрацией капитала и развитие на этой почве элементов государственно-монополистического регулирования, связанных с империализмом, в условиях „третичного“ капиталистического развития усугубляли свойственные им тенденции к застою, оторванности от нужд национального развития и т. п.» [27, с. 167—168].

Другим негативным моментом С. Л. Агаев считает то, что «процесс преобразования торгового капитала в промышленный почти совсем не затронул его низшие слои» [27, с. 169]. В сельском хозяйстве, «где почти полностью были ликвидированы полуфеодалские отношения», выгоды от капиталистического преобразования деревни «в конечном счете получили «опиуд» не мелкие собственники» [27, с. 170]. Высокая капиталоемкость и технологичность современного производства чщрямо сказалась на степени охвата рабочего класса зрелыми формами капиталистических отношений». Из 2,5 млн. наемных рабочих в современных отраслях было занято только 100 тыс., более 1 млн. было занято в кустарных мастерских [27, с. 170].

Особо следует выделить следующий тезис автора: «Разрушение традиционных структур как в городе, так и в деревне еще более резко, чем прежде, лимитировало возможности развития капитализма „снизу“» [27, с. 171]. Эта фраза вызывает недоумение. По логике автора, если бы традиционные структуры в городе и в деревне не подвергались разрушению, то это дало бы возможность для беспрепятственного, «нелимитированного» развития капитализма «снизу». Но развитие капитализма «снизу» как раз и происходит в результате разрушения традиционных структур и преобразования их на буржуазный лад. Без такого разрушения традиционные структуры так и оставались бы традиционными и никакого развития капитализма «снизу» не происходило.

Не меньшее недоумение вызывает и следующее суждение автора: «Общий рост национального дохода при существующем положении оборачивался усилением социального неравенства, что становилось дополнительным фактором, вызы-

вающим сужение рамок складывания капиталистического способа производства» [27, с. 171]. Но ведь именно «социальная уравниловка» убивает любую инициативу и предприимчивость, порождает «социальное нахлебничество», когда можно работать спустя рукава, а получать наравне с другими, лишает человека стремления заработать больше и обогатиться, поскольку все им заработанное будет распределено «по справедливости» между другими. Таким образом, именно стремление добиться «социального равенства» сужает возможности развития капитализма.

Завершая анализ развития Ирана в 60-е — середине 70-х годов, С. Л. Агаев делает вывод о характере противоречий в Иране. В статье 1979 г. он формулирует их следующим образом: «Основное противоречие иранского общества выступало как несоответствие политического режима, его внутренней и внешней политики потребностям дальнейшего национального развития страны. Многие аспекты охватившего Иран кризиса, несомненно, были следствием глобальной стратегии империализма, направленной на „перехват“ национальной революции и ускоренную капиталистическую модернизацию страны, сопровождавшуюся ее усиленной милитаризацией и превращением в „стража“ интересов Запада в районе Персидского залива и Индийского океана» [28.. с. 82—83].

Таким образом, истоки кризиса С. Л. Агаев рассматривает сквозь призму «происков империализма», навязавшего Ирану ускоренное развитие капитализма ради предотвращения «национальной» революции, т. е. революции «снизу».

Однако в книге 1981 г. он несколько по-иному трактует эту проблему, делая больший упор на внутренний фактор: «Насажение „сверху“ современных форм промышленного производства оказывало блокирующее воздействие на развитие средней буржуазия, занятой в таких традиционных отраслях легкой промышленности, как текстильная, швейная, и пищевая. В условиях искусственного „перескакивания“ через этап домонополистического капитализма со свойственной ему свободной конкуренцией средняя буржуазия была; крайне малочисленна» [27, с. 168]. Но почему развитие средней буржуазии, занятой в отраслях легкой промышленности должно рассматриваться как явление более прогрессивное по отношению к развитию современных форм крупного промышленного производства? И почему «перескакивание» через домонополистический этап, сокращающее сроки преодоления экономической отсталости страны, представляет собой негативное явление?

В книге С. Л. Агаева можно найти такой аргумент; «Пропуск определенных фаз развития производительных сил, пройденных в свое время промышленно развитыми странами

.обусловил верхушечный и ввиду этого эфемерный характер высших, современных форм капиталистического производства. Последние возникли... не на базе буржуазного преобразования низших, традиционных форм предпринимательства и других внутренних предпосылок, а насаждались, так сказать, „извне“, с помощью и при непосредственной поддержке „сверху“... Все это свидетельствовало о неспособности насаждаемых „сверху“ современных форм частнохозяйственного капитализма в нынешних условиях восточного общества преобразовать все традиционные социально-экономические структуры, которые лишь консервировались и приспособлялись к интересам „внешних“ по отношению к ним сил. Выросшая на базе „новейшего“ капитализма „тысяча семейств“ создала новые преграды на пути массового и свободного капиталистического развития» [27, с. 255].

Разберемся в доводах автора. Для того чтобы развивать капитализм, каждой стране нет необходимости заново изобретать паровой двигатель и механический ткацкий станок, если есть возможность приобрести станок с программным управлением, работающий от электросети. Иными словами, пропуск определенных фаз развития производительных сил странами, вставшими на путь капиталистического развития гораздо позже Запада, есть явление закономерное и крайне желательное. Если повторять весь путь, пройденный промышленно развитыми государствами, то страна будет обречена на извечную отсталость, поскольку понадобится несколько столетий, чтобы достичь сегодняшнего уровня Запада, в то время как он уйдет далеко вперед.

Буржуазные отношения в Иране начали развиваться примерно с середины XIX в., и итогом этого развития почти за столетие (до начала 60-х годов) явилась полуфеодалная страна с отсталой экономикой и полным отсутствием тяжелой промышленности. Система традиционных форм предпринимательства была попросту не заинтересована в индустриальном развитии страны. Господствовавший до начала 60-х годов традиционный торгово-ростовщический капитал вполне довольствовался контролем над ремесленным и мелкотоварным сельскохозяйственным производством и распределением, над вывозом за рубеж сырья и ввозом готовых промышленных товаров. Именно из-за господства торгово-ростовщического капитала отрасли легкой промышленности в Иране были развиты слабо, ибо торговля импортными товарами давала ему гораздо большие выгоды. Через своих представителей в лице полуфеодалных помещиков и духовенства, обладавших большинством в парламенте (и тесно связанных с системой традиционного «базара»), торгово-ростовщический капитал имел возможность влиять на государственную политику. Следовательно, в этих условиях никако-

го «массового и свободного капиталистического развития» в Иране не было и быть не могло.

Шаху пришлось силой подавить сопротивление полуфеодалных помещиков и духовенства, разогнать парламент, чтобы осуществить аграрные преобразования и открыть дорогу развитию капиталистических отношений в деревне. Ему пришлось опереться на поддержку западных держав и доходы от нефти, чтобы начать индустриализацию страны, поскольку так называемая национальная буржуазия была в этом не заинтересована, да и при желании не могла бы выполнить эту задачу.

Именно насаждение сверху высших форм капитализма при активной поддержке иностранного капитала позволило добиться таких «эфемерных», по мнению С. Л. Агаева, результатов, как преодоление глубокого кризиса конца 50-х годов и превращение страны в одну из ведущих на Ближнем и Среднем Востоке. Без этого Иран так бы и остался отсталым. Экономическая политика шахского режима как раз отвечала национальным интересам страны. При всех издержках она способствовала становлению национального промышленного производства « исторически прогрессивному развитию страны. Более того, шах должен был установить свою диктатуру для обеспечения преобразований, ибо слишком велико было сопротивление им со стороны традиционных сил.

Шахский режим действительно не смог преобразовать «все традиционные социально-экономические структуры», охватить «зрелыми капиталистическими формами» весь рабочий класс. Но можно ли было за 10—15 лет сделать то, что оказалось не под силу выполнить за предшествующие 100 лет буржуазного развития Ирана? К тому же и при «классическом» развитии капитализма в Европе процесс преобразования традиционных структур занял многие десятилетия, причем в относительно отсталых странах, таких, как Германия, Испания, Италия, не говоря уже о Восточной Европе, значительные пласты этих структур сохранились до второй мировой войны. Поэтому вряд ли правомерно было требовать от шахского режима осуществить подобное преобразование в исторически кратчайшие сроки, притом в условиях, отличных от условий Европы XVIII—XIX вв. Да и не было у шахского режима иного способа преобразовать традиционные структуры, кроме как развивать современное промышленное производство, в результате чего и происходило постепенное размывание, перемалывание традиционных структур, приспособление их к нуждам современного капиталистического производства и обмена, вытеснение их в те сферы и экономические ниши общества, где крупнокапиталистическое предпринимательство не может быть эффективным (например, в определенных сферах обслуживания).

Этот процесс был объективно закономерен, а не являлся следствием «злой воли» монарха, результатом его пренебрежения интересами представителей этих структур. Так, развитие нефтехимической промышленности и освоение крупным капиталом производства пластмассовой посуды подорвали позиции гончарного ремесленного производства. Строительство трех крупных заводов по производству обуви, насытивших потребности рынка, практически свело на нет ремесленное производство обуви. Развитие металлургии ударило по интересам ремесленной деревообработки, поскольку деревянная мебель (особенно конторская), дверные и оконные проемы, строительные леса, домашняя утварь и т. п. все более заменялись металлическими. Предотвратить процесс разорения традиционных мелких предпринимателей можно было лишь одним путем: прекратить выпуск промышленных товаров, конкурирующих с товарами ремесленного производства. Но очевидно, что это тупиковый путь.

И вместе с тем, несмотря на этот процесс, традиционное мелкотоварное производство не только не сокращалось, но и росло. Так, с 1964/65 по 1971/72 г. количество мелких предприятий (к ним иранская статистика относит предприятия с числом занятых от 1 до 10) увеличилось со 108,9 тыс. до 218,4 тыс., т. е. в 2 раза. Число занятых на них увеличилось с 328,2 до 407,8 тыс., производство условно-чистой продукции возросло с 19,6 млрд. риалов до 44,1 млрд., т. е. в 2,25 раза [61, с. 24]. Это свидетельствовало о том, что мелкотоварное производство получило определенные выгоды от выхода страны из кризиса начала 60-х годов и общего оздоровления экономики за счет развития капиталистического производства, в том числе и крупного.

Вызывает сомнения и утверждение С. Л. Агаева о том, что насаждение «сверху» крупнокапиталистических форм блокировало развитие средней буржуазии. Так, за два года, с 1966/67 по 1968/69 г., количество средних предприятий (от 10 до 50 занятых) увеличилось с 3914 до 4036, т. е. на 122 предприятия по сравнению с 44 крупными предприятиями (свыше 50 занятых). Число занятых на средних предприятиях увеличилось на 21,6 тыс., на крупных — на 7,4 тыс. Условно-чистая продукция средних предприятий за этот период выросла на 4,5 млрд., крупных предприятий — на 2 млрд. риалов (подсчитано по [61, с. 36]). А к 1972/73 г. количество средних предприятий увеличилось еще на 1194 [61, с. 37].

Таким образом, тезис о блокирующем воздействии «эфемерных», насаждаемых «сверху» высших форм капиталистического производства, связанных с «империализмом» и не отвечающих интересам национального развития, не очевиден. В связи с этим вызывает сомнение и характер основного

противоречия, определяемого С. Л. Агаевым как противоречие между искусственно насаждаемыми «извне» и «сверху» формами капитализма и потребностью в широком и демократическом развитии капитализма «снизу», которое (противоречие) и должна была разрешить буржуазно-демократическая революция. Но если нет уверенности в правильном определении основного противоречия общества, трудно говорить и о характере революции, вытекающем из этого противоречия.

Не все просто обстоит и с антиимпериалистической борьбой в Иране.

Общеизвестна характеристика империализма, данная В. И. Лениным: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира :международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [6, с. 387]. Однако история внесла в развитие капитализма коррективы. В 50—60-х годах рухнула вся колониальная система. Тем самым империализм лишился одного из своих существенных признаков.

Не выдержал испытания временем и тезис о господстве монополий. «Великая депрессия» 20—30-х годов показала опасность чрезмерного монополизирования финансовой и промышленной сфер. Этот урок был хорошо усвоен Западом. Пожалуй, нет ни одной высокоразвитой капиталистической страны, в которой не было бы антимонопольного законодательства и правительства не стремились бы сознательно сохранять известное соотношение между монополией и свободной конкуренцией.

В. И. Ленин отмечал, что, «как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» [6, с. 397].

В начале XX в. это утверждение соответствовало действительности. Но с рубежа 40—50-х годов складывается противоположная картина: именно западная экономика оказалась наиболее восприимчива к техническим новшествам и научным изобретениям, именно на Западе произошла научно-техническая революция, чрезвычайно ускорившая технический прогресс и преодолевшая намечавшиеся в начале века тенденции к застою. Это является еще одним свидетельством того, что Западу удалось изменить направление развития капитализма и предотвратить нарастание монополистических

тенденций. И наоборот, в социалистических странах, где монополия государства в сфере производства и обмена была практически абсолютной, наблюдались техническая отсталость, отторжение производством достижений науки и техники, усиливался застой. Даже гениальному уму В. И. Ленина такое трудно было предвидеть. Итак, прогноз В. И. Ленина относительно того, что развитие капитализма будет идти по пути все большей монополизации производства и капитала, т. е. усиления империализма, который «есть канун социальной революции пролетариата» [6, с. 308], не оправдался.

Изменились функции и вывоза капитала. Развитие в странах Западной Европы и в США опережающими темпами отраслей тяжелой промышленности, особенно во второй половине XX в., «привело к изменению как структуры экономики центров мирового капитализма, так и самого правящего класса — буржуазии. В ходе этой перестройки падало значение отраслей легкой и пищевой промышленности, а следовательно, относительно сокращалось и влияние предпринимательских групп, связанных с этими отраслями. В результате относительно снижалась и заинтересованность империалистических государств в вывозе из колониально-зависимой периферии сельскохозяйственного сырья для этих отраслей. Уменьшилось и значение товаров легкой и пищевой промышленности в экспорте в колониальные и зависимые страны. Все большую роль в экспорте развитых капиталистических стран стали приобретать изделия тяжелой промышленности... Поэтому монополии, действовавшие в отраслях тяжелой промышленности и занявшие господствующие позиции в системе государственно-монополистического капитала, в ряде случаев поддерживали стремление развивающихся стран к созданию собственной промышленности и прежде всего отраслей по выпуску товаров первой необходимости» [81, с. 28—29].

Следовательно, Запад способствовал созданию в странах Востока национальной промышленности, ускоряя их индустриализацию и — помогая преодолеть экономическую отсталость. Отнюдь не случайно, что наибольшего экономического прогресса достигли страны, поддерживавшие тесные экономические связи с Западом, — Япония, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Индия, Пакистан, Иран, Турция, Кувейт и т. п. Индустриализация на Востоке была невозможна без современного промышленного оборудования и технологий; получить же все это, кроме как на Западе, было неоткуда. Экономический и технический потенциал СССР и других социалистических стран был явно недостаточным для обеспечения индустриального развития стран Востока. Поэтому закономерно, что страны, которые вели борьбу с «империализмом» и оказались втянутыми в сферу влияния социалистической

системы, значительно отставали от стран, избравших капиталистический путь и поддерживавших тесные экономические связи со странами Запада.

Итак, термин «империализм», который был верен для характеристики капитализма первой половины XX в., в его второй половине во многом утратил содержательное значение и превратился в идеологический штамп, отражавший факт разделения мира на две враждебные группировки: систему «мирового империализма» (в которой мало что осталось действительно империалистического) и систему «мирового коммунизма» (в которой не было ничего действительно коммунистического).

У Запада были основания опасаться распространения «коммунизма», одним из постулатов которого было достижение мирового господства. Этот процесс особенно активизировался после второй мировой войны, когда сталинский режим, воспользовавшись итогами войны и присутствием советских войск на территории Восточной Европы, начал создавать там «коммунистические» режимы по своему образу и подобию. Сходную политику СССР вел и к востоку от своих границ — в Монголии, Китае, Северной Корее, Северном Вьетнаме. И во всех этих странах устанавливались авторитарные режимы, лишавшие их население гражданских прав и свобод, создававшие малоэффективную систему экономики, основанную на монополии государства в сфере производства и распределения (с незначительными вариациями в зависимости от местных традиций и условий), проводившие политику репрессий по отношению к инакомыслящим.

Запад не мог бесстрастно взирать на эту экспансию и принимал ответные меры, создавая вокруг этой своеобразной «коммунистической империи» цепь баз и военных блоков. А это действительно была «империя» с жесткой внутренней дисциплиной, единой идеологией, схожими политическими и экономическими структурами, общей военной организацией — Варшавским пактом. И хотя внешне государства, входившие в нее, сохраняли видимость суверенитета, все они были в зависимости и под контролем СССР, который не останавливался перед вооруженным вмешательством, если кто-либо намеревался выйти из-под этого контроля (Венгрия, Польша, Чехословакия). Мощная армия нужна была СССР не только для защиты от «внешней угрозы», но и для того, чтобы держать в повиновении членов «социалистического лагеря».

Таким образом, идеологическое противоборство двух систем дополнялось военным противостоянием и, как следствие его, гонкой вооружений, причем трудно сказать, какая из сторон была больше виновна в этом.

В 50-х годах, когда на Арабском Востоке развернулись

национально-освободительные движения, советское партийно-государственное руководство воспользовалось этим, чтобы распространить свое влияние в регионе. Это еще больше усилило конфронтацию, поскольку затрагивало жизненно важные интересы Запада: если бы СССР удалось получить контроль над ближневосточной нефтью, он мог бы шантажировать Запад и диктовать свои условия. И не исключено, что третья мировая война стала бы неизбежной, ибо без нефти Запад существовать не смог.

В своей ближневосточной политике советское руководство вначале делало ставку на режим Г. А. Насера в Египте, что чрезвычайно обострило арабо-израильский конфликт, поскольку США отводили Израилю роль главного сдерживающего фактора распространения влияния СССР в арабском мире. После провала политики СССР в отношении Египта советское руководство, особенно в период брежневского режима, переориентировалось на Сирию и Ирак. США, в качестве противовеса, сделали ставку на Иран.

В 60-е годы Иран с помощью США создал мощную современную армию, тратил огромные средства на закупки вооружения, в том числе новейших видов, привлек в страну десятки тысяч американских военных советников и технических специалистов.

В советской научной литературе было принято указывать, что Иран играл роль жандарма в Персидском заливе. На самом деле мощная иранская армия являлась гарантом стабильности в этом регионе и противостояла Ираку, который лелеял гегемонистские устремления в арабском мире и который советская сторона вооружала с не меньшим рвением. Подтверждением может служить тот факт, что Ирак не замедлил воспользоваться ослаблением иранской армии в результате свержения шахского режима и в течение десяти лет развязал две кровопролитные войны в Персидском заливе. Так что у шаха (и у США) были все основания рассматривать Ирак как угрозу безопасности Ирана и всего нефтедобывающего региона Персидского залива.

И Иран, и Ирак оказались заложниками противоборства СССР и США как лидеров двух враждебных группировок. В условиях глобального противостояния двух систем «антиимпериалистическая» борьба стран Востока вела в тупик. С исчезновением антиколониального фактора она перестала отвечать национальным интересам этих стран, поскольку оборачивалась либо политической зависимостью от СССР и низкими темпами экономического развития, как в случае с Ираком, либо прекращением доступа на мировой капиталистический рынок и — в результате — также замедлением темпов экономического развития, как в случае с Ираном в послешахский период. Поэтому говорить всерьез об анти-

империалистическом характере иранской революции вряд ли правомерно.

Решение многих проблем восточных стран заключалось не в их борьбе против империализма, а в прекращении конфронтации двух систем, в отказе от использования Востока как арены противоборства этих систем. Десятилетия конфронтации настолько обострили противоречия между странами Востока, затянули их в такой тугий узел, что теперь, после краха «коммунистической империи», потребуются длительное время и громадные усилия, чтобы его развязать.

Изложенные суждения опровергают применяемое С. Л. Агаевым определение иранской революции как антиимпериалистической. Но вины С. Л. Агаева в этом нет, поскольку в начале 80-х годов многие явления воспринимались нашим идеологизированным сознанием совсем иначе, чем на рубеже следующего десятилетия.

Относительно определения «народная» следует заметить, что массовый характер любого движения еще не означает его революционности. Например, фашистские движения в Германии и в Италии, возникшие как реакция «низов» на кризис капитализма и имевшие антимонополистические тенденции, были массовыми, в них участвовали различные слои, включая значительную часть рабочего класса. Сами лидеры этих движений называли их революцией.

Следовательно, дело не столько в участии широких народных масс и даже не столько в том, против кого или против чего направлена борьба, сколько в том, за какие интересы и цели она ведется и насколько эти интересы и цели соответствуют объективным потребностям движения общества к прогрессу. К тому же борьба масс носит в значительной мере разрушительный характер, т. е. направлена на разрушение существующего строя; создают же новый строй не массы, а организованные политические силы. Эта задача разрушения может объединять на какое-то время совершенно различные группы и слои народа, цели и интересы которых отличаются и могут быть противоположными. Поэтому внешне движение разнородных сил, направленное против правящего режима, может казаться единым, слитным, как бы всенародным. Но когда дело доходит до создания новой системы власти, вот тут и проявляются изначально существовавшие противоречия между различными группами, слоями, классами. И характер новой власти зависит не от того, насколько массовой, народной была борьба против прежнего режима, а от соотношения сил между организованными политическими силами, выражающими интересы определенных фракций¹ народа и имеющими возможность на них опереться. (Кстати сказать, армия — это тоже специфическая фракция народа, и опора на нее может перевесить силу «гражданской» фрак-

ции. В результате военного переворота к власти могут прийти любые политические силы — от ультраправых до ультралевых, вне зависимости от характера «гражданского» движения.)

При анализе событий в Иране возникает необходимость учитывать не столько общенародный характер борьбы, сколько различие интересов и целей ее участников. В целом это нашло отражение в работах С. Л. Агаева. Он отмечает, что во второй половине 70-х годов, когда в Иране разразился экономический кризис, «недовольство авторитарным режимом проявляла даже формирующаяся при активном содействии „сверху“ крупная промышленно-финансовая и сельскохозяйственная буржуазия». Вместе с тем, «не уверенная в своих личных и имущественных правах, но целиком зависимая от кредитно-финансовой и протекционистской политики государства, иранская „бисмарковская буржуазия“ могла только фрондировать против правительства» [27, с. 175—176].

Шахский режим «проводил различные меры и по рабочему вопросу», но они «оказались выгодными главным образом лишь небольшой верхушечной прослойке фабрично-заводских рабочих, которые получали примерно в 10 раз больше остальных работающих по найму в промышленности» [27, с. 176].

Но эти меры не обеспечили лояльности пролетариата. «Среди молодых рабочих, сохранивших память о деревенской жизни, по свидетельству наблюдателей, росли традиционалистские настроения... В то же время среди кадровых рабочих, особенно на нефтепромыслах, росли антикапиталистические настроения». Начиная с 1975 г. в ходе вспыхивавших забастовок «постепенно выдвигались и политические требования» [27, с. 177]. Жаль, что С. Л. Агаев не раскрыл, в чем состояли эти политические требования и в чем заключался антикапитализм этой части пролетариата.

Аграрная реформа не улучшила положение крестьянства. Обремененные выкупными платежами за полученную землю, зависимые от «представителей старого торгово-ростовщического капитала», разоряемые акционерными сельскохозяйственными компаниями и агропромышленными обществами, крестьяне «массами бросали или продавали свои участки и устремлялись к „благам“ городской жизни. По имеющимся данным, за десятилетие с середины 60-х годов в города мигрировало 5 млн. сельских жителей» [27, с. 178]. (Все самостоятельное население Ирана в это время насчитывало немногим более 9 млн. [34, с. 100].)

Не стала опорой монархии и прослойка зажиточных крестьян. «Ограничение рыночных цен и одновременное удорожание машин и удобрений способствовали ухудшению положения средних хозяйств. Выходцы из этой группы крестьян-

ства, пополняя „средние слои“ городского населения, активно приобщались к идеям демократической и антиимпериалистической борьбы» [27, с. 179]. Не совсем, правда, понятно, как связано недовольство фиксированными ценами на сельскохозяйственную продукцию « удорожанием машин и удобрений с идеями демократии и антиимпериализма.

Сельские мигранты «пополняли низшие и отчасти средние прослойки городского населения, занимаая во многих случаях некое промежуточное положение между различными социальными группами... многие из них основывали мелкие кустарные мастерские, лавочки и т. п. на базе традиций сельского домашнего ремесла... Объединившись в общинах,, образованных на базе мечетей, они наибольшим образом способствовали начавшемуся возрождению ислама» [27, с. 178—179].

Хотя правительство и поддерживало кредитами предпринимательскую часть средних городских слоев, поощряло развитие кустарной промышленности и ремесла, но «оказалось неспособным отвести от нее постоянную угрозу разорения, и поглощения более сильными конкурентами» [27, с. 179]. (А в какой стране правительство ставило перед собой такую задачу и было в состоянии предотвратить «постоянную угрозу разорения» мелкого предпринимателя?) «Установленный с 1975 г. строгий контроль над ценами на большинство товаров и видов услуг сразу же ударил по экономическим интересам мелкого торгово-ремесленного капитала. В течение последующих двух лет власти оштрафовали или отдали под суд по обвинению в спекуляции и нарушении постановления о ценах более 20 тыс. его представителей. Городские базары: стало охватывать недовольство, сказавшееся и на настроениях тесно связанной с ними средней буржуазии» [27, с. 180]. Между тем С. Л. Агаев почему-то не упомянул о крупной торгово-ростовщической буржуазии, которая господствовала на базаре и контролировала его, представляя собой влиятельную экономическую (и политическую) силу во всей системе традиционного производства.

Уже по беглому описанию С. Л. Агаевым положения основных социально-классовых сил, составляющих понятие «народ», можно сделать вывод, что интересы промышленного пролетариата не совпадали с интересами лиц наемного труда в сфере, традиционного мелкотоварного производства; у крестьянства были свои интересы, к тому же разными они были у беднейшего и зажиточного крестьянства; собственные интересы, отличные от интересов пролетариата и крестьянства, имели средние городские слои, которые, в свою очередь, дробились на прослойки, занимавшие свое место в мелкотоварном производстве. Примечательно, что С. Л. Агаев, считающий революцию буржуазно-демократической, не дал

анализа положения и интересов средней промышленной буржуазии— главной силы, заинтересованной в «широком и демократичном» развитии капитализма «снизу» в противовес блокирующему это развитие насаждению государственно-монополистических форм «сверху».

Большое внимание С. Л. Агаев уделил позициям духовенства. Рассматривая причины противостояния духовенства шахскому режиму, он отмечал, что в 20-е годы были «ограничены позиции духовенства в области народного образования и гражданского судопроизводства», в ходе шахских аграрных реформ оно потеряло «огромные вакуфные земельные владения», политика индустриализации, разрушавшая базар, «отразилась на финансовых средствах, получаемых духовенством в виде податей и различных пожертвований», над которыми к тому же «правительство постоянно усиливало контроль», а с начала 1978 г. «отменило ежегодную государственную субсидию духовенству» [27, с. 182]. Денежные ресурсы духовенство тратило на стипендии учащимся духовных школ и на пособия нуждающимся. Ограничение денежных поступлений могло «сказаться на влиянии духовенства среди широких масс населения и, следовательно, на самих основах его существования» [27, с. 182].

Таким образом, ненависть духовенства к шахскому режиму определялась чисто меркантильными соображениями: памятью о прошлых материальных утратах и страхом потерять деньги, а следовательно, и социально-духовное влияние в обществе. Этим же страхом определялся и «антиимпериализм» духовенства, которое усматривало «в проникновении в страну „западного атеизма“ и „неверных иностранцев“ опасность распространения западной вседозволенности, растления нравов и упадка традиционных моральных устоев... угрозу своему статусу стражей общественной морали». Тем самым «антиимпериализм» духовенства обращался «против многих атрибутов современной цивилизации» [27, с. 183].

Эти позиции «сближали основную массу духовенства с теми отвергнутыми городом сельскими мигрантами, которые получили пристанище и помощь в общинах, образованных на базе мечетей, и в силу этого, а также своей искренней приверженности к религии составили основную политическую опору духовенства. (Впоследствии из этих фанатично настроенных элементов вербовались толпы погромщиков для расправы с бывшими союзниками по антишахской, антиимпериалистической борьбе.)» [27, с. 183].

Возникает вопрос: неужели эта фанатичная толпа погромщиков (состоявшая главным образом из люмпенов и пауперов, подкупленных духовенством, давшим им «пристанище и помощь»), составлявшая «основную политическую опору» духовенства, и есть главная сила, призванная совершить на-

родную (!), буржуазно-демократическую (!) революцию (!)? По логике получается именно так, поскольку революцию делают основные силы, а не второстепенные. Одного этого утверждения С. Л. Агаева достаточно, чтобы перечеркнуть тезис о революции в Иране, ибо несерьезно считать революцией борьбу за меркантильные интересы духовенства, опирающегося на погромную люмпенскую толпу, даже если для достижения своих целей духовенству и пришлось свергнуть шаха.

«На позициях определенной части духовенства сказывались и национально-демократические устремления широких масс населения, недовольных (хотя и не всегда осознанно) некоторыми результатами капиталистической модернизации страны по западному образцу» [27, с. 183]. В чем же заключалось это влияние масс на позиции духовенства, «значительно приблизившегося по социальному положению и образу жизни к „средним слоям“ и по необходимости вставшего на путь революционной борьбы, ибо в сложившихся условиях только на этом пути можно было отстаивать право на существование религии и упрочить положение ее адептов» [27, с. 183]? По мнению С. Л. Агаева, оно заключалось в том, что «такие в целом консервативные идеи, как возвращение к мусульманским традициям жизни, объективно отражавшие протест против создаваемого в стране „общества потребления“, религиозные деятели сочетали с позитивными требованиями „социальной справедливости“ и „справедливого распределения доходов“... Во внешнеполитической области духовенство выступало с лозунгами уничтожения иностранного, и особенно американского, влияния... Выдвинутые религиозными кругами требования создания „исламского общества“ и „исламского правительства“ объективно выступали и как фактор национального сплочения в борьбе за обновление страны на основе религиозно-духовной самобытности народа и его традиционных культурных ценностей» [27, с. 183—184].

Следовательно, мелкобуржуазная уравнивательность («справедливое распределение доходов») в сочетании с отгороженностью от достижений современной цивилизации, с национальной, в том числе экономической замкнутостью («уничтожение иностранного влияния») — это и есть, по мнению С. Л. Агаева, национально-демократические устремления широких масс, выразителем интересов которых являлось духовенство, вставшее ради сохранения и упрочения своих позиций и привилегий «по необходимости» на путь революционной борьбы. Непонятно только, почему эта борьба должна считаться революционной, а не реакционной? И почему сохранение отсталости (а самоизоляция Ирана от внешнего мира никак не способствовала бы его развитию) и возвращение к средневековым мусульманским традициям «на основе ре-

лигиозно-духовной самобытности» должны знаменовать обновление (а не застой) страны?

Таким образом, в анализе причин возникновения антишахского движения и позиций различных социально-классовых сил у С. Л. Агаева нет убедительных доводов в пользу того, что противоречия иранского общества могли быть сняты в ходе «народной, антиимпериалистической, буржуазно-демократической революции». Народный характер революции предполагает сходство интересов и целей различных слоев народа, чего в Иране не наблюдалось. Что касается борьбы с империализмом, то она скорее напоминала известную ситуацию с попыткой ловить черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет. К тому же антизападная ксенофобия (добавим, и ксенофобия по отношению к противоположной Западу социально-экономической системе—социалистической, о чем С. Л. Агаев умолчал), преподносимая духовенством под вывеской антиимпериализма, противоречила действительным национальным интересам, ибо ни одна страна не способна развиваться без многообразных экономических связей с мировым рынком.

Ничто в описанных С. Л. Агаевым позициях духовенства и традиционных мелкобуржуазных масс не свидетельствовало об их заинтересованности в «широком и демократичном» развитии капитализма. Наоборот, он подчеркивает их стремление к сохранению традиционности, национальной и религиозно-духовной самобытности. Крупная буржуазия, по свидетельству С. Л. Агаева, могла только фрондировать против шахского режима, средняя буржуазия была слишком слаба и малочисленна вследствие «блокирующего воздействия» развития капитализма «сверху». Какие же силы должны были осуществить буржуазно-демократическую революцию, если сама буржуазия была неспособна сделать это, а традиционные слои вместе с духовенством не были в ней заинтересованы?

С. Л. Агаев признает, что в антишахском движении превалировал традиционалистский фактор: «Глубинную основу всколыхнувшей Иран с начала 1978 г. народной антимонархической и антиимпериалистической революции составляли резкий разрыв между *современным* и *традиционным* секторами (курсив наш.— Л. С), относительная социально-экономическая несостыкованность и вполне определенная социально-политическая дезинтегрированность соответствующих им общественно-экономических укладов. Отсюда—острое противоборство стоящих за ними социально-классовых сил: новоявленных узких групп финансово-промышленной буржуазии и крупных капиталистических землевладельцев, тесно связанных с шахским двором и многонациональными монополиями, с одной стороны, и массовых традиционных торго-

при которой будут царить „социальная справедливость" и политические свободы» [27, с. 195].

С. Л. Агаевым допущена фактологическая неточность. Лозунг восстановления конституции 1906 г. выдвигался до августа 1978 г. либеральной буржуазией при поддержке умеренно духовенства, не разделявшего идей Хомейни. Требование созыва представительного парламента, создания не подотчетного шаху правительства в условиях свободы партийной деятельности соответствовало именно буржуазно-демократической реформации политического режима. Уступка шаха либеральной буржуазии, появившаяся возможность буржуазно-демократических изменений режима и вызвали протест хомейнистской группировки духовенства, выдвинувшей в августе лозунги «Смерть шаху!» и «Да здравствует исламская республика!», что означало отказ от буржуазно-демократической модели и начало борьбы за мелкобуржуазно-теократическую диктатуру.

Уже «а этом этапе произошло первое серьезное размежевание буржуазно-демократических сил с ортодоксальным духовенством. Но это явление прошло не замеченным для С. Л. Агаева, увлеченного «народным» характером революции: «Кульминационным пунктом первого этапа народной революции в Иране явились массовые демонстрации в начале сентября 1978 г. одновременно почти во всех крупных городах страны, охватившие сотни тысяч, а в Тегеране около 1 млн. человек» [27, с. 195]. Иными словами, чем больше участников демонстраций, тем «народнее» революция.

После расстрела демонстрации в Тегеране 8 сентября и введения военного положения «начался второй этап революции: наряду с продолжающимися демонстрациями основной формой борьбы стали забастовки рабочих и служащих нефтяной и других отраслей промышленности, транспорта, почты, телеграфа, банков, ряда министерств и правительственных ведомств, частных учреждений, преподавателей, а также бойкот занятий студентами и учащимися» [27, с. 196].

Противопоставляя «народную» линию либерально-буржуазной, С. Л. Агаев с иронией пишет о позициях умеренного крыла, «отдельные представители которого выступили даже с осуждением некоторых прошлых „экстремистских" действий, якобы „провоцировавших" власти на репрессии и „замедливших" темпы „либерализации"». Некоторые из таких оппозиционеров стали прямо высказываться за необходимость „во избежание кровопролития" добиваться в рамках мирных, „конституционных" средств продолжения „сверху" процесса „либерализации" для перехода к конституционной монархии» [27, с. 197]. С этими заявлениями выступали лидеры Национального фронта (поддерживаемые главой

шиитов в Иране аятоллой Каземом Шариатмадари) — организации, выражавшей интересы средней буржуазии, т. е. той силы, которая больше всего была заинтересована в буржуазно-демократической революции. И именно против этой силы выступил Хомейни и «резко осудил умеренную оппозицию» [27, с. 198].

«Но решающую роль в дальнейшей активизации антимонархических выступлений в Иране наряду с зажигательными призывами Хомейни сыграли сами народные массы. Расширение и углубление народного движения сорвали попытки правительства договориться с умеренной оппозицией» [27, с. 199]. Того, что одновременно «народное движение» сорвало и возможность установления буржуазно-демократического режима (хотя бы и в форме конституционной монархии), что соответствовало бы целям и содержанию буржуазно-демократической революции, С. Л. Агаев не заметил. Для него более существенным было то, что «решительные действия широких трудящихся масс, выдвигавших лозунг „Компромиссы — дело рук предателей", по-прежнему срывали замыслы умеренной оппозиции, а также правящих кругов и поддерживающих их американских империалистов» [27, с. 201].

Из описания С. Л. Агаевым действий народных масс становится понятным, откуда появилась в характеристике иранской революции формулировка «буржуазно-демократическая по назревшим задачам (при определенных антикапиталистических тенденциях)»: «Примечательной особенностью всенародных выступлений в конце 1978 г. стала своеобразная форма антикапиталистической борьбы: были совершены поджоги около 1400 отделений банков, в которых, по словам иностранных корреспондентов, мусульмане видели символ разлагающего влияния Запада, левые — аванпосты капиталистической эксплуатации, а население в целом — столпы финансового угнетения» [27, с. 201]. Иными словами, погромные действия ослепленной религиозным фанатизмом люмпенской толпы, подстрекаемой духовенством, С. Л. Агаев воспринимает как «народную» борьбу против капитализма. Но если «всенародные выступления» мусульман, левых, населения в целом были направлены *против* капитализма, неизбежно возникает вопрос: а за что же они боролись и как их борьба согласуется с «буржуазно-демократической по назревшим задачам» революцией?

В том же ключе борьбы «народной» и «либерально-буржуазной» линий С. Л. Агаев оценивает и создание в январе 1979 г. правительства Ш. Бахтияра, одного из лидеров оппозиционного шаху Национального фронта. Придя к власти, Ш. Бахтияр «выступил на пресс-конференции с обещанием отменить законы военного времени, ввести свободу печати и партийной деятельности, освободить политических заклю-

ченных, упразднить САВАК, прекратить продажу нефти Израилю и ЮАР, выйти из блока СЕНТО, отказаться от выполнения Ираном роли „жандарма" Персидского залива, аннулировать большинство контрактов за закупки оружия». Программа Ш. Бахтияра предусматривала также «проведение судебных процессов над расхитителями государственных средств, **лядами**, виновными в нарушении прав населения, и агентами САВАК, допускаящими „противозаконные действия", в специальных судах, которые будут созданы по новому законодательству; выплату „разумной компенсации" политзаключенным, а в случае их гибели — родственникам; присвоение официального титула „мучеников" лицам, погибшим в последних событиях, и выплату компенсации их родственникам» [27, с. 205, 208].

В целом эта программа отражала практически все требования оппозиции, за исключением одного: немедленной ликвидации монархии и передачи всей полноты власти духовенству. Отказ от требования свержения монархии Ш. Бахтияр аргументировал (и не без оснований) тем, что в этом случае армия может пойти на военный переворот и тогда будут похоронены все надежды на демократические преобразования. Вместе с тем, чтобы обеспечить своему правительству свободу действий, Ш. Бахтияр настоял на немедленном отъезде шаха из страны. Что же касается вопроса о передаче власти духовенству, то в одном из выступлений по радио Ш. Бахтияр провидчески вопрошал, обращаясь к народу: «Хотите ли вы, чтобы на смену деспотизму пришла новая тирания?» [27, с. 208]. Как видно, он не обманывался относительно «народных, демократичных, исламско-эгалитаристских» устремлений духовенства, трезво оценивая истинные цели религиозных деятелей.

С. Л. Агаев считал, что «содержание нового этапа революции составляло противоборство двух политических платформ: программы Хомейни, предусматривавшей продолжение народной революции „снизу" вплоть до создания „исламской республики" с ее религиозно-эгалитарным идеалом, и программы Бахтияра, направленной на осуществление „революции сверху", ограничивающей движение либерально-демократических рамками» [27, с. 207]. Тем самым автор противопоставлял борьбу духовенства, опиравшегося на народные массы с целью установления своей диктатуры (а в 1981 г., когда писалась книга, уже были вполне ясны намерения духовенства) в форме «исламской республики», борьбе либеральной буржуазии, интересы которой выражало правительство Ш. Бахтияра, намеревавшееся ограничиться рамками буржуазной демократии. Но именно это и не устраивало духовенство, которое ставило своей целью не буржуазно-демократическую революцию, а установление собственной без-

раздельной диктатуры. Поэтому, мистифицируя общественное сознание, духовенство объявило Правительство Ш. Бахтияра прошахским и призвало продолжать борьбу. Результатом такой политики духовенства явилось то, что «народное движение приняло ярко выраженный революционный характер, обеспеченный решительными выступлениями рабочего класса и других слоев трудящихся, взявших на вооружение такое специфически пролетарское средство борьбы, как всеобщая забастовка» [27, с. 209].

Возникает целый ряд вопросов. Почему именно в период, когда у власти стояло правительство Бахтияра, это движение приняло революционный характер? А до этого оно было нереволutionно? Или в этот период его революционный характер стал ярко выраженным? Чем тогда была обусловлена эта «яркость»? Тем ли, что движение поддержал рабочий класс и другие слои трудящихся? Но ведь ранее С. Л. Агаев не считал рабочий класс и других трудящихся «основной политической опорой» духовенства. Почему же тогда «яркость» революционному характеру движения придали не основные, а «второстепенные» силы? Вопросы, как видно, больше, чем ответов.

Судьбу и правительства Ш. Бахтияра, и монархии решило февральское восстание, которое «произошло стихийно, без ведома и согласия руководства политико-религиозной оппозиции» [27, с. 212]. Заканчивает статью 1979 г. С. Л. Агаев следующей фразой: «Как бы там ни было, восстание 10—11 февраля 1979 г. принесло полную победу. Революция восторжествовала» [28, с. 80].

Заметим, что в 1979 г. было еще неясно, какую политику будет проводить пришедшее к власти духовенство, какой изберет экономический курс и как будет решать проблемы иранского общества. Тем не менее С. Л. Агаев считал, что революция свершилась. Это свидетельствовало о том, что в 1979 г. для него был самодостаточным факт свержения монархии, вне зависимости от последующих действий новых властей. Однако уже в 1981 г., когда курс хомейнистского руководства стал более определенным, С. Л. Агаев несколько изменил точку зрения и в своей книге эпизод победы восстания завершил фразой: «Народная революция вступила в новую фазу» [27, с. 213].

Что же заставило С. Л. Агаева сделать это? Указав на то, что «революционное движение в Иране в феврале 1979 г. одержало крупнейшую политическую победу не только на антимонархическом, но и на антиимпериалистическом фронте борьбы» [27, с. 213], и приведя ряд конкретных результатов этой борьбы, С. Л. Агаев отметил, что сразу же после победы февральского восстания «в рядах ранее относительно единого революционного движения началось открытое разме-

жевание по всем основным принципиальным проблемам внутренней политики, в особенности по вопросам проведения политических и социально-экономических преобразований. Столь быстрое и резкое размежевание политических сил Ирана было отражением пестроты классово-структурной, характерной чертой которой является многослойность даже каждой отдельной социальной прослойки» [27, с. 214].

Таким образом, С. Л. Агаев признал наличие существенных противоречий между различными участниками «единого революционного движения». Но эти противоречия возникли не после свержения монархического режима: они существовали и до начала антишахского движения, и в ходе его. Однако С. Л. Агаев, стремясь оправдать тезис о «народной революции», предпочитал делать акцент не на различии целей, которые преследовали многочисленные участники антишахского движения, а на внешнем единстве их борьбы против шахского режима.

Не менее противоречивой оказалась и социально-экономическая политика новых исламских властей. Преодоление экономических трудностей и «выдвигаемые различными общественными силами требования улучшения материального положения Хомейни считал второстепенными», конечной целью революции он видел перестройку «моральных человеческих отношений по исламским 'канонам» [27, с. 224—225]. Эта перестройка началась сразу же после свержения монархии: из государственных учреждений изгонялись лица, скомпрометировавшие себя «сотрудничеством с прошлым режимом и нарушившие тем самым основные каноны ислама» (под эту категорию подпадали практически все работники госаппарата), более тысячи гражданских и военных чинов было расстреляно, физическим наказаниям подвергались нарушители исламского «морального кодекса», были запрещены кинофильмы «с любовными сценами и даже танцами», закрыты все кинотеатры, запрещена трансляция западной музыки, в том числе классической, женщины принуждались обязательно носить чадру, под предлогом исламизации были закрыты на неопределенное время все вузы, запрещены все политические организации и группировки, не являющиеся исламскими, «были запрещены всякая пропаганда и публикации, противоречащие исламу» [27, с. 225]. В ответ на это началась массовая эмиграция представителей крупного частного промышленного капитала, либеральной интеллигенции, высших государственных служащих и технических специалистов.

«Одновременно революционное руководство под напором масс провело ряд социальных и благотворительных мероприятий», однако эти мероприятия, «не способствуя подъему экономики и решению проблемы безработицы, вызвали усиление:

инфляционных процессов и новый резкий рост цен на базарах» [27, с. 231—232].

В конце 1979 г. «власти возобновили разработку программ социальных и благотворительных мер, имевших целью улучшение положения широких слоев населения. Было вновь объявлено об осуществлении в ближайшее время всеобъемлющих программ подъема промышленности, развития жилищного и дорожного строительства». Но «проведение в жизнь этих мер сдерживалось общей экономической и политической нестабильностью, разногласиями в правительственных кругах, некомпетентностью местных властей и коррупцией в административно-чиновничьем аппарате» [27, с. 237]. Да и могло ли быть иначе, если «в своих действиях революционные 'власти исходили из общих исламских концепций, проповедующих примат духовной жизни над материальной, аскетизма над потреблением и презрение ко всякому предпринимательству с целью наживы и „жажды потребления"» [27, с. 233]. Интересно, как презрение революционных исламских властей к предпринимательству можно сочетать с «буржуазно-демократическим по назревшим задачам» характером революции, осуществленной под руководством этого же духовенства?

В феврале 1981 г. в речи по случаю второй годовщины революции президент А. Банисадр привел некоторые итоги деятельности новых властей за прошедшие два года: «производство основных штифов промышленной и сельскохозяйственной продукции сократилось на 30—50%, темпы инфляции возросли на 30—35%, валютные резервы уменьшились на 60%, бюджетный дефицит достиг 800 млрд. риалов, а выделенные на проекты развития 1000 млрд. риалов не были использованы и наполовину, произошел дальнейший рост импорта, цен и безработицы», Иран оказался в изоляции на международной арене. Но, несмотря на эти плачевные результаты, Хомейни заявлял, что «изоляция—это одно из наших великих благ», а некоторые деятели правящей верхушки считали, что «Иран уже достиг экономической самостоятельности» [27, с. 247]. С. Л. Агаев приводит слова иранского журналиста А. Фаруги, который отмечал в качестве характерной черты иранской революции в тот момент «небывалый разрыв между устремлениями и требованиями различных жизнеспособных сил нации, с одной стороны, и полным бездействием нынешних руководителей республики перед лицом экономического кризиса, который угрожает уничтожить все,— с другой» [27, с. 234].

Таким образом, С. Л. Агаев написал впечатляющую картину политического и экономического курса исламского режима. Напомним читателю, что, по мнению С. Л. Агаева, основным противоречием иранского общества в шахский пе-

риод было «несоответствие политического режима, его **внутренней** и внешней политики потребностям дальнейшего национального развития». Вполне очевидно, что «народная, антимонархическая, антиимпериалистическая буржуазно-демократическая по назревшим задачам революция» и призвана была разрешить это противоречие и привести внутреннюю и внешнюю политику в соответствие с национальными потребностями. Из книги же С. Л. Агаева явствует, что завоевание власти духовенством во главе с Хомейни не только не разрешило, а еще более усугубило это противоречие, политика правящей верхушки оказалась еще более не соответствующей потребностям развития иранского общества. Но если свержение монархии и установление нового режима власти не привели к разрешению противоречий в обществе, то была ли революция? Из этой логической затруднения С. Л. Агаев выходит весьма изящным образом, для чего ему и понадобилась упоминавшаяся выше фраза о вступлении «народной революции» в новую фазу после свержения монархии. Эта новая фаза заключалась в развитии «исламской революции», в период которой «углублялась не столько социальная суть революции, сколько ее организационно-идеологическая основа — от происламеко-либеральной к исламеко-радикальной и, наконец, фундаменталистской» [27, с. 262].

«Исламскую революцию» правящее духовенство подразделяло на три этапа: «первый отсчитывался с момента утверждения духовенства у руля государственного правления в феврале 1979 г., второй — со дня отстранения от власти правительства Базаргана в ноябре того же года, третий — со времени смещения президента Банисадра в июне 1981 г.» [27, с. 262].

«Но этапы „исламской революции“, — считает С. Л. Агаев, — это, в сущности, этапы *кризиса* народной, антиимпериалистической революции, который, собственно, и составляет основную характерную черту ее послефевральской фазы (курсив наш. — Л. С.)» [27, с. 262].

Таким образом, в период первой, дофевральской фазы «народная» революция шла по восходящей линии и, достигнув вершины в феврале (вооруженное восстание, свергнувшее монархию), вдруг в период 'послефевральской фазы покатилась вниз; обнаружился «кризис народной, антиимпериалистической революции». Такой поворот был бы объяснимым, если бы революцию совершали одни силы с одними целями, а после победы революции их оттеснили от власти другие силы, преследующие иные цели. Но, как считает С. Л. Агаев, революцию совершил народ, руководимый и направляемый духовенством; при опоре на тот же народ то же духовенство пришло к власти и начало проводить политику, зна-

менующую собой кризис революции. В этих рассуждениях концы с концами явно не сходятся. Логичнее было бы предположить, что духовенство (по крайней мере его хомейнистская часть) с самого начала боролось против шахского режима именно для того, чтобы иметь возможность воплотить в жизнь те замыслы, которые оно и начало проводить после прихода к власти. Тогда почему же проведение такой политики в жизнь — это кризис революции, а борьба духовенства за власть, чтобы иметь возможность осуществить свои намерения, — это торжество революции? И может ли борьба за антинародные по сущности цели, противоречащие объективным потребностям развития общества, быть революционной?

Можно возразить, что в период дофевральской фазы характер революции определялся борьбой народа, питавшего надежды на улучшение жизни. Но, во-первых, С. Л. Агаев довольно подробно описал, что у различных слоев народа были разные представления о лучшей жизни [27, с. 214—219], во-вторых, у них были весьма смутные представления о том, как достичь такой жизни. Часть из них сознательно, часть слепо, часть бессознательно-доверчиво следовали за духовенством, поддерживали идейную программу Хомейни, тем самым способствуя приходу духовенства к власти, т. е. именно поддержка народа предоставила духовенству возможность проводить антинародную политику. Вполне возможно, что Хомейни и люди из его окружения искренне считали, что борются за интересы народа. Но характер борьбы определяется не смутными представлениями народных масс о лучшей жизни или субъективной самооценкой своих действий лидерами движения. Характер движения (революционный или реакционный) определяется его реальными результатами. Народные мелкобуржуазные массы и часть рабочего класса Германии 30-х годов тоже стремились к лучшей жизни (вряд ли вообще можно найти людей, стремящихся к худшей жизни), Гитлер и его окружение тоже считали, что действуют во благо немецкого народа, однако о характере фашистского движения мы судим не по этим субъективным устремлениям народных масс и их лидеров, а по конкретным результатам этого движения. Но почему тогда к Германии мы должны подходить с одними мерками, а к Ирану — с другими?

Весьма противоречивыми представляются и заключительные абзацы книги: «Конечно, проводившиеся в жизнь эгалитаристские установки Корана решали и некоторые реальные проблемы революции, ибо идея равенства, как указывал В. И. Ленин, есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач. Однако же главное внимание уделялось иллюзорным проблемам революции, навеянным „священными“ текстами корани-

ческих сур» [27, с. 262—263]. Во-первых, равенство как всеобщая уравнивательность не имеет ничего общего с буржуазно-демократическими задачами. А «эгалитаристские установки Корана» подразумевали именно «уравниловку», ограничение богатства, нажитого «неправедным» путем, запрещение ссудного процента, без которого невозможно буржуазное развитие. Не следует забывать, что «экономические положения Корана времен Мухаммеда и последующих халифов регламентировали деятельность (средневековых цеховых ремесленно-торговых кругов и вряд ли могли решать задачи современной буржуазно-демократической революции. Во-вторых, эти идеи равенства и эгалитаризма подразумевали, в интерпретации духовенства, всего лишь равенство всех мусульман перед Аллахом, т. е. обязанность всех вести «праведную» (в отличие от «дьявола» шаха и его приспешников) жизнь, совершенствоваться духовно, дабы «слиться с богом». Ничего общего с буржуазно-демократическими идеалами и формами устройства экономической жизни эти идеи равенства и эгалитаризма не имели.

Но послушаем С. Л. Агаева дальше: «Во имя достижения „ветхозаветных“ морально-этических целей исламский режим расправлялся не только с оппозиционными левыми организациями — сторонниками углубления социального содержания народной, антиимпериалистической революции (при одновременном „перехвате“ отдельных их требований), но и с правыми элементами в самой правящей группе, стремившимися „умерить“ правительственную политику, с тем чтобы дать возможность мелкособственническим слоям в полной мере воспользоваться плодами революционных завоеваний» [27, с. 263]. Во-первых, что такое «углубление социального содержания революции» — можно только гадать. Во-вторых, под «правыми элементами» С. Л. Агаев подразумевает тех, кто стремился к продолжению капиталистического развития, кто хотел дать «мелкособственническим слоям» возможность «воспользоваться плодами революционных завоеваний», чтобы осуществлять «широкое и демократичное развитие» капитализма «снизу». И именно против этих «элементов» вело борьбу «революционное» духовенство, запретив вначале все светские буржуазные партии и организации, сместив либерально-буржуазное правительство М. Базаргана, а затем и мелкобуржуазного светского президента А. Банисадра, пытавшегося во главу своей политики поставить экономические потребности общества в противовес «ветхозаветным» морально-этическим целям духовенства. Тем самым правящее духовенство в зародыше душило любые усилия по буржуазно-демократическому преобразованию общества.

И тем не менее С. Л. Агаев утверждает: «В результате всего этого усилия по институционализации „исламской рес-

публики“, хотя объективно служили в какой-то мере средством закрепления минимальных буржуазно-демократических достижений, неизбежно порождали реакцию термидорианского типа, торжество которой означало бы переход революционного процесса на нисходящую линию развития (курсив наш.— Л. С.)» [27, с. 263]. О каких буржуазно-демократических достижениях идет речь — сказать трудно, ибо ни одного буржуазно-демократического мероприятия исламские власти не провели. Наоборот, до февраля 1979 г. духовенство боролось против шахской модели современного капитализма, за возрождение «религиозно-духовной самобытности народа», который так и не смог «адаптироваться ж буржуазным условиям», а после февраля оно подавляло именно тех, кто робко пытался следовать буржуазно-демократической линии.

Таким образом, усилия по институционализации «исламской республики» не только не укрепляли буржуазно-демократические достижения (поскольку закреплять было нечего, так как достижений не было), но, напротив, эти усилия и предпринимались с целью не допустить возникновения буржуазно-демократической модели общества, ибо она означала бы конец всевластию духовенства. И прав С. Л. Агаев в том, что эти усилия «порождали реакцию термидорианского типа», а точнее, просто реакцию.

Встав во главе государства, духовенство не могло не заниматься и вопросами экономики: «политика нового режима сочетала содействие буржуазному развитию (в государственно-капиталистической, антимонополистической форме) с защитой мелкого предпринимательства и тех — подлинных или мнимых — интересов, которые более или менее соответствовали непосредственным требованиям традиционалистски настроенных маос» [27, с. 261]. Но государственно-капиталистическая форма не отрицает монополию. Напротив, государственная монополия — самая жесткая, точнее, жестокая (и, вероятно, самая неэффективная) форма производства. Еще при шахе госсектор занимал монопольное положение во многих отраслях промышленности. При исламском режиме, национализировавшем все крупные частные предприятия и банки [27, с. 235—236] и значительно расширившем госсектор, эти монопольные позиции государства еще более усилились.

Духовенство, не имея собственной реальной экономической программы преобразований, не столько «содействовало буржуазному развитию», сколько вынуждено было предпринимать судорожные, крайне непоследовательные усилия, чтобы не дать окончательно развалиться той социально-экономической структуре, которая была создана еще при шахе, иначе экономика страны была бы ввергнута в полный хаос. Результат этих усилий привел сам С. Л. Агаев: сокращение

производства, рост инфляции, бюджетный и товарный дефицит, увеличение безработицы и, добавим, -введение карточной системы. Вряд ли это можно назвать «содействием буржуазному развитию».

Анализ книги С. Л. Агаева свидетельствует, что приведенные им факты противоречат его утверждению о буржуазно-демократическом характере революции. Но если ставится под сомнение содержательное значение характера революции (буржуазно-демократическая по назревшим задачам), то лишаются смысла и ее описательные характеристики (антишахская, антиимпериалистическая, народная, исламская), ибо эти характеристики не содержат признаков революции и могут быть применены как к революционным, так и к реакционным движениям.

Трудно удержаться, чтобы не привести один из последних абзацев книги: «Выход из кризиса революции, способствующий ее развитию по восходящей линии, мог бы быть обеспечен сдвигом влево, продолжающим славные традиции антимонархической фазы революционной борьбы и развивающим позитивные достижения ее исламской фазы. На такой наовой основе дело сплочения народа во имя национальных целей, дело морального оздоровления общества, начало которым положил Хомейни, возможно, все же остались бы непреходящими завоеваниями революции» [27, с. 263].

В чем должен состоять этот «сдвиг влево», кто призван его осуществить? Что понимает автор под продолжением «славных традиций» антимонархической фазы: столь же единодушную борьбу теперь уже против исламского режима? О каких позитивных достижениях «исламской фазы» идет речь, если автор эту фазу считает кризисом революции? Ради каких «национальных целей» необходимо «сплотить народ»? В чем состоит «моральное оздоровление общества»: в достижении «ветхозаветных» морально-этических идеалов и «абстрактно-гуманистических целей» исламского режима? И почему сам Хомейни не продолжил это «дело сплочения народа» и «морального оздоровления общества», если уж он положил ему начало? И зачем кто-то должен осуществлять сдвиг влево ради продолжения дела Хомейни вопреки самому Хомейни? Все эти вопросы повисают в воздухе. Похоже, что единственная цель этого заключительного аккорда состояла в том, чтобы завершить книгу на мажорной ноте. Возможно, что это явилось отражением неудовлетворенности автора несовпадением его оценки событий с реальной действительностью.

В 1980 г. очередную статью опубликовал С. М. Алиев [31, с. 104—111]. В целом он повторил в ней ту же аргументацию, что и в своей первой статье.

В соответствии с заданной темой статьи С. М. Алиев уде-

лил в ней большое внимание положению рабочего класса и его роли в антишахском движении. Причиной, заставившей рабочий класс присоединиться к антишахской борьбе, он называет тяжелое материальное положение рабочих. Хотя с 1962/63 по 1966/67 г. «реальная заработная плата иранских рабочих, согласно официальным данным, увеличилась на 100%», за следующие пять лет — еще на 37%, а «к середине 70-х годов заработная плата возросла еще на 56%», тем не менее «рост заработной платы не обеспечивал установленно-то властями прожиточного минимума», «свыше 90% промышленных рабочих не имели собственного жилья», а его аренда «обходилась рабочим и служащим в 50—75% их заработка» [31, с. 105].

С. М. Алиев не говорит о том, носила ли борьба пролетариата специфически классовый характер, ограничиваясь фразой, что «в требованиях пролетариата политические вопросы общенационального значения выдвигались на первый план» [31, с. 105]. В качестве примера он приводит требования «о ликвидации САВАК, о привлечении к судебной ответственности его руководителей... немедленно удовлетворить требования студентов и преподавателей Тегеранского университета» [31, с. 105]. Приведя несколько фактов забастовочного движения пролетариата, С. М. Алиев делает вывод, что «революционные действия рабочих, их непримиримость и настойчивость явились одним из важнейших факторов, приведших к победе народной революции 1978—1979 гг. в Иране» [31, с. 109].

Борьбу пролетариата автор рассматривает лишь в общем русле антишахского движения под руководством духовенства. Но если ранее он писал, что «крупные шиитские улемы заняли в ее (революции.— Л. С.) руководстве преобладающие позиции» [30, с. 53], то теперь уже утверждает, что иранскому духовенству «удалось к осени 1978 г. стать признанным гегемоном народного движения» [31, с. 107].

Наибольший интерес вызывает та часть статьи, где С. М. Алиев описывает события, происходившие в стране после свержения монархии. Главным он считает борьбу между двумя группировками, «занявшими господствующее положение в структуре власти после февральского переворота 1979 г.» [31, с. ПО]. К первой из них он относит группировку «устойчивых хомейнистов, выступающих за продолжение антиамериканского курса и в известной степени за углубление социальной революции. По их мнению, осуществляемые и намечаемые преобразования: ликвидация крупного землевладения, передача земли тем, кто ее обрабатывает, наделение созданных на промышленных предприятиях советов, состоящих из рабочих и служащих, функций управления государственными предприятиями, национализация банков и круп-

ных частных предприятий, национализация внешней торговли и другие меры — направлены на 'создание в Иране основ „исламского общества справедливости» [31, с. 110]. Таким образом, автор расценивает политический курс хомейнистов как весьма прогрессивный, выдавая при этом желаемое за действительное: о земельной реформе в 1980 г. шли лишь разговоры и споры, попытки рабочих советов на некоторых предприятиях ввести самоуправление к тому времени были уже пресечены, а советы преобразованы в советы по «исламскому воспитанию» рабочих, национализация крупных предприятий, банков и внешней торговли, которую С. М. Алиев расценивает как положительное явление, еще больше расширила и без того мощный государственный сектор и соответственно усилила возможности экономического диктата правящего духовенства, что облегчало и задачу установления политической диктатуры.

Хомейнистам противостояла другая группировка, которая, обладая «сильными позициями в финансовой и экономической сферах и до некоторой степени в государственном аппарате, последовательно отстаивает интересы либеральной буржуазии... Базарган и его сторонники фактически отрицательно отнеслись к поискам „третьего пути" развития, за что выступают Хомейни и его единомышленники. Либералы стоят за обычный, капиталистический путь развития... Призывы к умеренному курсу в области внутренней политики соответствует соглашательский в отношении Запада курс в области внешней политики, за что ратовали Базарган и его единомышленники» [31, с. ПО]. Несмотря на отставку правительства Базаргана, «буржуазные либералы, однако, не отстранены полностью от управления страной. Более того, они не прекращают усилий, направленных на подготовку условий для эволюции нового иранского режима в обычный капиталистический» [31, с. ПО].

Таким образом, С. М. Алиеву нельзя отказать в последовательности: для него революционным является все, что направлено против национального капитализма и империализма. И с этой точки зрения Хомейни для него действительно революционер, стремящийся создать «исламское общество справедливости», найти «третий путь развития». Вместе с тем С. М. Алиев признает, что «непоследовательность и двойственность — в целом характерная черта в политике новых иранских руководителей» [31, с. 111]. С одной стороны, «признание за созданными в ходе революции 1978—1979 г. рабочими советами официального статуса (что закреплено статьей конституции республики), значительное увеличение официального минимального уровня зарплаты и пенсионных пособий, запрет на увольнение рабочих с предприятий, кампания по строительству под эгидой государства дешевых до-

мов для рабочих и крестьян, а также ряд других мер, осуществленных за последние месяцы, содействовали росту авторитета среди рабочих **НОВЫХ** руководителей, особенно имама Хомейни». С другой стороны, «материальное положение и условия жизни значительной части иранских рабочих остаются весьма тяжелыми. Большая часть рабочих семей продолжает ютиться в трущобах и лишена возможности получать необходимую медицинскую помощь... Конституция республики фактически игнорирует рабочий класс» [31, с. 111].

Учитывая двойственность и непоследовательность новых иранских руководителей, С. М. Алиев большие надежды возлагает на рабочих, «заметному росту классового сознания» которых способствовала революция и которые после крушения монархии «активно включились в борьбу за углубление социальной революции и за демократические преобразования», а «усиление их приверженности к левым (социалистическим) идейно-политическим течениям вызывает беспокойство не только у либеральной буржуазии, но и у религиозно-политических и близких к ним деятелей из среды новых руководителей Ирана» [31, с. 111]. И хотя эти руководители «прилагают большие усилия, с тем чтобы „уберечь" рабочих от влияния левых организаций», тем не менее «вопреки политике нового руководства, направленной на установление контроля над рабочим движением, иранские рабочие, особенно промышленный пролетариат, все чаще демонстрируют свое стремление сочетать выступления против американского империализма с расширением борьбы против эксплуатации и капитализма, находя в том поддержку у левых организаций и групп» [31, с. 111].

Кроме этих общих фраз, никаких фактов такой борьбы иранских рабочих С. М. Алиев не приводит. Он считает, 4fo «с уверенностью можно утверждать, что продолжающийся революционный процесс (по-видимому, продолжение его заключается в противоборстве хомейнистов с либеральной буржуазией.— Л. С.) стимулирует дальнейший рост политической сознательности рабочих... Так 'или иначе судьба иранской революции во многом будет зависеть не только от политического курса нынешних иранских руководителей, но в значительной мере и от поведения иранских рабочих, и прежде всего промышленного пролетариата» [31, с. 111]. Не исключено, что оптимизм относительно роли рабочего класса в «продолжающемся революционном процессе» был обусловлен тем, что статья писалась специально для журнала «Рабочий класс и современный мир». По крайней мере в своей следующей статье, опубликованной полгода спустя [33, с. 15—19], С. М. Алиев лишь вскользь упомянул пролетариат в известной по двум предыдущим статьям фразе •о том, что «осенью 1978 г. социальная база революционного

движения значительно расширилась. В «его активно включились -пролетариат, интеллигенция, служащие, домохозяйки» [33, с. 15]. В последующих своих работах он к этой теме больше не возвращался.

В новой статье С. М. Алиев вкратце повторил то, что он писал о ходе революции в двух предыдущих статьях. Но в ней более четко показана сущность противоборства двух линий в послереволюционном Иране. «Представители ириволиберальной буржуазии, выразителями интересов которой являлись М. Базарган и его сподвижники, опасались последствий продолжающегося революционного процесса, в котором все рельефнее давала о себе знать антикапиталистическая тенденция. В этом отношении примечательно, что представители либеральной буржуазии в послереволюционный период, открыто высказывались в пользу возвращения в Иран верхушки иранской буржуазии — финансово-промышленной олигархии, оказавшейся в результате революции за пределами страны». Эту буржуазию «можно охарактеризовать также как буржуазию неоконспираторскую; ее устремления вполне вписываются в интересы транснациональных корпораций (ТНК) и империалистических держав Запада» [33, с. 16]. Таким образом, коварный замысел либеральной буржуазии, описан достаточно красочно. Указывает автор и цель, осуществления которой она добивалась: «Иранская либеральная буржуазия стремилась и стремится обосновать необходимость возвращения финансово-промышленных воротил угрозой хозяйственной разрухи, потребностью разрешения стоящих перед страной экономических проблем» [33, с. 16].

Что же противопоставляли этой линии представители «революционно-мелкобуржуазного течения»? «Хомейни и его сторонники повели линию на создание в Иране „исламского общества справедливости“, отличного, по их убеждению, как от капиталистического, так и от социалистического строя. Веря в „третий путь развития“, в возможность образования подобного общества и пользуясь поддержкой народных масс, твердые хомейнисты оказывают упорное сопротивление попыткам реставрации верхушки иранской буржуазии» [33, с. 16].

Но в этой статье у С. М. Алиева появляется и новый мотив: «В целом идеи хомейнистов об исламском образе правления, о социальной справедливости и равноправии, о построении „общества гармонии“, о восстановлении исламских добродетелей и морали во многом носят *утопический характер*, а в ряде случаев в их идеалах проглядывает откровенный *консерватизм* (курсив наш.— Л. С.)» [33, с. 16—17].

Но, несмотря на утопичность и консерватизм курса хомейнистов, «нельзя вместе с тем не принимать во внимание, что неоилямские политики выступают за продолжение со-

циальной революции в Иране. Для Хомейни и его твердых последователей характерны устойчивый антиимпериализм, антиамериканизм, тенденции эгалитаризма. Борьба же между буржуазными либералами, сторонниками капиталистического курса, и неоилямскими, последователями курса Хомейни, занятыми поисками „третьего пути“ общественного развития, *независимо от преследуемых ими целей* в конечном итоге содействует углублению социального движения в Иране (курсив наш.— Л. С.)» [33, с. 17]. Вместе с тем «отсутствии у нового руководства конструктивного подхода к некоторым важнейшим проблемам иранского общества, в частности к вопросам демократизации политической жизни, национальному вопросу и т. д., стремление монополизировать власть, устранить с политической арены левые силы (и, добавим, либерально-буржуазные,— Л. С.) таит в себе большую опасность для судеб народной революции в Иране» [33, с. 19]. Все же непонятно, хомейнисты «содействуют углублению социального движения» или «таят в себе большую опасность для судеб народной революции»?

И хотя либеральная буржуазия лелеет замыслы продолжить капиталистическое развитие Ирана и сотрудничество с империализмом, а у хомейнистов отсутствуют конструктивные подходы, «нельзя игнорировать и значение такого фактора, как социальное движение широких народных масс», которые «продолжают выступать за преобразование общественно-политической структуры Ирана в соответствии с идеалами революции 1978—1979 годов. А одной из главных ее черт было и остается отрицание развития по западному, капиталистическому образцу. Вопрос только в том, сумеет ли иранская революция подойти к реальной альтернативе капиталистической модели» [33, с. 19]. Таким образом, роль спасителей революции С. М. Алиев в этой статье отводит уже не пролетариату, а широким народным массам.

Из всего изложенного выше следует, что политика либеральной буржуазии, стремящейся продолжить капиталистическое развитие Ирана, чтобы избежать хаоса и разрешить стоящие перед страной экономические проблемы,— это реакция. А утопический и «в ряде случаев» откровенно консервативный курс хомейнистов, их поиски (только еще поиски) неизвестно куда ведущего «третьего пути» при отсутствии конструктивных подходов к важнейшим проблемам общества, их стремление к монополизации власти — это революция и углубление ее социального содержания. Для С. М. Алиева неважно, какие цели преследуют хомейнисты и куда они могут *завести* страну, неважно, сумеет ли революция выдвинуть реальную альтернативу капиталистической модели,— главное, что широкие народные массы вместе с Хомейни и его твердыми сторонниками выступают против капитализма и импе-

риализма, а потому и революция является «народной и антиимпериалистической».

Вопрос только, может ли борьба за заведомо утопические цели, возглавляемая и направляемая людьми, не нашедшими еще пути, по которому следует идти, проявляющими двойственность и непоследовательность и стремящимися при этом к единоличному диктату,— может ли такая борьба считаться революцией, даже если за этими людьми пошли широкие народные массы и даже если они ради утопических целей свергли монархию.

В 1982 г. со статьей по проблемам Ирана выступил Р. А. Ульяновский [76, с. 106—116], занимавший тогда пост заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС и, следовательно, отражавший официальную точку зрения. В начале статьи он осветил в теоретическом плане «вопрос о причинах оживления исламских традиций». Главной причиной он видел «контрнаступление международного империализма на национально-освободительное движение в странах Востока, значительное ускорение и углубление ломки традиционной автаркической экономики исламских стран Азии и Африки — там, где она сохранилась, или традиционных общественно-экономических структур — там, где они до некоторых пор — более или менее мирно сосуществовали с активно привносимыми извне либо же создаваемыми „сверху“ капиталистическими производительными силами и производственными отношениями» [76, с. 106]. При этом естественно, что в условиях «неразвитости капиталистических отношений религиозные воззрения остаются социальным и духовно-культурным образованием в основном докапиталистического типа» [76, с. 107]. Политические силы, выступающие под исламскими лозунгами, «в одних случаях идут на союз с правящими буржуазными и пробуржуазными кругами, что не снимает, разумеется, вопроса о соперничестве между ними, в других — становятся в резкую и открытую оппозицию силам капиталистической и проимпериалистической реакции, что, однако, не равнозначно повороту в сторону выбора некапиталистического пути. Для ситуаций подобного рода обычно характерны поиски „третьего пути“ между капитализмом и социализмом» [76, с. 107].

Поскольку капитализм деструктивно воздействует на традиционные структуры, «неудивительно, что исламские политические течения... получают... массовую поддержку — среди традиционных слоев, не связанных с современным индустриальным производством». С одной стороны, это занятие «в традиционном натуральном и мелкотоварном хозяйстве, и отчасти во вновь возникающем мелкокапиталистическом укладе, сохраняющем еще родимые пятна прошлого (предпринимательская часть так называемых „средних слоев“».

С другой стороны, «различные докапиталистические — предпролетарские и полупролетарские — элементы, миллионы ремесленников, бедное и беднейшее крестьянство. К традиционным слоям примыкают огромные по численности деклассированные группы населения — люмпен-пролетарии и пауперы — и образовавшаяся в последние десятилетия огромная армия разоренных, „раскрестыаненных“ тружеников» [76, с. 107].

Роль политического руководителя и идеолога этих традиционных слоев в Иране «перешла к духовенству, основы существования и влияния которого подрывались развитием капиталистической индустриализации и широким распространением западного, буржуазного образа жизни» [76, с. 108].

Духовенство боролось «в первую очередь за сохранение сравнительно привилегированных условий собственного существования» и в то же время выступало «от имени всех традиционных, полутрадиционных и маргинальных слоев (а также части современного промышленного пролетариата), заинтересованных в свободном и независимом развитии страны» [76, с. 108].

Р. А. Ульяновский указывает на различие интересов мелкобуржуазных слоев и «лиц, лишенных собственности на какие-либо средства производства»: «Первая из указанных двух групп связывает с этими лозунгами („исламской революции“ и исламской республики.— Л. С.) осознанную или не вполне осознанную возможность широкого и массового развития капитализма „снизу“, вторая — вкладывает в них по-своему выстраданный, но во всех отношениях мощный, стихийный порыв к социальной справедливости» [76, с. 108]. Учитывая эти различия интересов, духовенство стремится «выступать в качестве посреднической силы, что обуславливает поиски „третьего пути“ между капитализмом и социализмом, которые на деле в конечном счете оборачиваются *обслуживанием феодально-буржуазных слоев и камуфляжем того же капиталистического пути* патерналистско-благотворительными мерами в духе принципов ислама (курсив наш.— Л. С.)» [76, с. 108].

Таким образом, Р. А. Ульяновский написал безрадостную картину. Оживление исламских традиций обусловлено тем, что развитие капитализма ломает старую, традиционную структуру общества и представители этих отживающих производственных отношений усматривают в исламе последнюю надежду на спасение. Но для духовенства, в котором эти традиционные массы видят выразителя своих чаяний и надежд, главное — сохранить собственные привилегии. Поддерживая лозунги духовенства об «исламской революции» и «исламской республике», часть этих масс связывает с ними надежды на широкое и массовое развитие капитализма «шизу»,

а часть вдохновляется призраком «социальной справедливости». В итоге духовенство предает эти массы, так как обещаемый «третий путь» оборачивается капитализмом и господством феодально-буржуазных слоев, прикрытых исламским флером.

Р. А. Ульяновский не указывает на то, что стремление традиционных слоев сохранить свое положение, используя ислам в качестве орудия борьбы против капитализма и империализма, заранее обречено, так как направлено на сохранение отсталой, консервативной традиционной структуры, против Исторического прогресса. Но из его рассуждений логически вытекает вывод, что ничего революционного в оживлении ислама нет.

Но когда Р. А. Ульяновский переходит от общего анализа причин возрождения исламских традиций к рассмотрению событий в Иране, происходит удивительная метаморфоза: «События последних 4—5 лет в Иране — яркое проявление так называемого движения „исламского возрождения“, то есть *революции* в Иране, единственной мусульманской стране, где исламские политические силы на волне *народной революции* смогли взять в свои руки прямую государственную власть (курсив наш.— Л. С.)» [76, с. 109].

Причины такой трансформации кроются в том, что Р. А. Ульяновский, объективно раскрыв причины возрождения ислама, интерпретировал их по-другому. Выше уже цитировалась фраза, что традиционные, полутрадиционные и маргинальные слои (а также часть промышленного пролетариата) заинтересованы «в свободном и (Независимом развитии страны». И в этом Р. А. Ульяновский прав. Эти традиционные слои, как и часть пролетариата, еще не успевшая утратить традиционного сознания, действительно заинтересованы в «свободе и независимости»: в свободе от воздействия капиталистических отношений, разрушающих традиционную структуру, и в независимости от влияния иностранного капитала, способствующего развитию национального капитализма, ущемляющего их интересы.

Иными словами, традиционные слои заинтересованы в изоляции страны от внешнего мира и не заинтересованы в развитии капитализма, ибо только при таких условиях может быть гарантировано сохранение традиционных структур в полной неприкосновенности. Но такое понимание свободы и независимости равносильно застою страны. Р. А. Ульяновский же свободу и независимость воспринимает как имманентно прогрессивные явления, вне зависимости от каких-либо конкретных условий. Поэтому он считает, что выдвигаемые духовенством «лозунги „исламской революции“ и исламской республики могли стать и действительно стали знаменем общенациональной борьбы против внутренней и внеш-

ней реакции» [76, с. 108]. Он полагает, что «духовенство в принципе способно добиться на первых порах успешного осуществления ближайших задач общенациональной антиимпериалистической борьбы, состоящих в ликвидации коррумпированной политической власти сил буржуазно-компраторской, капиталистической и проимпериалистической реакции,, что в общем и целом соответствует непосредственным требованиям всех упомянутых социальных групп» [76, с. 108].

Действительно, на *первых порах* оно способно добиться этих задач, ликвидировав, т. е. физически уничтожив, буржуазию, буржуазных специалистов-профессионалов из государственного аппарата и разорвав экономические связи с «империалистическими» державами. И это соответствует *непосредственным* требованиям традиционных слоев. Но что будет со страной *далее*? А дальше следует развал промышленного производства и инфраструктурных отраслей, обеспечивающих жизнеспособность всего населения, распад экономических связей, всеобщий хаос в экономике; и озверевшие от такой жизни рабочие, крестьяне и представители тех же традиционных слоев хватаются за оружие, и начинается гражданская война. История уже однажды поставила такой опыт борьбы с буржуазией, например в России, в меньших масштабах он был повторен в наше время в Афганистане. В итоге приходится мучительно воссоздавать нарушенные экономические связи либо путем восстановления прав недобитых остатков буржуазии, либо путем передачи функций ликвидированной буржуазии вновь создаваемому бюрократическому госаппарату.

И прав Р. А. Ульяновский в том, что духовенство, под знаменем ислама поднимающее традиционные слои на борьбу с «внутренней и внешней реакцией» и на *первых порах* добивающееся успеха в этой борьбе, в *конечном счете* оказывается вынужденным обслуживать феодально-буржуазные слои и камуфлировать громкими фразами об исламских принципах и социальной справедливости обыкновенный капитализм.. Вот только стоило ли ради этого затевать революцию и класть на ее алтарь (по оценкам самих иранских деятелей) 60 тыс. жизней? Точнее, можно ли такое развитие событий называть революцией, или она существовала только в нашем воображении, воспитанном в духе слепой ненависти к капитализму и империализму?

Представляется, что причиной такой двойственной оценки Р. А. Ульяновским (и не «м одним») роли ислама является двойственность самого его положения: с одной стороны, как ученый, он способен был увидеть взаимосвязь реальных процессов в восточном обществе, с другой стороны, в интерпретации этих процессов он, как представитель официальной идеологии, не мог выйти за рамки устоявшихся, вевшихся

за десятилетия в сознание идеологических клише и догм.

Р. А. Ульяновский во многом повторяет идеи и положения, изложенные в книге С. Л. Агаева. Он делит антишахский период борьбы на такие же по хронологии и содержанию этапы. Точно так же как и С. Л. Агаев, он различает две фазы революции: дофевральскую и послефевральскую. Перекликается с С. Л. Агаевым и точка зрения Р. А. Ульяновского о тяготении «торгово-предпринимательской части „средних слоев“ к беспрепятственному (у С. Л. Агаева — „широкому и массовому“.— Л. С.) развитию национального капитализма, которое блокировалось шахской политикой насаждения сверху — с помощью иностранного капитала — современных, капиталистических монополий и государственно-монополистических структур» [76, с. 109]. Февральское восстание, по мнению Р. А. Ульяновского, «завершило лишь антишахскую фазу революционной борьбы», за которой последовали «усилия по закреплению ее исламских организационных форм», ввиду чего «новую, послефевральскую фазу политической борьбы можно определить как критический пункт революции, как ее временный кризис. Но кризис революции — это тоже революция. Или она отступает, или продвигается вперед» [76, с. 111].

Следовательно, у Р. А. Ульяновского тот же мотив: до февраля революция шла по восходящей, после февраля она продолжается, но уже по нисходящей, переживая кризис. «Кризис революции — это тоже революция. Или она отступает, или продвигается вперед», — восклицает Р. А. Ульяновский. Однако кризис революции, когда пришедшие к власти силы поворачивают ее вспять, обычно принято называть контрреволюцией. Р. А. Ульяновский и С. Л. Агаев закрывают на это глаза. Потому что тогда следует признать, что духовенство с самого начала ставило цель завоевать власть, но отнюдь не ради светлого будущего иранского народа, а для того, чтобы «институализировать исламские организационные и идеологические формы» в виде «исламской республики», теоретические положения о которых Хомейни разработал не после февраля 1979 г., а еще в начале 70-х годов. И вся его борьба против монархии проходила под знаменем воплощения этих положений в жизнь, что он блестяще и осуществил после свержения шаха. Если признать это, тогда следует признать и то, что духовенство, боровшееся за «исламскую республику», с самого начала было контрреволюционно, а «широкие народные Массы», верившие духовенству и поддерживавшие его идею «исламской республики» (каким бы «стихийным порывом к социальной справедливости» они ни руководствовались), помогали духовенству эту контрреволюцию осуществить. Такое признание означало бы крах концепции «народной, антишахской, антиимпериалисти-

ческой революции», что было абсолютно неприемлемым для партийных идеологов в начале 80-х годов.

Почти дословно с С. Л. Агаевым совпадает и формулирование Р. А. Ульяновским характера революции: он определяет ее — «по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости — как народную и потому демократическую; по основной направленности — как антимонархическую, антиимпериалистическую и остро антиамериканскую; по социальной сущности — как буржуазную (поскольку проявившиеся в ней определенные антикапиталистические тенденции пока что остались нереализованными); по идеологической форме и руководящей роли шиитских богословов — как исламскую» [76, с. ПО—111].

Говоря о том, что в конце 1978 — начале 1979 г. были почти повсеместно разгромлены все банки и другие экономические учреждения, началось изгнание 40 тыс. американских советников, расторгнуты военные и гражданские **контракты** с США на многие миллиарды долларов, национализирована банковская система, ряд крупных промышленных предприятий, Р. А. Ульяновский делает вывод, что проведение этих мер, «продиктованных ближайшими назревшими задачами революционной борьбы, в принципе не выходит за буржуазно-демократические рамки, хотя при более благоприятных условиях, при *ином характере руководства* революцией эти меры могли бы стать исходным пунктом последовательных, крупных антикапиталистических преобразований во всем обществе (курсив наш.— Л. С.)» [76, с. 110].

Во-первых, какое отношение к буржуазной демократии могут иметь погромы банков и других экономических учреждений, изгнание американских советников, разрыв многомиллиардных контрактов и т. п.? Во-вторых, Р. А. Ульяновский допускает, что при ином руководстве революцией (надо полагать, имеются в виду левые организации) эти меры могли бы привести к крупным антикапиталистическим преобразованиям (вероятно, за этой громоздкой фразой кроются социалистические преобразования). Это рассуждение весьма характерно для бывшего партийно-государственного руководства СССР. Оно полагало, что независимо от объективных условий все решает «характер руководства», которое может повернуть развитие страны в любом направлении. Именно на это мы и обожглись в Афганистане, оде к власти пришло руководство «иногo характера», посчитавшее, что можно построить социализм в условиях отсталой, феодальной страны, в которой сохранились еще родо-племенные отношения. Вместо того чтобы осудить эту лвантюру, партийно-государственное руководство СССР, исходя из постулата об универсальности и всеобщей приемлемости марксистско-ленинской идеологии и незначительности объективных социально-эконо-

мических условий, поддержало ее. Трагический итог этих заблуждений известен.

Процитированная фраза Р. А. Ульяновского объясняет причины, по которым функционеры ЦК КПСС объявили события в Иране революцией: в начале 80-х годов они еще надеялись на возможность изменения «характера руководства» и осуществления «последовательных, крупных антикапиталистических преобразований». Вспомним замечание Р. А. Ульяновского, что «антикапиталистические тенденции пока что (курсив наш.— Л. С.) остались нереализованными». В данном случае политик-практик Р. А. Ульяновский «поправил» формулировку ученого-теоретика С. Л. Агаева. Можно только представить, какой трагедией могло обернуться для Ирана, нефтедобывающей страны, имеющей особое стратегическое и геополитическое значение для Запада, если бы к власти пришло «иное руководство», поддержанное СССР для «защиты революции от внешней и внутренней реакции». Масштаб последствий такого образа действий мог бы оказаться для человечества непредсказуемым.

Далее Р. А. Ульяновский рассуждает о некоторых результатах прихода к власти духовенства. «За три с лишним года... крупное помещичье землевладение не было серьезно подорвано, а вопрос о распределении церковных земель вообще не ставился», объем промышленного производства уменьшился наполовину, численность безработных достигла 3 млн.; духовенство так и не решило вопрос об отношении к частной собственности на средства производства, остались различия между богатыми и бедными, вуалируемые «равенством всех людей перед богом»; консервативное крыло духовенства, «отражающее интересы феодально-помещичьих кругов и крупного капитала, явно опасается дальнейшего нарастания революционного процесса» и «готово пойти на компромисс с контрреволюцией и на восстановление зависимости Ирана от США», в то время как другая часть духовенства «отдает себе отчет в необходимости продолжения последовательной борьбы против объединенного фронта международного империализма во главе с США, проведения более глубоких социально-экономических преобразований в интересах трудящихся»; одновременно либеральная буржуазия «не оставила попыток свергнуть исламский антиимпериалистический режим... и направить Иран по капиталистическому зависимому пути».

Указав на все это, автор делает заключающий статью вывод: «От того, удастся ли прогрессивным, прежде всего левым силам Ирана создать Единый народный фронт борьбы в защиту завоеваний революции на основе твердого антиимпериалистического курса и осуществления коренных социально-экономических преобразований в интересах широких слоев

трудящихся, и прежде всего миллионов обездоленных народных масс, будет в значительной степени зависеть дальнейшее направление развития иранской революции. Она привлекает к себе внимание как революция, полная противоречивых потенций, заключающая в себе возможность *крутых поворотов в будущем* (курсив наш.— Л. С.)» [76, с. 114—116]. Комментарии, очевидно, излишни.

В том же, 1982 г. был опубликован сборник статей под редакцией Р. А. Ульяновского, в котором помещены, в частности, статьи и Р. А. Ульяновского, и С. Л. Агаева [68, с. 5—37, 271—308]. В оценке причин революции в своей статье Р. А. Ульяновский перекликается с С. М. Алиевым: «Бурно растущее капиталистическое накопление разоряло массы ремесленников и крестьян, выталкивало из деревень миллионы людей. Города переполнялись обездоленными. В то же время безудержно обогащались компрадоры, чиновники и нувориши, немыслимых размеров достигала коррупция. Контрасты между нищетой и богатством стали разительными» [68, с. 24]. В данном случае наблюдается тот же стереотип, что и у С. М. Алиева: бедные беднели, богатые богатели. Среди других причин революции Р. А. Ульяновский называет засилье иностранного капитала, зверства САВАК, враждебное отношение шаха к национальным обычаям и традициям. В этих условиях шиитские богословы, которые «были выходцами из народа... жили среди народа, знали его нужды, трудности, разделяли социальные устремления простых иранцев, их мечты о равенстве и справедливости», стали «не только знаменем движения, но и его организующей силой» [68, с. 25—26].

«Выдающуюся роль на первом этапе иранской революции сыграл аятолла Хомейни... Платформы Хомейни характеризовали решительность и непримиримость в борьбе за свержение шаха и уничтожение всех остатков его полицейского режима, курс на искоренение зависимости от империализма. В отстаивании этих целей Хомейни проявил большое мужество и выдающиеся способности ж мобилизации народа. Наряду с этим Хомейни удалось в своеобразной, проникнутой исламскими традициями и поэтому доходчивой форме выразить стремление и самые сокровенные чаяния угнетенных классов к изменению социального строя, к прекращению ограбления народа иностранцами, помещиками и капиталистами, к повышению уровня жизни простых людей, к утверждению их достоинства. Хомейни пробудил в народных массах веру, что революция осуществляется в их интересах» [68, с. 26]. Заметим, что этот панегирик Хомейни опубликован в 1982 г., когда уже было очевидно, что исламский режим — это теократическая диктатура, замешенная на религиозном фанатизме, когда «стражи исламской революции» зверствовали похуже САВАК, когда левые организации были уже

разгромлены, за исключением НПИ (ее очередь настанет* через год), когда всюду полыхала бессмысленная ирано-иракская война и исламское руководство во главе с «выдающимся революционером» Хомейни гнало толпы школьников разминировать своими телами минные поля.

Только слепой мог не видеть все это и продолжать восхвалять «выдающуюся роль, решительность и непримиримость Хомейни». Р. А. Ульяновский продолжал считать, что в иранской революции существуют две тенденции — радикальная (народная) и либерально-буржуазная: «В первом случае речь идет о развитии революции и продолжении ее подлинно народных традиций, о необходимости прихода к власти леводемократических сил, о постепенном перерастании политической революции через ряд промежуточных ступеней в социальную революцию» [68, с. 28]. Р. А. Ульяновский все еще надеялся, что «леводемократические силы» (напомним, все левые организации уже разгромлены, и только НПИ продолжает легальную деятельность, заявляя о приверженности курсу Хомейни) придут к власти и совершат социалистическую революцию (употребленный Р. А. Ульяновским термин «социальная революция» вряд ли кого введет в заблуждение относительно его истинного значения).

Статья С. Л. Агаева в указанном сборнике (представляет собой сокращенный вариант глав о революции из его книги «Иран в прошлом и настоящем» с небольшими изменениями. Но в этой статье появился нюанс, которого не было в предыдущих работах: «Сегодня с абсолютной несомненностью ясно одно: коренные проблемы социально-политического развития Ирана уже не могут быть решены на путях развития капитализма, который в современных условиях стран Азии и Африки, как 'справедливо отмечает Р. А. Ульяновский, „не в состоянии обеспечить высоких темпов роста, обостряет классовые противоречия, обрекает на новые страдания народные массы и предрасполагает к неокOLONIALной зависимости". В то же время „действительное соблюдение традиционных моральных, социальных, эгалитарных черт ислама не противоречит борьбе за социальный прогресс, не противоречит принципам научного социализма при решении задач экономического и социально-культурного развития"» [68, с. 306].

Из контекста идея о необходимости социалистической революции в Иране проглядывает достаточно ясно, поскольку капитализм, по мнению С. Л. Агаева, не 'способен решить проблемы Ирана. И даже употреблен термин «социализм», правда, в цитате, заимствованной из книги Р. А. Ульяновского [77, с. 17, 86], который ставит знак равенства между научным социализмом и исламом (!). Этот же аргумент, кстати, приводил и генеральный секретарь ЦК НПИ Н. Кия-

иури, обосновывая причину поддержки Хомейни Народной партией Ирана.

В статье, опубликованной С. Л. Агаевым в 1985 г. [25, с. 43—69], появляется еще одна новая идея: «Подъем народного движения в Иране в конце 70-х годов явился ярким примером того, что широчайшие массы стран Востока отвергают навязываемые им пути буржуазной социальной модернизации и вестернизации их самобытного жизненного уклада» [25, с. 44]. Эта идея впервые была изложена в его статье 1984 г. [29, с. 27—31]. Но поскольку она посвящена частному вопросу и все ее основные положения содержится в статье 1985 г., то нет необходимости анализировать ее отдельно.

Эта новая идея, как и идея о том, что коренные проблемы Ирана не могут быть решены на путях развития капитализма, работает против утверждения С. Л. Агаева о «буржуазно-демократической революции по назревшим задачам»: если широкие массы отвергают пути буржуазной модернизации и капитализм не в состоянии решить проблемы Ирана, значит, и задачи буржуазно-демократической революции в Иране не могли назреть. Какие же силы осуществляли буржуазно-демократическую революцию, если широкие массы ее отвергали? Если же какие-то силы и осуществляли ее вопреки желанию широких народных масс, то тем самым они 'выступали как силы контрреволюционные по отношению к «народной революции», отвергавшей буржуазную модернизацию. И последнее: если капитализм уже *не способен решить* коренные проблемы Ирана, то почему борьба за осуществление буржуазно-демократических преобразований, т. е. за совершенно бесполезное для иранского общества дело, должна знаменовать собой революцию? Революция-то как раз и осуществляется, чтобы *решить* проблемы, назревшие в обществе.

Изменилось и отношение С. Л. Агаева к духовенству: «Иранская революция, начавшаяся в январе 1978 г. и добившаяся к февралю 1979 г. важной победы — свержения шахского режима, в своем последующем развитии обнаружила проявившуюся в весьма своеобразных формах 'конфронтацию идей 'И целей освободительной, национально-демократической борьбы, носителями которых выступали прогрессивные политические силы иранского общества, с узкокорыстными, социально ограниченными сословно-групповыми, корпоративными устремлениями исламско-богословского руководства революцией, объективно отражавшего интересы пробуржуазных и буржуазных сил страны и в то же время пытавшегося удержать под своим контролем широкие народные массы» [25, с. 43].

Наконец-то С. Л. Агаев вынужден был признать, что духовенство отнюдь не требовало «социальной справедливости» и «справедливого распределения доходов» в интересах ши-

роких народных масс, а, исходя из узкокорыстных, корпоративных устремлений, отражало интересы иробуржуазных и буржуазных сил страны. Носителями же идей и целей освободительной, национально-демократической борьбы выступали прогрессивные политические силы, находившиеся в конфронтации с духовенством. Как же вели себя эти силы в революции? «Народная партия Ирана—старейшая партия страны—представляла собой самый зрелый, наиболее сплоченный и организованный отряд левых сил... Возобновив с началом революционного движения широкую практическую* деятельность (в стране, партия заявила, что *полностью поддерживает* революционные инициативы духовенства, а также признает руководящую роль имама (Хомейни.— Л. С.) в революции и его прогрессивные позиции (курсив наш.— Л. С.)» [25, с. 46]. Да, НПИ избрала своеобразную форму «конфронтации» с духовенством.

Организация моджахедов «оставалась самой левой и наиболее демократической группировкой на стыке светских к исламских революционных сил. В ходе антишахской борьбы моджахедины проявили явное стремление к *сближению* со сторонниками Хомейни (курсив наш.— Л. С.)» [25, с. 47].

Характеризовавшиеся «отчужденностью, а подчас и неприязнью», отношения между левыми силами затрудняли «решение общей для всех левых сил задачи обрести широкую- национальную и политическую базу, тогда как духовенство могло использовать в своих интересах политическую неопытность и организационную слабость промышленного пролетариата» [25, с. 47].

Одна только Организация партизан-федаев иранского народа, «объявившая себя „независимой марксистско-ленинской" группировкой», не поддержала Хомейни, и потому фedayам «постоянно приходилось противостоять попыткам религиозного руководства изолировать их от основного русла борьбы антишахских сил» [25, с. 46—47].

Таким образом, конфронтации «прогрессивных политических сил» с исламско-богословским руководством революции, в общем-то, и не было (за исключением фedayев); к тому же такая прогрессивная сила, как пролетариат, не возглавлялась левыми, а использовалась духовенством в своих «узкокорыстных, социально ограниченных, сословно-груштовых, корпоративных» целях. Утверждение С. Л. Агаева (в попытках спасти лицо «иранской революции»), что прогрессивные политические силы представляли революционную линию в антишахском движении, им же и опровергается.

Хотя отношение С. Л. Агаева к духовенству изменилось, он продолжает утверждать, что оно возглавляло революцию: «...особенностью революционного движения в Иране явилось то, что оно протекало под религиозными лозунгами и под

непосредственным руководством мусульманского (шиитского) духовенства. В специфических условиях, сложившихся в стране, эта большая по численности и значительная по политическому влиянию социальная прослойка оказалась способной отеснить от руководства революцией немногочисленную, экономически слабую национальную буржуазию и в наиболее доступной для широких масс форме выразить самые насущные требования национально-демократической борьбы, связанные с ликвидацией монархии и империалистического засилья. Могучая, но стихийная тяга широких слоев народа к социальной справедливости и кардинальному переустройству общественной жизни в соответствии с самобытными национальными и культурными традициями нашла выражение в выдвинутых религиозными деятелями лозунгах „исламской республики" и „всеобщей исламской справедливости" (!) [25, с. 44].

Но ведь выше С. Л. Агаев утверждал, что национально-демократические идеи выдвигали прогрессивные политические силы, находившиеся в конфронтации с «узкокорыстным» духовенством! Так где же он говорил правду? И что выражал в действительности лозунг «исламской республики»: «узкокорыстные, социально ограниченные, корпоративные устремления исламско-богословского руководства, отражавшего интересы пробуржуазных и буржуазных сил, или все же могучую, но стихийную тягу широких слоев народа к кардинальному переустройству? С. Л. Агаев полностью запутал читателя. Причем среди этих широких слоев «две прослойки — люмпены и сельские мигранты, только что пробудившиеся к политической жизни, но еще неискушенные в политике, безграмотные в своей массе и находящиеся под сильным влиянием религиозной идеологии, составляли главную ударную силу массового движения» [25, с. 44].

Из всего сказанного С. Л. Агаевым вытекает, что духовенство, руководимое узкокорыстными, социально ограниченными и корпоративными устремлениями и выразившее интересы пробуржуазных и буржуазных сил, при поддержке большинства левых организаций использовало неискушенные в политике, безграмотные, темные массы люмпенов (как главную ударную силу) и политически неопытный, слабо организованный пролетариат для реализации этих устремлений в форме «исламской республики». Все же разглагольствования о «социальной справедливости», эгалитаризме и свободе были либо добросовестными заблуждениями тех или иных деятелей, либо откровенной демагогией.

Все эти моменты в статье С. Л. Агаева присутствуют, но он перемежает их с положениями своих прежних работ и не выстраивает в логическую цепь, поскольку тогда рассыпается вся его концепция о «революции».

Далее С. Л. Агаев описывает, каким образом духовенству удалось устранить с политической сцены представителей либеральной буржуазии, в том числе правительство М. Базаргана, сместить с поста президента светского мелкобуржуазного деятеля А. Банисадра и разгромить все левые силы. Воплотив в жизнь теоретические воззрения Хомейни об «исламской (республике)» и установив непосредственное правление, «власти постепенно перестали апеллировать к народу. Место народных масс, ранее периодически выводимых на городские площади и улицы для „демонстрации единства народа и имама“, заняли Корпус стражей исламской революции и другие военизированные организации, созданные духовенством» [25, с. 56].

Итак, народные массы нужны были духовенству вначале для того, чтобы свергнув монархию, прийти к власти, а затем — чтобы, устранив всех политических противников и из числа левых, и из числа либеральной буржуазии, установить свое безраздельное господство. Когда же эта задача была выполнена, духовенство попросту отвернулось от этих «широких народных масс». После этого наступил «важный поворот не только во внутренней, но и во внешней политике исламского режима, приступившего к укреплению ослабленных в результате революции торгово-экономических и политических связей с империалистическими державами и развернувшего кампанию клеветы на Советский Союз. В стране открыто утвердился курс на капиталистический путь развития, который *ранее тщательно маскировался* исламско-популистскими лозунгами (курсив наш.— Л. С.)» [25, с. 57]. Таким образом, исламско-популистские лозунги, которыми обманулись широкие народные массы и большинство левых (добавим, и большинство советских иранистов), были, оказывается, лишь тщательной маскировкой действительных целей духовенства.

И тем не менее С. Л. Агаев вновь повторяет свою знаменитую формулировку, что иранская революция «народная по движущим силам и методам борьбы, антимонархическая, антимонополистическая по основной своей направленности, буржуазно-демократическая по ближайшим назревшим задачам и конечным результатам (при определенных антикапиталистических тенденциях)... в то же время может быть названа исламской по руководящей роли духовенства, идеологии, набору лозунгов и организационной основе». После свержения монархии «пришедшее к власти духовенство направило революцию в такое русло, в котором усилия по институционализации ее исламских организационных и идеологических форм могли бы определять главное содержание антиимпериалистического народного движения» [25, с. 57].

Как известно, такой поворот в политике духовенства

С. Л. Агаев называет «исламской революцией». В этой «революции» «первоочередная цель пришедшего к власти шиитского духовенства состояла в установлении и упрочении теократического режима, исламской радикализации всей политической, общественной и семейной жизни граждан, утверждении „ветхозаветных“ морально-этических идеалов и абстрактно-гуманистических целей в духе эгалитарных принципов ислама» [25, с. 58]. Духовенство, которое встало «по необходимости на путь революционной борьбы (ибо в сложившихся условиях только с помощью радикальных мер можно было упрочить положение религии и ее адептов)... и после победы антимонархического, антиимпериалистического движения *продолжало* в отдельных случаях использовать радикальные по форме методы и средства борьбы в своих социально-консервативных корпоративных целях (курсив «аш.— Л. С.)» [25, с. 58]. Но если оно после победы *продолжало* использовать эти методы и средства в консервативных целях, значит, и ранее, когда духовенство «радикально» боролось против монархии и империализма, оно использовало их в *консервативных* корпоративных целях. Но тогда при чем здесь революция? Почему бы прямо не сказать, что духовенству необходимо было уничтожить монархию и империализм в Иране, чтобы достичь своих консервативных корпоративных целей? И для этого вовсе не обязательно вставать «по необходимости на путь революционной борьбы», эти цели достижимы и на путях реакционной борьбы.

Оказывается, такие методы и средства борьбы нужны были духовенству для того, чтобы после свержения монархии повести борьбу «с либеральными (правыми и центристскими) силами, победа которых сразу же привела бы к утверждению откровенно буржуазной и прозападной ориентации правительственной политики» [25, с. 58]. Духовенство же до поры до времени де показывало, что оно стремится к тому же, и «это обстоятельство обеспечивало ему на первых порах широкую поддержку народа и в то же время способствовало известной дезориентации значительной части левых сил, не сумевших вовремя различить грань между революционными и псевдореволюционными методами, между антиимпериалистическим и псевдоантиимпериалистическим образом действий, между действительной заинтересованностью религиозных деятелей в сохранении связей с народом и *имманентно присущей* исламскому духовенству способностью демагогически манипулировать широкими массами с целью мистификации их социально-классового и политического сознания (курсив наш.— Л. С.)» [25, с. 58]. Конечно, левым трудно было различить грань, которой не существовало в природе, особенно когда они видели не то, что есть на самом деле, а то, что *они хотели* видеть. Впрочем, неудивительно, что духовенству

удалось дезориентировать значительную часть левых, если оно смогло ввести в заблуждение ответственных работников Международного отдела ЦК КПСС и некоторых советских ученых.

Поставив перед собой вопрос о месте «исламской революции» в общем ходе развития революционного процесса в Иране, С. Л. Агаев отвечает, что «определять весь период от февраля 1979 г. по февраль—май 1983 г. как контрреволюционный было бы неточно и преждевременно применительно к данному периоду. Этапы „исламской революции“ — это, в сущности, ступени постепенно углублявшегося кризиса народной, антиимпериалистической революции января 1978 — февраля 1979 г., кризиса, составляющего нисходящую линию развития революционного процесса в Иране, в которую он вступил сразу после февральской победы 1979 г., и достигшую своей крайней точки в феврале—мае, когда в стране в результате расправы с левыми силами полностью установился авторитарный режим в форме исламской деспотии. Это, конечно, не значит, что хронологические рамки иранской революции следует обязательно выносить за пределы февральского вооруженного восстания 1979 г.» [25, с. 68—59].

Следовательно, «народная, антишахская, антиимпериалистическая революция» благополучно скончалась после февральского восстания? Но умерла она не своей смертью, ее задушило духовенство, начав после февраля «исламскую революцию», прошедшую через три этапа: отставка правительства М. Базаргана, смещение с поста президента А. Банисадра и разгром левых сил, последний из которых, «оставивший кульминацию третьего этапа кризиса революционного процесса, в политическом плане открыл путь буржуазной контрреволюции» [25, с. 59]. Но почему тогда действия духовенства, открывшие путь буржуазной контрреволюции, называются С. Л. Агаевым «ступенями кризиса народной революции», «исламской революцией», а не исламской контрреволюцией? И если в Иране произошла буржуазно-демократическая революция, то каким же образом она превратилась в буржуазную контрреволюцию?

Следует признать, что С. Л. Агаев от работы к работе менял свои взгляды по мере того, как выявлялась сущность исламского режима. И тем не менее приводимые им же очевидные факты не заставили его изменить свою концепцию иранской революции, что вело к накоплению в его работах все больших противоречий.

Резко изменил свои позиции Р. А. Ульяновский, о чем свидетельствует его статья, опубликованная в 1985 г. [78, с. 104—110]. В ней революция уже не характеризуется народной, антишахской, антиимпериалистической, буржуазной. Р. А. Ульяновский эмоционально называет ее «подлинно все-

народным праздником», и духовенство возглавляло уже не революцию, а «массовое движение», «антишахское и антиимпериалистическое движение» [78, с. 104, 106]. Отмечая, что участники этой «революции-праздника» были готовы на любые самопожертвования, «лишь бы отстоять свой новый дух свободы», Р. А. Ульяновский пишет, что «этот новый дух свободы был с самого начала (курсив наш.— Л. С.) скован цепями, имя которым — мусульманский фанатизм. Большинство участников революции составляли темные, невежественные массы, издавна придавленные монархическим гнетом и произволом. Только что пробудившиеся к открытой уличной политической борьбе, но еще совсем не искушенные в сущности политики (это положение явно перекликается с идеей С. Л. Агаева.— Л. С.), они были знакомы только с одной формой общественной идеологии — религией, с одной формой мировоззрения — религиозной. Они довольно точно знали, чего *не хотели*, и очень неточно — чего *хотели*» [78, с. 104].

Таким образом, прежние сентенции о выдающейся роли Хомейни, решительном и непримиримом революционере, о духовенстве, выражающем сокровенные чаяния угнетенных классов, преданы автором забвению. Его оценка роли духовенства повернулась на 180 градусов. С самого начала антишахской борьбы духовенством двигал мусульманский фанатизм, а потому и «праздник свободы изначально нес в себе привкус трагедии». И хотя «лозунги „исламской революции“ и „исламской республики“ воспринимались широкими слоями народа как отражение их глубоко выстраданного (хотя во всех отношениях и стихийного) порыва к социальной справедливости», сами шиитские богословы, составляющие консервативную социально-корпоративную прослойку, «встав на путь политического радикализма, демагогически акцентируя всеобщее стремление к справедливости, боролись в первую очередь за увековечение условий своего существования завоевание государственной гегемонии. Однако в процессе антишахского и антиимпериалистического движения эта сторона деятельности духовенства затемнялась, затушевывалась его активным, а затем и руководящим участием в этом движении» [78, с. 104—105]. Следовательно, Р. А. Ульяновскому потребовалось пять лет, чтобы понять, что духовенство боролось «против внутренней и внешней реакции» отнюдь не за свободу и демократию, и признать, что его усилия были направлены в первую очередь на достижение собственного господства над обществом.

В чем же причина столь резкого поворота в оценке Р. А. Ульяновским событий 1978—1979 гг. в Иране и роли в них духовенства? Думается, что поводом послужил разгром левых сил в 1981—1982 гг., и особенно разгром НИИ в

1983 г. Именно анализу причин трагедии левых и посвящена большая часть 'статьи. У Р. А. Ульяновского были причины скорбеть о разгроме НПИ: Международный отдел ЦК КПСС сыграл не последнюю роль в том, что руководство НПИ (находившееся в ту пору в эмиграции в Советском Союзе) встало на путь поддержки Хомейни и летом 1978 г. сместило с поста первого секретаря ЦК НПИ Ираджа Искандери, категорического противника сотрудничества с духовенством, заменив его Нуреддином Киянури, высказывавшимся в поддержку такого сотрудничества и считавшим, что между научным социализмом и исламом нет принципиальных противоречий. (Вспомним упоминавшуюся уже цитату самого Р. А. Ульяновского из его книги, изданной в 1978 г.)

Р. А. Ульяновский пытается убедить читателя (и, вероятно, прежде всего оправдать себя), что политика НПИ была продиктована «резвой оценкой реальной ситуации», поскольку «руководство леводемократических организаций хорошо понимало всю силу влияния шиитских богословов на широкие народные массы, которые те с самого начала революции смогли мобилизовать на антишахскую борьбу под зеленым знаменем ислама», и «именно из-за такой оценки объективной обстановки в стране левые организации и до, и после февральской победы выступали не за свое участие в правительстве, а лишь против попыток духовенства „монополизировать революцию“. Правильно рассматривая происходящие события как глубоко народную революцию, в ходе которой ярко проявился всеобщий порыв к социальной справедливости, руководители леводемократических групп были убеждены, что она не остановится «а свержении шахской власти, что шиитской верхушке волей-неволей придется встать на путь удовлетворения если не коренных чаяний народа, то хотя бы самых острых его нужд. Поэтому левые силы и считали для себя главным ее участие во власти, а такое мощное и многостороннее давление на нее, которое могло бы, с одной стороны, способствовать развитию общества по пути прогрессивных социальных преобразований, а с другой — содействовать расширению и углублению революционной самостоятельности и инициативы масс, а вместе с тем и изживанию ими на собственном политическом опыте иллюзий в отношении конечных целей духовенства. Такой подход к рассматриваемому вопросу, думается, во многом был обоснованным». Но поскольку в среде левых существовали глубокие разногласия, то даже «совместные действия в дни февральского вооруженного восстания 1979 г.— и вновь это приходится с сожалением констатировать— не стали основой для создания единого фронта Всех леводемократических сил Ирана» [78, с. 106—107].

После того как левые в Иране были разгромлены, а некоторые из арестованных руководителей НПИ, в том числе

Н. Киянури, были принуждены выступить по иранскому телевидению и сделать признание, что по заданию КПСС они занимались шпионажем в пользу СССР [78, с. 109], не осталось никаких надежд на «приход к власти леводемократических сил и постепенное перерастание политической революции в социальную». А потому уже не было никакой необходимости слагать панегирики Хомейни в расчете на то, что он и далее позволит НПИ легальное существование. Теперь уже можно было критиковать духовенство без оглядки, что Р. А. Ульяновский и сделал в своей статье. Если ранее он писал, что часть духовенства сознавала необходимость «борьбы против объединенного фронта международного империализма во главе с США, проведения более глубоких социально-экономических преобразований в интересах трудящихся», то теперь он пишет, что М. Базарган, как глава правительства, «послушно осуществлял его (духовенства.— Л. С.) негласные указания, нацеленные на свертывание революционного движения», что в послереволюционном Иране вообще не стояла проблема «выбора пути развития в сторону капитализма или социализма». Она была однозначно решена в пользу капитализма, а противоречия между либерально-буржуазным правительством Базаргана и духовенством определялись вопросом «о форме государственного устройства — быть буржуазному Ирану полностью теократической страной или светским государством, хотя и с довольно сильным влиянием служителей культа». В конечном счете «консервативному духовенству удалось застопорить социальную революцию, оторвать ее от свержения монархической власти и устранения американского засилья, то есть от политической революции. В этом был глубокий и коварный замысел богословского духовенства, тесно связанного с буржуазным бизнесом и крупным землевладением» [78, с. 107—109]. В результате «миллионы обездоленных, участвовавших в революционной антишахской и антиимпериалистической борьбе с исключительным самопожертвованием и героизмом, ничего не получили от революции, за исключением тех подачек благотворительного характера, с помощью которых новая правящая группа Ирана стремится укрепить собственное положение и заодно окончательно разрядить революционную энергию и подавить инициативу широких народных масс» [78, с. 109—110].

Правление шиитских богословов создало в стране ситуацию, которая «напоминает самые мрачные времена средневековья. Слежка за „подозрительными“, аресты и массовые казни „антиисламских элементов“, возведенные в ранг *саибих* высоких гражданских добродетелей доносы на друзей и родственников— отцов и матерей, сыновей и дочерей — стали обычными нормами общественно-политической жизни в стра-

не. Люди остерегаются не только 'случайных, но и привычных контактов, простого человеческого общения — этого может оказаться достаточным для того, чтобы быть обвиненными в „заговоре" против существующего строя» [78, с. ПО]. Думается, что Р. А. Ульяновский в поисках исторических параллелей напрасно забирается так далеко — в мрачные времена средневековья. Описанная им картина вполне отвечает его тезису о том, что ислам не противоречит социализму, уточним лишь — социализму образца 1937 года.

В целом никаких аргументов в пользу того, что в Иране произошла революция, в статье Р. А. Ульяновского уже не содержится: темные, забытые, невежественные массы, неискушенные в политике и знавшие только одну идеологию — религиозную, поверили демагогическим обещаниям социальной справедливости и пошли за духовенством, которое, вынашивая коварный замысел, использовало эти массы, чтобы свергнуть монархию, утвердить собственную гегемонию и не допустить социальной революции. И тем не менее Р. А. Ульяновский продолжает называть события в Иране революцией, никак не определяя ее характер.

В том же, 1985 г. вышла из печати новая монографическая работа С. М. Алиева, посвященная проблемам иранской нефти, и социально-политическому развитию страны в XX в. [32], которая затем была представлена им в качестве основания для присуждения степени доктора исторических наук. В этой работе есть и небольшая глава об иранской революции. Фактически эта глава представляет собой почти дословную компиляцию двух предыдущих рассматривавшихся статей С. М. Алиева с небольшими добавлениями и неприципиальными изменениями. Поэтому анализировать текстуально эту новую работу нет необходимости. Но, приведя прежнюю аргументацию, С. М. Алиев делает совершенно неожиданный вывод: «По социальному содержанию революцию следует считать мелкобуржуазной». Однако он сразу же оговаривает, что «это определение недостаточно полно и точно. В соответствии с устремлениями принимавших в ней участие трудящихся классов, неимущих еще" в ходе революционных событий проявились антикапиталистические тенденции. Антимонополистические, антикапиталистические элементы содержались также в выдвинутых религиозными и мелкобуржуазными идеологами лозунгах. Таким образом, одной из основных особенностей революции стало отрицание общественного развития по западному образцу. Поскольку „белая революция" представляла собой помимо всего и „особую разновидность насаждения сверху капиталистических отношений", главным образом в госсекторе и в сфере крупного частного капитала (иранского и иностранного), выступление против шахского режима имело антимонополистические, ан-

тикапиталистические черты. С этим свойством революции была связана ее другая важная особенность — антиимпериализм, антиамериканизм» [32, с. 250—251].

Таким образом, если собрать воедино все определения революции, употребляемые С. М. Алиевым, то получается следующая формулировка: «народная, антимоноархическая, антиимпериалистическая, мелкобуржуазная, антикапиталистическая революция». И в этом есть логика: традиционная мелкая буржуазия действительно не заинтересована в развитии современного капитализма, разрушающего традиционные структуры — основу ее экономического существования. И с этой точки зрения у нее были основания выступать против иранской монархии и империализма как проводников развития капитализма в стране. Более того, лозунг социальной справедливости созвучен настроению мелкого буржуа, который условия собственного существования считает средством социального освобождения всех и который (втайне лелея мечту разбогатеть) неприязненно относится к тем, кто богаче его. Конечно, из тысяч и тысяч мелких буржуа «омуто при удачном стечении обстоятельств удастся превратиться в крупного буржуа, но при этом его интересы перестают быть интересами мелкого буржуа. Теперь уже он сам начинает «давить» своих бывших «собратьев», вызывая тем самым их ненависть и социальную зависть одновременно.

Но у этой логики есть существенный нюанс, который был отмечен классиками марксизма еще полтора столетия назад: —«Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» [21, с 434]. Заметим, это было написано в 1848 г., когда средние сословия в Европе не слишком отличались от традиционных средних слоев современного Востока. Поэтому, если стоять на марксистских позициях (и позициях здравого смысла), нет оснований считать революционной борьбу традиционной мелкой буржуазии против современного капитализма (в различных его формах и проявлениях). Более того, она контрреволюционна, если рассматривать развитие капитализма как исторически революционный процесс на определенном этапе развития человеческой цивилизации.

В условиях Ирана борьба традиционных слоев сомкнулась с борьбой духовенства против монархии и капиталистической модернизации общества, в результате чего «верховная власть оказалась в руках возглавляемых аятоллой Хомейни шиитских религиозных деятелей. Господствующие установки в идеологии и политике стали формироваться на базе идеали-

стической и утопической концепции исламского государства, выдвинутой Хомейни и его последователями... Хомейнисты после прихода к власти стали умышленно истолковывать иранские события как религиозное, исламско-шиитское движение за установление в стране „божественной власти“. Подобное толкование стало базой для выдвижения не только утопической концепции исламского общества социальной справедливости, но и для осуществления исламизации и проведения курса на увековечивание доминирующих позиций шиитских улемов в управлении страной» [32, с. 251—252].

Описав ход событий после свержения монархии, С. М. Алиев делает вывод, что, «опираясь на доходы от экспорта нефти и газа... новые руководители Ирана теоретически в состоянии заложить основы новой, независимой экономической системы страны, создать базу для прогрессивного социально-экономического развития. Однако ввиду двойственности своей социальной ориентации, нерешенности вопроса собственности они не сумели разработать конструктивный план преобразования иранского хозяйства. Этому в огромной степени мешают также усиление антисоветизма и антикоммунизма, политика репрессий в отношении леводемократических сил, ужесточение курса на исламизацию всех сторон общественной жизни и другие реакционные меры, направленные на увековечение руководящей роли шиитского духовенства» [32, с. 275—276]. Но иранскому духовенству, чтобы отказаться от всей этой политики, надо перестать быть духовенством. Так что даже теоретически исламское руководство было не в состоянии «заложить основы» и «создать базу для прогрессивного развития».

• Прогнозируя будущее, С. М. Алиев пишет: «В целом же успех или неудача новых руководителей Ирана будет зависеть от того, удастся ли им преодолеть свои догматические представления и приступить к демократизации отношений собственности в интересах трудящихся классов» [32, с. 276]. Таким образом, все зависит от «доброй» воли «новых руководителей». Им, очевидно, никак не удастся преодолеть свои догматические представления. Но если это им удастся, они тут же «демократизируют», т. е. отменяют или по крайней мере ограничат, крупную частную собственность и начнут действовать в интересах трудящихся классов. Таков заключительный теоретический вывод книги.

В 1986 г. большую статью об иранской революции опубликовал А. З. Арабаджян [35, № 3, с. 32—36, 59; № 4, с. 19—22, 38]. Раскрывая причины событий в Иране, он пишет, что «революционный взрыв 1978—1979 годов явился исторически масштабным свидетельством результативности развития капитализма в этой стране в 60—70-е годы, свидетельством столь резкого обострения специфически капиталистических

противоречий (в условиях форсированной индустриализации и порожденных ею народнохозяйственных диспропорций), что 'они вкпе с действием ряда других факторов и привели к революционному взрыву» [35, № 3, с. 33].

Таким образом, главной причиной революции А. З. Арабаджян считает обострение специфически капиталистических противоречий. (Предоставляем читателю поразмышлять, какая революция способна разрешить эти противоречия, поскольку речь идет именно о революции, а не о других формах общественно-политических действий.)

В качестве других причин он называет «комплексный по своему содержанию фактор, выразившийся в преобразующем, угнетающем и разрушающем воздействии бурно развивающегося капитализма на мелкобуржуазный и докапиталистический уклады, или, иначе говоря, структуры», причем разрушающее и угнетающее воздействие преобладало над трансформирующим [35, № 3, с. 33].

Как бы возражая С. Л. Агаеву, он отмечает, что «революция 1978—1979 годов отнюдь не стала показателем пределов и возможностей капиталистического развития Ирана. И к концу революции иранский капитализм располагал большими потенциальными возможностями развития как вширь, так и вглубь» [35, № 3, с. 33].

Далее А. З. Арабаджян в качестве причин называет диктатуру монархии, принявшую крайние формы террора, ненависть и страх перед САВАК, который «как у отдельного индивида, так и определенных общественных групп постепенно отливается в потребность социального возмездия», превращение иранской экономики в объект неокOLONиальной эксплуатации, углубление неравномерности доходов, относительное обнищание трудящихся, «наглое и бесцеремонное расхищение имущими классами государственных средств», потерю доверия городских масс к монархическому государству и монарху [35, № 3, с. 33—34]. Таким образом, к революционному взрыву привел комплекс разнообразных как по содержанию, так и по степени их значимости причин.

Столь же сложной, комплексной представляется А. З. Арабаджяну и характеристика революции: она «имеет все основания сохранить за собой в истории такие политические характеристики, как антимонархическая и антиимпериалистическая: монархия была свергнута, а по позициям (политическим, экономическим, идеологическим) империализма, прежде всего американского, нанесены сильнейшие удары, затронувшие американские позиции на Ближнем Востоке.

По своим движущим силам революция была народной, ибо в ней принимали участие мелкая буржуазия (предпринимательская и служилая), часть интеллигенции и студенчества, городские низы и пролетариат, прежде всего фабрично-за-

водекой, сыгравший решающую (роль в «рушении монархии..

По задачам, которые объективно должна была решать революция, она являлась буржуазно-демократической: ее целью было добиться соблюдения буржуазных свобод, предусмотренных конституцией, обеспечить их общественно-политический и общественно-экономический аспекты (в первом случае речь идет о гарантии гражданских прав и свобод, во втором — об обеспечении юридических прав мелкого и среднего капитала, его защиты от внеэкономического произвола крупных предпринимателей, равно как и о создании государством благоприятных условий для его роста)» [35, № 3, с. 34].

В целом эта характеристика схожа по большинству параметров с характеристикой революции, данной С. Л. Агаевым (отсутствуют только тезисы об «антикапиталистических тенденциях» и «исламском характере»). Главное расхождение между А. З. Арабаджяном и другими исследователями заключается в том, что А. З. Арабаджян основной социально-экономической причиной революции считает резкое обострение «специфически капиталистических противоречий. И * в связи с этим возникает сомнение, способна ли буржуазно-демократическая революция разрешить буржуазные же, капиталистические противоречия.

Более того, по мнению А. З. Арабаджяна, «то обстоятельство, что на протяжении десятилетий грубо нарушались гражданские права и свободы, предусмотренные иранской конституцией, стало важнейшей социально-политической причиной революции. (Требование соблюдения конституционных свобод было постоянным и основным лозунгом всех сил, оппозиционных монархии.)» [35, № 3, с. 35]. Таким образом, А. З. Арабаджян подходит к понятиям «права и свободы» с абстрактно-гуманистических, а не конкретно-исторических позиций. Шах действительно поправил конституцию 1906 г., но он сделал это с целью подавить сопротивление полуфеодалных помещиков, духовенства и других консервативных элементов и осуществить ряд буржуазных реформ. В начале 60-х годов они использовали именно эту конституцию, чтобы парламентским, конституционным путем «топить» один за другим проекты земельной реформы, предлагаемой шахом. Под теми же лозунгами защиты конституционных прав и свобод выступили в то время против шаха левые и демократические силы. Их цели отличались от целей полуфеодалных помещиков и духовенства, но они *вместе* с реакционерами боролись против шаха, стремившегося с помощью буржуазных реформ вытащить страну из глубокого кризиса и экономической отсталости.

В конце 70-х годов левые и демократические силы требовали свободы и демократии ради свободы и демократии. Ду-

ховенству же «свобода» от шахской тирании нужна была для того, чтобы иметь возможность установить собственную тиранию. Мелкобуржуазные слои требовали свободы и демократии в качестве «защиты от внеэкономического произвола крупных предпринимателей», но, не обладая экономическими средствами борьбы с крупным капиталом, они способны были утвердить свои интересы только методами политического насилия, ведущего к диктатуре. Поэтому союз мелкобуржуазных слоев с духовенством отнюдь не был случайным.

Таким образом, требование прав и свобод *всеми* оппозиционными силами не может служить признаком революционности их борьбы. Все зависит от того, кто и с какой целью требует прав и свобод и имеются ли в обществе условия для их реализации. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и имеет решающее значение: при отсутствии объективных условий субъективные намерения тех или иных сил воплотить в жизнь принципы свободы и демократии, как правило, оборачиваются диктатурой. Например, большевики в России абсолютно искренне полагали, что борются за свободу и демократию, желали счастья и процветания своему народу. Что из этого получилось, мы хорошо знаем. И в этом не было злой воли ни Ленина, ни Сталина: объективные условия вынуждали их действовать так, а не иначе, что, конечно, не исключает и роли их личностей, человеческих качеств. Будь на месте Сталина другой человек, с другими моральными и иными принципами, вероятно, и диктатура была бы «мягче», не такой жестокой и кровавой (а возможно, и наоборот, еще более кровавой), но это была бы все равно диктатура, ибо при существовавшей в России социальной структуре общества и системе производственных отношений осуществить большевистскую модель можно было только методами политического насилия над этим обществом.

Возвращаясь к иранской революции, следует отметить, что А. З. Арабаджян борьбу за гражданские права и свободы кладет в основу ее характеристики как буржуазно-демократической, поскольку описание того, как попирались монархией экономические и политические права и свободы различных слоев иранского общества, он завершает словами: «Таким образом, создалось положение, свидетельствовавшее о нерешенности целой совокупности задач как надстроечного, так и базисного характера, которые обычно решаются в ходе буржуазно-демократической революции» [35, № 3, с. 35]. Выделим особо слово: «решаются». Но ведь в результате этой «революции» проблема гражданских прав и свобод (как экономических, так и политических) не была решена! Ее следствием было установление политического и экономического диктата духовенства, использовавшего Корпус стражей исламской революции и другие организации как орудие свое-

го политического насилия над обществом, а огромный (ж тому же еще более разросшийся при исламском режиме) госсектор — как средство жесткого регулирования, как рычаг вмешательства государства в экономические отношения. Таким образом, нет никаких свидетельств, что «иранская революция» *решила* задачи, «которые обычно решаются в ходе буржуазно-демократической революции». В этом случае или нет никаких оснований считать ее буржуазно-демократической, или следует признать, что, поскольку попытки определенных сил (требуется указание, каких именно) решить эти задачи имели место, но не реализовались, буржуазно-демократическая революция потерпела поражение.

И А. З. Арабаджа сделал шаг, точнее, полшага на пути к такому признанию. Отметив, что «гегемоном революции стало мусульманское духовенство», которое «не способно указать историческую перспективу: в своей деятельности оно руководствуется принципами, которые не только отжили свой век, но и во многом были утопичны даже для своего времени», он заключает, что «исторически перспективный вариант победы оказался поставленным в зависимость от того, сумеет ли какая-либо из политических партий либеральной буржуазии и левых сил или коалиция их (взять в конце концов на себя роль гегемона революции, оттеснив духовенство» [35, № 3, с. 35]. Возможность такого поворота событий давал приход к власти в начале 1979 г. правительства Ш. Бахтияра, программа которого способна была «удовлетворить все требования, предъявлявшиеся шаху» [35, № 3, с. 36]. «Воспользуясь либеральной буржуазия, левые силы 'предложениями Бахтияра и установили они буржуазно-демократический строй (скажем, в форме республики), духовенство оказалось бы не у дел как гегемон революции. Одновременно его давнишняя мечта — ликвидация светской власти и установление теократического правления — осталась бы неосуществленной» [35, № 3, с. 59].

Однако «массы пренебрегли Ш. Бахтияром и его программой», а «либеральная буржуазия не осмелилась ослушаться гегемона и даже сочла нужным доказать свою абсолютную лояльность духовенству, исключив Ш. Бахтияра из рядов Национального фронта за „ренегатство"» [35, № 3, с. 59]. Тем самым «исторически перспективный вариант победы» революции оказался отброшенным, и дальнейшее развитие событий пошло по другому варианту. По аналогии с «перспективным вариантом» его следовало бы назвать «бесперспективным вариантом» победы (!) революции (!). Но «бесперспективная победа революции» не есть ли ее поражение?

Пренебрегая Ш. Бахтияром и его программой «революция прошла свою кульминацию не 12 февраля 1979 года

(день, когда стала очевидна победа вооруженного восстания: 10—11 февраля, и в резиденцию премьера в качестве такового вошел М. Базарган). Она с точки зрения стоявших перед ней задач буржуазно-демократического характера прошла ее раньше, когда было отвергнуто правительство Ш. Бахтияра и предложенное им сотрудничество между всеми силами, стремившимися к восстановлению конституционных прав и свобод и демократическому развитию общества» [35, № 3, с. 59]. Признавая этот факт, А. З. Арабаджян, однако, не говорит, что буржуазно-демократическая революция потерпела поражение. По его мнению, с момента отказа от буржуазно-демократического варианта «в недрах все еще бурлившей (точнее было бы сказать — агонизировавшей.— Л. С.) революции начался процесс формирования „исламского режима", которому шиитские богословы дали название „исламская революция"» [35, № 3, с. 59].

А. З. Арабаджян высказывает предположение, что, «исследуя генезис и природу феномена, преподносимого шиитскими богословами страны как „исламская революция", и доискиваясь действительного содержания, сущности его, историки, вероятно, зададутся вопросом: не стоит ли за этим названием режим теократической диктатуры в его конкретном проявлении в виде диктатуры исламских религиозных деятелей, мало что имеющей общего с иранской революцией и, по существу, противостоящей ее идеалам?» [35, № 4, с. 19]. Его предположение оправдалось: историки (по крайней мере историк) действительно задались вопросом, но поставили его несколько иначе. Термин «исламская революция» был введен исламскими богословами *после* февральского восстания. Но они распространили его на *весь* период, называемый историками «иранской революцией». Были даже попытки отсчитывать начало «исламской революции» с июня 1963 г., когда по призыву Хомейни городские низы Тегерана и некоторых других городов подняли (кроваво подавленный) мятеж против шаха и намечаемых им реформ. «Исламский режим» богословы активно начали организационно оформлять *после* февральского восстания (первый его орган — Исламский революционный совет был создан немногим ранее — 13 января). Но *до* него чуть больше года они открыто боролись против шаха за то, чтобы иметь возможность этот режим оформить и установить теократическую диктатуру. И в связи с этим действительно возникает вопрос: а какое отношение к революции имеет эта борьба духовенства за установление собственной диктатуры? И не была ли «иранская революция» грандиозной мистификацией, созданной воображением советских историков?

А. З. Арабаджян отвечает на этот вопрос отрицательно. Описав, как исламские деятели после падения монархии

одерживали в политической борьбе одну победу за другой и «преуспевали в достижении поставленной ими цели, беря верх над своими политическими противниками, представленными как либеральной буржуазией, так и левыми силами»; как они сделали выбор в пользу того, чтобы, «маскируясь под защитников „обездоленных“, стать прислужниками крупного капитала», причем «отход от мелкобуржуазности в сторону капиталистических принципов ведения хозяйства становился условием сохранения власти духовенством, искусно совмещающим этот отход с мелкобуржуазной риторикой»; как «шиитские богословы, сплотив вокруг себя все слои мусульманского духовенства и выступив в качестве гегемона в революции, узурпировали в своих сословно-корпоративных целях достижения подлинно всенародной антимонархической и антиимпериалистической революции», А. З. Арабаджян приходит к заключительному выводу: «Революция 1978—1979 годов в Иране — это исторический факт; „исламский режим“, представляющий собой теократическую диктатуру с капиталистическим содержанием, занявшую место монархии Пехлеви, — тоже исторический факт; а вот „исламская революция“ — это всего лишь ярлык» [35, № 4, с. 20—22, 38].

Затронул А. З. Арабаджян и роль пролетариата в революции. По его мнению, «достигнутый уровень развития капитализма... и место, которое в канун революции занимал фабрично-заводской пролетариат в социальной структуре общества, создавали совокупность факторов^ формировавших объективную основу для вступления страны на путь подлинных прогрессивных преобразований, что обеспечило бы модус вивевди для мелкого производства, а затем и его постепенную социальную трансформацию». Но в ходе революции выявилось «глубокое несоответствие субъективного фактора объективному». Поэтому, несмотря на то что «решающий удар по монархии нанес своими забастовками рабочий класс, власть... оказалась в руках шиитских богословов». Вследствие этого «трудящиеся, и в первую очередь пролетариат, упустили уникальную возможность направить общественное движение страны в русло подлинно антиимпериалистического и демократического развития» [35, № 4, с. 38]. Если перевести это с эзопова языка, то утверждение А. З. Арабаджяна должно выглядеть следующим образом: уровень развития капитализма в Иране создавал объективные возможности для социалистической революции, но субъективно левые и пролетариат оказались к этому не готовы и упустили уникальную возможность. Вопрос только, согласится ли автор с таким переводом.

В 1989 г. был опубликован коллективный труд об иранской революции, подготовленный сектором Ирана Института востоковедения АН СССР с привлечением авторов и из дру-

гих научных учреждений [54]. Эта объемная работа, охватывающая период иранской истории 60—80-х годов, содержит большой и добротный фактологический материал об экономической и политической ситуации в стране до начала антишахского движения, о ходе этого движения и о событиях, развертывавшихся в Иране после свержения шахского режима. Теоретические обобщения и выводы этой работы изложены в написанном А. З. Арабаджяном «Заключении». Оно повторяет (с незначительными изменениями) рассмотренную выше статью, опубликованную в двух номерах журнала «Азия и Африка сегодня», что избавляет от необходимости приводить подробный анализ этой книги.

Было бы проявлением научной недобросовестности не подвергнуть критике и работы автора настоящих строк.

Первая статья Л. Е. Скларова появилась в открытой печати в 1983 г. [50, с. 197—218]. И хотя она была посвящена вопросу, прямо не связанному с борьбой против монархии в Иране, в ней употребляется термин «революция», есть утверждение, что «в ходе революции иранское духовенство во главе с Хомейни стало общепризнанным лидером и руководящей силой антишахского движения» [50, с. 197]. В заключительной части статьи Л. Е. Скларов утверждал, что «для исламских деятелей защита мелкобуржуазных интересов не являлась целью, а служила лишь средством привлечения на .свою сторону мелкобуржуазных масс в ходе антишахской революции и в процессе послереволюционной борьбы за обладание всей полнотой государственной власти ради удовлетворения своих собственных религиозно-корпоративных интересов. Когда же эта цель оказалась достигнутой, мелкобуржуазные лозунги исламских деятелей стали все больше предаваться забвению, а теократическая форма правления — наполняться откровенно буржуазным содержанием» [50, с. 217].

Таким образом, Л. Е. Скларов характеризовал революцию как антишахскую, но никак не аргументировал это определение.

В написанной им в соавторстве части главы коллективной монографии [55, с. 118—129], вышедшей из печати в 1988 г., термин «революция» в сюжете о событиях в Иране встречается лишь раз во вступительном абзаце, написанном соавтором [55, с. 118]. Л. Е. Скларов обошел спорный вопрос о характере событий в Иране в 1978—1979 гг., ограничившись нейтральным термином «свержение монархии», что свидетельствовало о его сомнениях относительно правомерности называть эти события революцией. Избегая каких-либо характеристик, Л. Е. Скларов полагал, что изложенный материал предоставит возможность читателю сделать соответствующие выводы.

В уже упоминавшемся коллективном труде об иранской революции Л. Е. Скляровым написаны две главы, охватывающие события с середины 1977 по февраль 1979 г., т. е. период антимонархической борьбы [54, с. 98—136]. В них появляется термин «революция», но его трактовка отличается от трактовки других авторов.

По его мнению, на первом этапе антишахской борьбы (с середины 1977 по август 1978 г.) инициатива в развертывании движения принадлежала буржуазии и умеренной части духовенства, которые «боролись за то, чтобы монархия соблюдала гражданские свободы, предусмотренные конституцией, и в этом смысле выступали за восстановление конституционной монархии, за свободу партийной деятельности. Выполнение их требований позволило бы им завоевать большинство в парламенте и создать правительство, не зависящее от шаха» [54, с. 100]. При этом организуемые духовенством «выступления мелкобуржуазных масс и городских низов, хотя и были внушительными и драматическими, самостоятельного значения не имели и были подчинены интересам оппозиционной буржуазии и умеренной части духовенства» [54, с. 101].

В этих условиях «радикальная» часть духовенства в августе 1978 г. выдвинула лозунг «Смерть шаху» и идею о создании исламской республики, что знаменовало собой второй этап антишахской борьбы. «Однако переход от борьбы за буржуазную конституционную монархию к борьбе за мелкобуржуазную по сути, теократическую по форме исламскую республику, означавшую стремление духовенства к установлению своей диктатуры, представлял собой шаг назад, а не вперед» [54, с. 101]. Заметим, что пока о революции речь не идет. Более того, вариант буржуазной конституционной монархии Л. Е. Скляров считает прогрессивнее варианта мелкобуржуазной теократической диктатуры, «а которую боролось духовенство».

Понятие «революция» появляется позднее, в том месте: работы, где автор описывает начавшееся осенью 1978 г. забастовочное движение пролетариата, т. е. третий этап антишахской борьбы. Л. Е. Скляров полагает, что «датой начала революции в Иране следует считать октябрь 1978 г., когда на арене политической борьбы появился рабочий класс. Именно в октябре 1978 г. революционная ситуация в Иране переросла в революцию» [54, с. 107].

Однако «левые организации не уделили внимания самостоятельной организации рабочего класса», тем самым «заявив о полной (НПИ) или частичной (ОПФИН и ОМИН) поддержке курса Хомейни, обрекли пролетариат на то, чтобы содействовать духовенству в утверждении его положения как гегемона антишахского движения и следовать за этим корпо-

ративным сословием, неспособным обеспечить иранскому обществу историческую перспективу» [54, с. 107].

Таким образом, Л. Е. Скляров механически перенес на иранскую почву классическое положение В. И. Ленина о революционной ситуации и перерастании ее в революцию тогда, когда на арене политической борьбы появляется революционный класс [8, с. 218—219]. По мнению Л. Е. Склярова, таким классом в Иране был только пролетариат, что и дало ему основание отсчитывать начало революции не с января 1978 г., а с октября 1978 г., т. е. с момента первой всеобщей забастовки пролетариата. При этом он считал, что революционность имманентно присуща пролетариату независимо от конкретных условий и от того, что иранский пролетариат объективно помогал духовенству в борьбе за диктатуру. Здесь явно проявилось влияние стереотипности мышления, догматическое применение некоторых положений марксизма-ленинизма.

Однако признание Л. Е. Скляровым факта начавшейся революции не означало, что он считает революционными всех участников антишахского движения: «Попытки духовенства опорочить забастовочную борьбу пролетариата, развязанная им кампания против левых, выражавшаяся, в частности, в подстрекательстве к разгону митингов и демонстраций левых и демократических сил и избиванию их участников, стремление к установлению собственной диктатуры и, наконец, готовность клерикальных кругов и связанной с ними буржуазии заключить сделку с промонархически настроенным генералитетом в надежде предотвратить дальнейшее развитие революционного движения — все это свидетельствовало о том, что духовенство и ведомые им мелкобуржуазные и деклассированные слои по существу встали на путь контрреволюции» [54, с. 128].

Буржуазные политические организации «полностью сомкнулись с хомейнистами и перешли на их позиции, а следовательно, тоже превратились в контрреволюционную силу... На позициях буржуазного реформизма остался только Ш. Бахтияр со своим правительством» [54, с. 129].

Следовательно, Л. Е. Скляров различал три течения в антишахском движении: революционное (пролетариат и левые), буржуазно-реформистское (буржуазия до ее перехода «а позиции хомейнистов, Ш. Бахтияр и его правительство), контрреволюционное (мелкобуржуазные и деклассированные слои, духовенство, часть буржуазии, примкнувшая к духовенству). В книге, однако, такого четкого деления антишахского движения на три течения Л. Е. Скляров не проводит. Более того, выделенные выше моменты вкраплены в общий текст изложения фактологического материала и читателем могут остаться не замеченными.

По логике, приход к власти (после победы февральского восстания) духовенства должен был означать поражение и левого и буржуазно-реформистского течения. Однако Л. Е. Скляр об этом не пишет, ограничиваясь констатацией факта победы февральского восстания, в котором инициативную и решающую роль сыграли левые вооруженные группировки федаев и моджахедов, увлекшие за собой (вопреки позиции духовенства) большие массы, главным образом молодежи, вооружавшейся в ходе восстания. Заключает свои главы Л. Е. Скляр следующей фразой: «Так политическая близорукость левых организаций, не увидевших за демагогией буржуазно-исламских деятелей их подлинных целей, сделала левых пособниками этих деятелей, расчистила им путь к власти» [54, с. 136].

Причина этих недомолвок' заключается в том, что автор вынужден был следовать концепции книги, выработанной авторским коллективом еще в 1983 г., когда начиналась работа над рукописью. Эта концепция рождалась в яростных опорах и дискуссиях по поводу характера событий в Иране. У многих авторов были свои точки зрения, зачастую противоположные, но в итоге они пришли к соглашению придерживаться с трудом достигнутого консенсуса ради того, чтобы книга все же увидела свет. При внимательном чтении разногласия между некоторыми авторами все же выявляются, ибо в рамках консенсуса каждый автор стремился если не прямо, то в подтексте провести свои идеи и взгляды.

В 1990 г. была опубликована еще одна статья Л. Е. Склярова [72, с. 223—256]. Читатель может обратить внимание на то, что хронологически изложение событий доведено в ней до 1983 г. Эта статья под названием «Иран: революция или контрреволюция?» была написана еще в 1983 г. для закрытого издания, но не была пропущена © печать. Лишь в 1986 г., когда подули ветры перемен, Л. Е. Скляр предложил ее в сборник статей, изменив название и переделав заключение, чтобы они соответствовали тематике сборника.

Главной причиной возникновения антишахского движения в статье названо противоречие между двумя разнотипными системами производства: «1) современного капиталистического производства, внутри которой господствовал государственно-монополистический капитал; 2) традиционного, сохраняющего некоторые докапиталистические черты, мелкотоварного производства, объединенного институтом базара» [72, с. 226]. При этом существовали и другие противоречия: внутри капиталистической системы — между различными видами и формами капитала, а также между буржуазией и пролетариатом; между различными традиционными слоями; в среде интеллигенции и внутри духовенства. Но все же главным, глубинным было противоречие между двумя системами произ-

водства, резко обострившееся в результате экономического кризиса середины 70-х годов. Это же противоречие лежало в основе позиций духовенства, которое «было тесно связано с торгово-ростовщическим капиталом» базара. К тому же «развитие капитализма и активное внедрение в общественно-политическую и культурную жизнь страны буржуазных норм и принципов постепенно разъедали исламские институты, ослабляли влияние духовенства в обществе», а «шахская политика подрыва позиций базара угрожала лишить духовенство последней основы его социально-духовной /власти над «верующим населением страны» [72, с. 229].

Таким образом, «социально-экономические причины (т. е. негативные для торгово-ростовщического капитала, традиционного мелкотоварного производства и духовенства последствия развития капитализма в его преимущественно государственно-монополистической форме), а отнюдь не морально-идейные и религиозные соображения послужили причиной того, что торгово-ростовщический капитал, мелкая буржуазия и духовенство выступили против монархии как проводника политики форсированного развития капитализма. Этими же соображениями диктовалась и их антиимпериалистическая позиция, поскольку именно с помощью западных стран монархии удалось создать систему капиталистического производства и обеспечить экономический прогресс страны. Однако антимонархические, антикапиталистические (в частности, антимонополистические) и антиимпериалистические устремления указанных выше сил отнюдь не носили прогрессивного характера. Эти устремления были направлены на то, чтобы сохранить и укрепить традиционные структуры, предотвратить их эрозию» [72, с. 229].

Антишахское движение в статье делится на уже упоминавшиеся три этапа. Но второй этап, когда в августе 1978 г. хомейнисты выдвинули лозунг «Смерть шаху», характеризуется бол(ге определенно: «Однако выдвижение лозунга свержения Монархии не означало начала революции. Переход от борьбы за буржуазную по содержанию конституционную монархию к борьбе за мелкобуржуазную по сути и теократическую по форме диктатуру духовенства означал дальнейшую эволюцию характера антимонархической борьбы в сторону усиления ее реакционности» [72, с. 236].

Присутствует в статье и тема пролетариата, вступление которого в борьбу осенью 1978 г. знаменовало начало революции. Но в ней итог революции дан более определенно по сравнению с другими работами: после победы февральского вооруженного восстания левые силы, «рассматривая блок буржуазных и религиозных лидеров антишахского движения в качестве руководящего органа коалиции всех революционных сил... позволили этому блоку взять в свои руки государ-

ственную власть в стране. В действительности, однако, это означало, что в антимонархическом движении верх «ад революционными силами взяли силы контрреволюции и реакции. Революционные силы потерпели поражение, что в свою очередь предопределило и поражение революции» [72, с. 241].

Таким образом, понятие революции <и контрреволюции Л. Е. Склярков выводил из противоборства левых и пролетариата, с одной стороны, духовенства (с примкнувшей к нему буржуазией) и традиционной мелкой буржуазии — с другой. Помимо этого, контрреволюционность второго блока сил определялась его борьбой против современной системы капиталистического производства. Конечно, оценка Л. Е. Склярковым роли пролетариата и левых сил в антишахском движении сильно идеологизировала, хотя эту роль отрицать нельзя. Впрочем, это легко утверждать с позиций сегодняшнего дня; в 1983 г. идеологические стереотипы превалировали в нашем сознании, что не могло не отражаться в научных трудах.

Глава 2

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Социальная и политическая революции

Определение характера событий в Иране в конце 70-х — 80-е годы диктует необходимость изложить некоторые аспекты теории революции с целью сопоставления, насколько практика политической борьбы в Иране в указанный период соответствовала теоретическим критериям революции.

Эта задача облегчена тем, что в 1975 г. Н. А. Симония провел исследование [71], в котором дал глубокий анализ работ классиков марксизма, посвященных разработке теории революции. В этом исследовании он ставил, в частности, задачу показать, каким образом революционная теория была искажена в период сталинизма и какое содержание классики марксизма вкладывали в понятие революции.

Большое внимание в работе Н. А. Симонии уделено вопросу различия между социальной и политической революциями. Смещение, объединение этих понятий затрудняло правильное понимание процессов, происходивших; в странах Востока. «Нельзя не заметить,— писал Н. А. Симония,— что вопрос о месте и роли национально-освободительных движений и революций во многих публикациях последнего времени трактуется главным образом в его политическом аспекте, т. е. в плане характеристики этих движений и революций как союзников мирового социализма в мировой антиимпериалистической борьбе. Анализу социальных революций на Востоке с точки зрения их места в общемировом формационном или общественно-экономическом процессе уделялось до последнего времени недостаточно внимания, а без этого невозможно, на наш взгляд, полная и адекватная трактовка и вышеуказанного политического аспекта проблемы» [71, с. 9].

В чем же заключается различие между социальной и политической революциями? Оно раскрывается в разработанной К. Марксом схеме смены формаций: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные,

необходимые, от их воли не зависящие отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис,, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение (курсив наш.— Л. С.)» [18, с. 6—7].

Анализируя формулировку К. Маркса, Н. А. Симония отмечал, что из нее «с очевидностью следует, во-первых, что эпоха социальной революции начинается не с политической революции, а с изменения в общественном базисе („экономической основе“) и лишь затем следуют надстроечные перевороты. Из этой же фразы следует и необходимость строгого различения базисных и надстроечных переворотов. Одним словом, ясно, что термином „социальная революция“ Маркс обозначал широкое, емкое понятие переворота в общественных отношениях или общественного переворота, охватывающего в закономерной последовательности как базисные, так и надстроечные изменения» [71, с. 19].

Эта трактовка Н. А. Симонии требует небольшой поправки. В понятие социальной революции он включает как базисные, так и надстроечные изменения. В указанной формулировке К. Маркс, требуя всегда отличать переворот в экономических условиях производства от идеологических форм разрешения конфликта, не употребляет термин «политическая революция». Но в другой работе он прямо указывает на различие социальной и политической революции как базисного и надстроечного Переворотов: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [19, с. 448].

Весьма интересна в этом отношении и мысль Ф. Энгельса: «...с середины прошлого века в Англии произошел переворот более значительный, чем в какой-либо другой стране, переворот, который имел тем большие последствия, чем бесшумнее он совершался, и который поэтому, по всей вероятности, скорее достигнет своей цели на практике, чем политическая революция во Франции или философская революция в Германии. В Англии происходит революция социальная и потому более всеобъемлющая и более глубокая, чем какая-либо другая... Только социальная революция и является той истинной революцией, в которую должны вылиться революции политическая и философская; и эта социальная революция в Англии совершается уже в течение семидесяти или восьмидесяти лет и именно теперь движется быстрыми шагами навстречу своему кризису» [23, с. 598]. Данное далее в работе описание хода социальной революции в Англии показывает, что Ф. Энгельс имел в виду только процессы в экономике.

Таким образом, социальная революция — это переворот в базисе, переворот в общественных производственных отношениях, разрушающих старое общество и создающих новое, происходящий помимо воли и сознания людей («бесшумно», по выражению Ф. Энгельса) в процессе их повседневной деятельности по воспроизводству своей жизни. Этот переворот по времени длителен и охватывает целую эпоху («эпоха социальной революции»).

Политическая революция — это «переворот во всей громадной надстройке», низвержение старой власти, т. е. осознанная борьба людей за разрешение назревших противоречий, осуществляемая в политических, юридических, философских, религиозных и других формах.

Социальная и политическая революции — явления различного порядка, я поэтому вряд ли корректно утверждать, как это делает Н. А. Симония, что социальная революция охватывает как базисные, так и надстроечные/изменения, т. е. включает и политическую революцию. Такое совмещение социальной и политической революций лишило бы смысла предупреждение К. Маркса о необходимости строгого различения переворота в базисе и переворота в надстройке. Было бы более точным говорить о том, что совокупность социальной революции (базисного переворота) и политической революции (надстроечного переворота) составляет формационный переход или, если позволено употребить необычный термин, формационную революцию.

Вопрос о разграничении социальной и политической революции имеет не только теоретическое или терминологическое, но и практическое значение. У этих двух видов революций различные функциональные возможности, и то, что

способна сделать одна, не может сделать другая. И прав Н. А. Симония в том, что «смещение социальной революции с политической приводит... к приписыванию последней несвойственных ей функций, преувеличению ее возможностей, что в конечном итоге приводит к искажению основ диалектического и исторического материалистического учения» [71, с. 16]. Разбирая в качестве типичного примера искажения марксистской теории революции работу Д. И. Чеснокова [79], используемую как учебник в вузах, Н. А. Симония показывает, каким образом «„социальная революция“ наделяется автором всеми характерными чертами политической революции, что в действительности должно послужить иной цели: путем отождествления и смещения социальной революции с политической автор наделяет последнюю силой и потенцией первой. И коль скоро это сделано, то политическая революция уже не нуждается в *предварительной подготовке базисных условий* социальной революцией. Она сама теперь всемогущая и действительно „творит чудо“: она ликвидирует старые производственные (т. е. не зависящие от воли людей) отношения и создает новые» [71, с. 19].

При всем различии между социальной и политической революциями они тесно взаимосвязаны. Без предварительного создания в ходе социальной революции необходимых условий для осуществления политической революции последняя вообще невозможна. Но и без осуществления политической революции на определенной стадии социальной революции затрудняется или становится невозможным дальнейшее развитие последней и завершение перехода от одной формации к другой. Подмена одного понятия другим, наделение политической революции функциями социальной создает иллюзию, будто политическую революцию можно осуществить на любом этапе социальной революции или даже в отсутствие таковой, что можно по усмотрению «революционеров» ликвидировать силовыми методами старые производственные отношения и «вводить» новые. Развал социалистического лагеря, кризис советского общества, экономические и политические трудности стран Востока, избравших путь «социалистической ориентации», трагедия Афганистана — вот неполный перечень того, к чему привел «политический волюнтаризм», проистекающий из игнорирования закономерностей теории революции.

Напрашивается образное сравнение различия и взаимосвязи социальной и политической революции с громом и молнией. Молния всегда вызывает гром. Гром и молния объединяются таким явлением, как гроза. Можно искусственно воссоздать звук, напоминающий гром, например, с помощью листа жести. Но сколько ни греми этим листом, гроза, увы, не разразится.

Механизм перехода от феодального к буржуазному обществу в Европе подробно описан классиками марксизма. Отметим лишь некоторые его моменты, важные для понимания сущности процессов, происходивших в Иране.

Социальная буржуазная революция начинается задолго до политической революции. Она берет начало с того момента, когда в феодальном обществе возникают буржуазные производственные отношения. До определенного времени они развиваются параллельно с существующими феодальными отношениями. Постепенно в обществе происходит все большее накопление массы производительных сил, действующих на основе новых производственных отношений. Развиваясь, эти отношения вынуждены разлагать старое общество и из продуктов этого разложения, т. е. из людского материала, высвобождаемого из старых, феодальных производственных связей, строить новую систему производственных связей, которая постепенно захватывает все большее экономическое пространство. Поскольку все это происходит в рамках общества, ограниченного определенными количественными параметрами, расширение экономического пространства буржуазных производственных отношений означает соответственное сокращение экономического пространства феодальных отношений, т. е. постепенное уничтожение феодального общества.

Этот процесс затрагивает интересы огромных масс людей. Во-первых, не все, высвобождаемые из старых производственных отношений, вовлекаются в сферу новых (классический пример — огораживания в Англии и выталкивание из производственной сферы большой массы крестьян). Во-вторых, кризис феодального общества лишает его устойчивости и стабильности, порождает у людей, все еще связанных с феодальными отношениями, психологический дискомфорт, неуверенность в завтрашнем дне, выбивает их из привычного жизненного уклада. Но и те, кто оказались вовлеченными в новые производственные отношения, не могут сразу психологически приспособиться к новому образу жизни, к тому же сравнительно быстро меняющемуся, непривычному, в котором опыт предыдущих поколений не может служить подспорьем и жизненным ориентиром.

Не в лучшем положении оказывается и предпринимательская часть субъектов новых производственных отношений. Во-первых, их деятельность не имеет никакой правовой защиты и гарантий. Фактически новые производственные отношения реально существуют и играют не последнюю роль в экономике страны, но юридически они находятся как бы вне закона. Во-вторых, политика государственной власти, структура этой власти, правовая система, господствующая в обществе идеология — все это призвано обслуживать именно

«феодалное общество, что не может не служить препятствием развитию новых производственных отношений. В-третьих, чем активнее идет процесс развития этих новых отношений, тем сильнее они «давят» на старые экономические структуры и тем отчаяннее оказывается сопротивление субъектов этих структур в их стремлении сохранить свою экономическую среду обитания.

В этих условиях всеобщей нестабильности общества, когда устои старого уже пошатнулись, а новое еще прочно не утвердилось, у различных кругов этого общества возникают сакраментальные вопросы «Что делать? Кто виноват?» Субъекты старых отношений обвиняют государственную власть, персонифицированную определенным режимом, как правило монархическим, в том, что она не способна защитить их интересы и навести «порядок», т. е. сохранить старые отношения. Субъектов же новых производственных отношений не удовлетворяет то, что старые власти ограничивают свободу их экономической деятельности. Государственная власть оказывается между молотом и наковальней: и ее старые противники, и ее новые противники одинаково недовольны ею и заинтересованы в ее замене, хотя и с противоположными целями.

В результате объективные экономические процессы приводят к тому, что люди начинают осознавать возникшие в обществе противоречия и стремятся найти пути их разрешения. Вот тогда и происходит политическая революция.

Обычно термин «революция» вызывает в сознании ряд привычных ассоциаций: штурм Бастилии, казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты, восстание коммунаров Парижа, баррикады на Красной Пресне в 1905 г., массовые волнения в феврале 1917 г., отречение Николая II и приход к власти Временного правительства, штурм Зимнего, низложение Временного правительства и торжественное провозглашение победы социалистической революции, о которой так долго говорили большевики. Иными словами, революция воспринимается главным образом как массовые насильственные действия, направленные на свержение старого режима и установление нового.

Такому восприятию способствует и заученное со школьной скамьи ленинское положение о том, что коренным вопросом любой революции является вопрос о власти [9, с. 145]. Показательно и то, как В. И. Ленин оценивал Февральскую революцию 1917 г.: «До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянско-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого*, нового, класса, именно: *буржуазии*.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена*» [14, с. 133].

Это написано В. И. Лениным в первой половине апреля 1917 г., спустя примерно месяц после отречения царя и прихода к власти Временного правительства. Еще не было проведено ни одного буржуазного мероприятия, не принято ни одного буржуазного закона. И тем не менее В. И. Ленин считает буржуазную революцию уже законченной. В этой работе он также трактует революцию как переход государственной власти от одного к другому -классу, причем из контекста явствует, что он ставит знак равенства между приходом к власти *класса* буржуазии и завоеванием государственной власти *узкой группой лиц*, составившей Временное правительство. Но это далеко не одно и то же. Класс завоевывает власть тогда, когда он становится экономически господствующим в обществе, когда государственная власть действует именно в его интересах, когда правовая система поставлена ему на службу, когда идеология этого класса превращается в господствующую идеологию общества. Ничего этого в апреле 1917 г. в России еще не было. Буржуазия не господствовала на всем экономическом пространстве. «Крепостнически-дворянско-помещичий» класс обладал еще значительными экономическими 'позициями в сельском хозяйстве. Он владел примерно 70 млн. десятин обрабатываемых земель, т. е. почти третью всех сельскохозяйственных угодий [1, с. 148]. Старая система права еще формально не была отменена, а на то, чтобы законодательно оформить буржуазную систему права, у новых властей не было ни времени, ни возможностей. За месяц невозможно было изменить идеологию общества. В. И. Ленин писал, что «оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами... Новое буржуазное правительство Львова и К° пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России... Помещичьего землевладения, этой материальной основы крепостнического царизма, оно не трогает» [5, с. 151—152]'.

Таким образом, спустя месяц после Февральской революции, когда В. И. Ленин писал эти строки, *класс* буржуазии еще не был у власти. У власти находилось Временное правительство, которому на практике еще предстояло *доказать*, что оно намерено проводить политику в интересах буржуазии, что оно способно осуществить совокупность мероприятий, в результате которых власть перешла бы к *классу* буржуазии. Иными словами, переход государственной власти

к Временному правительству, состоящему из лиц, 'Несомненно придерживавшихся буржуазных взглядов, означал лишь потенциальную возможность того, что при благоприятных обстоятельствах власть (в широком понимании этого слова) окажется в руках класса буржуазии, т. е. будут (Соблюдены все указанные выше условия.

Сомневаться в способностях Временного правительства заставляет хотя бы тот факт, что после правительственного кризиса в его состав вошли такие деятели, как Чернов, Чхеидзе, Церетели и другие, занимавшие явно мелкобуржуазные позиции. Да и сам премьер Керенский по убеждениям был больше мелкобуржуазным, чем буржуазным деятелем.

Нельзя не отметить и еще одну деталь: утверждение В. И. Ленина о том, что до Февральской революции власть была в руках *одного*, «крепостнически-дворянски-помещичьего» класса, является по меньшей мере упрощением. Эта власть уже тогда была поделена между двумя классами — помещиками и буржуазией (в каких пропорциях — это вопрос особый). Царское правительство (точнее, царский режим) /при всех симпатиях <к своему «родному» классу не могло игнорировать и интересы буржуазии, иными словами, было вынуждено лавировать между помещиками и буржуазией. Яркое тому подтверждение — деятельность Столыпина, сознательно проводившего реформы с целью ускорения развития капиталистических отношений, в частности в деревне. За месяц существования Временное правительство просто физически было неспособно сколько-нибудь серьезно изменить соотношение в разделении власти между двумя классами в масштабах столь огромной страны, хотя несомненно появление этого правительства создавало предпосылки (но пока еще только предпосылки) к тому, чтобы это соотношение начало меняться в пользу буржуазии. Однако этим предпосылкам не дано было реализоваться ввиду известных обстоятельств.

Вот этот знак равенства, который большевики ставили между приходом к власти класса и захватом государственной власти группой лиц, выступавшей от имени того или иного класса, сыграл роковую роль в судьбе нашей страны. Поскольку большевики, придерживавшиеся социалистической идеологии и выступавшие от имени пролетариата, захватили государственную власть в октябре 1917 г., постольку, по их логике, это означало свершение социалистической пролетарской революции. А раз революция осуществилась, то и все последующие действия новых властей должны были априори рассматриваться как социалистические. Такая логика давала им моральное право расправляться со всеми, кто был не согласен с действиями правящей верхушки, объявляя их врагами революции и социализма, что особенно проявилось

98,,

в годы сталинизма, хотя и не только в тот период. Такая логика оправдывала любые социально-экономические эксперименты большевиков над обществом, поскольку они проводились силами, совершившими социалистическую революцию, а значит, должны были рассматриваться как социалистические. И любая критика этих экспериментов воспринималась ими как антисоциалистическая со всеми вытекающими для критиков последствиями. Такой подход к пониманию революции создавал возможность для экономического, политического и социального произвола новой власти при игнорировании реальных, объективных процессов, происходящих в базисе.

Очевидно, что такое понимание революции расходилось с марксистской теорией, согласно которой главным в политической революции являлся не момент захвата власти, а переворот во всей надстройке, причем не такой переворот, при котором пришедшие к власти силы конструируют надстройку по собственному разумению и желанию, а переворот, приводящий надстройку в *соответствие* с изменениями в базисе.

Из этих рассуждений логически следует, что политическая революция начинается еще до активных действий по завоеванию власти, когда на политической сцене появляются личности, группы, организации и партии, которые разрабатывают и Стремятся внедрить в общественное сознание буржуазную идеологию (если речь идет о буржуазной политической революции), ставят целью борьбу за буржуазное преобразование общества. Появление буржуазной идеологии, даже если она охватывает пока лишь небольшую часть общественного сознания, уже свидетельствует о пусть и незначительном, но сдвиге в одном из элементов надстройки общества.

Более того, старая, феодальная власть практически во всех странах Европы и в России еще до своего падения была вынуждена проводить частичные, ограниченные буржуазные мероприятия и реформы, принимать те или иные законодательные акты буржуазного характера, т. е. пусть медленно, непоследовательно, но эволюционировала в сторону буржуазности. Так, в отношении российской монархии В. И. Ленин писал: «Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма" и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху" освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии» [7, с. 346].

Тем самым государственная власть сама способствовала изменениям в надстройке, т. е. содействовала развитию политической революции. Теоретически вполне допустимо, что

такое эволюционирование монархической власти в конечном счете может привести к полному преобразованию всей надстройки общества и превращению феодальной монархии в буржуазную. В этом случае буржуазная политическая революция осуществляется без насильственного свержения старого режима. В некоторых странах Востока, например в Кувейте, такая теоретическая возможность была реализована на практике. Условием такого развития событий является, во-первых, учет исторического опыта, во-вторых, особо благоприятное стечение многих обстоятельств.

Однако в большинстве случаев государственная власть, эволюционировала лишь до известных пределов (которые в конкретных странах определялись множеством экономических, политических, социальных, классовых, психологических и иных факторов, вплоть до таких мелочей по сравнению с этими факторами, как характер ближайшего окружения и личные качества государя, т. е. умен он был или глуп, обладал сильной волей или был безвольной куклой дворцовых интриганов, радел об интересах государства или заболел: об удовлетворении капризов своих любовниц, направляя всю силу ума на то, чтобы скрыть от августейшей супруги свои шалости). Естественно, в этом случае вставал вопрос о свержении старой власти для обеспечения дальнейшего развития политической революции (а в конечном счете — и социальной революции).

Как же соотносится борьба за свержение старой власти и утверждение новой с политической революцией? Идентичны ли эти два явления?

Исходя из исторического опыта, на эти вопросы можно, было бы ответить положительно. Ведь в большинстве случаев революции даже именуется по дате насильственных действий, направленных на свержение старой власти, приведших к успеху или закончившихся поражением: например, революции 1789 г., 1793 г. во Франции, 1848 г. в Германии. Зачастую в названии отражается даже месяц, когда эти события происходили: Июньская революция 1848 г. во Франции, Февральская и Октябрьская революции в России, Апрельская революция в Афганистане. По дате основных событий, связанных со свержением шахского режима, в советской историографии принято именовать и революцию в Иране: Иранская революция 1978—1979 гг.

Революции XVIII и XIX столетий в Европе особых сомнений не вызывают. С высоты нашего времени мы знаем, что все они (каждая по-своему) продвигали политическую революцию вперед, в определенной степени изменяя надстройку в сторону буржуазности, способствуя тем самым и более быстрой изменением в базисе, т. е. развитию социальной революции. Таким образом, эти революции обуславливали про-

гресс общества, служили «локомотивами истории». К тому же мы знаем и конечный результат — капиталистически преобразованная высококоразвитая Европа.

Но с «революциями» XX в. все обстоит сложнее. Уже по поводу Октябрьской революции у людей, хорошо знакомых с марксистской теорией, имелись разные точки зрения. Со временем споры вокруг Октябрьской революции не только не утихли, но и вспыхнули с новой силой в последнее время, в том числе и в среде советских марксистов. Действительно, с одной стороны, эта революция привела к коренному изменению надстройки по сравнению с периодом царизма и продвинула общество вперед. С другой стороны, несмотря на это, наша страна значительно отстает по многим экономическим, а главное, социальным показателям не только от стран развитого капитализма, но и от некоторых развивающихся стран, бывших в недавнем прошлом отсталыми. Конечно, можно возразить, что капитализм в Европе развивается почти 200 лет, а с момента Октябрьской революции прошло чуть больше 70. Но показателен в этом случае пример двух государств, у которых стартовые условия были абсолютно идентичны: бывшие Западная и Восточная Германии. В последней произошла «революция», и в ее результате была создана надстройка, типологически сходная, если не полностью повторяющая надстройку в нашей стране. Результат этого налицо: ГДР не только далеко отстала от ФРГ, но и потерпела полный крах. Другой пример — Апрельская революция в Афганистане, которая привела к ожесточенной гражданской войне, унесшей почти миллион человеческих жизней и отбросившей страну еще дальше назад. Определенную роль в этом, конечно, сыграло иностранное вмешательство, но первопричиной все же была «революция».

Возникает закономерный вопрос: чем же были эти «революции!» — «локомотивами истории» или ее тормозом, способствовали они развитию социальной и политической революций (т. е. приведению надстройки в соответствие с изменениями в базисе) или служили помехой? Ответ на этот вопрос кроется в особенностях (или закономерностях?) механизма смены власти.

Вспомним высказывание К. Маркса о необходимости отличать переворот в экономических условиях производства от идеологических форм, в которых люди *осознают* конфликт и борются за его разрешение. Но это осознание конфликта происходит на чисто субъективном уровне, а потому может быть относительно адекватным существующим реальностям, а может и значительно расходиться с ними. Точно так же и выбор путей и методов разрешения конфликта может широко варьироваться у различных групп, слоев, классов, быть верным или ошибочным.

В периоды общенационального кризиса, в переломные моменты истории государственная власть, как указывалось выше, оказывается между молотом и наковальней — недовольство ею выражают и ее старые приверженцы, и новые противники. И эти силы (состоящие, в свою очередь, из весьма разнородных социально-классовых элементов) участвуют в борьбе против конкретного режима власти или конкретных личностей, в которых они видят олицетворение этого режима. Эта борьба ведется ими против одного и того же «врага», но с противоположными или значительно отличающимися целями. Соотношение сил между этими двумя крупными блоками (как и внутри этих блоков) может значительно варьировать конечные результаты борьбы.

Борьба зачастую носит массовый, народный характер. Нам свойственно несколько фетишизировать понятие «народ», «массы». Но в эту категорию входят и мелкие буржуа различных оттенков, и разнородные слои крестьянства, и люмпенские элементы, и служилый люд, и учащиеся учебных заведений разных степеней, и пролетариат, который тоже не является монолитной массой, и т. д. Следовательно, народные массы — это очень сложный и противоречивый «лубок интересов, взглядов, предрассудков, амбиций, настроений, эгоистичных устремлений. Причем в силу жизненных условий, низкого образовательного уровня, слабого умения абстрактно мыслить эта категория общества наименее способна к адекватному осознанию сущности конфликта в научно-теоретическом плане. Но именно она, как правило, является главной ударной силой борьбы уже ввиду своей массовости.

Побудительным мотивом к участию в борьбе этого пестрого конгломерата людей служит их стремление к лучшей жизни. Но их понимание, какой должна быть эта жизнь, весьма различается. Одни тоскуют по старым добрым временам, по спокойной жизни, когда десятилетиями ничего не менялось, все было ясно и понятно; хотя сама жизнь была «мерзопакостной», однако эта была их привычная, патриархальная жизнь с «добрым» баринном или хозяином. Идеал других — отобрать собственность у тех, кто богаче, и разделить ее между собой. Третьи мечтают «из ничего стать всем». Для четвертых главное, чтобы никто не вмешивался в их жизнь, в том числе в экономическую деятельность. Пятые рассчитывают добиться справедливой оплаты своего труда и права распоряжаться его результатами. Шестые, давя утратившие способность и желание к труду, хотят и дальше ничего не делать, но получать большие деньги, считая, что другие должны с ними поделиться. Для седьмых достаточно самой возможности покуражиться, пошуметь, выплеснуть накопившуюся энергию и потешить свои дикие инстинкты, а там

хоть трава не расти. Все это разнообразие побудительных мотивов структурируется, группируется в зависимости от того, какое место в общественном производстве занимают те или иные слои людей, т. е. формируется в более или менее осознанные классовые или групповые интересы. Иными словами, происходит переплетение объективных, социально-классовых интересов с субъективными психологическими мотивами, поведенческими стереотипами людей.

Направляют и организуют пестрые, разношерстные силы обычно политические партии и организации, лидеры и идеологи которых в большей степени по сравнению с народными массами способны к теоретическому осмыслению назревших в обществе противоречий и к выработке практической программы действий. Это осмысление, как уже отмечалось, может в различной степени адекватности отражать объективные реальности. Вместе с тем в практической деятельности эти лидеры вынуждены руководствоваться не только собственными убеждениями и пониманием сущности общественного конфликта, но и учитывать поведение и настроение тех слоев и классов (или их сочетания), на которые они стремятся опереться и использовать в своей борьбе за власть. Поэтому политические лидеры стремятся выдвигать такие лозунги и платформы, которые были бы просты и понятны тем, кого они намерены вести за собой.

Учитывая множество указанных выше факторов, можно утверждать, что политическая борьба никогда не является прямым выражением базисных сдвигов. Она как бы отрывается от своей глубинной экономической подпочвы и развивается по собственной логике. Трудно представить, например, прекрасную женщину с обнаженной грудью, вдохновенным взором и решительным жестом зовущую народ на баррикады Парижа с лозунгом «Даешь капитализм!» Нет, ее знамя олицетворяло «Свободу! Равенство! Братство!» Из нашего далека мы понимаем, что эти лозунги тоже вылили воду на мельницу капитализма, трансформировавшись в «СВОБОДУ... частного предпринимательства», «РАВЕНСТВО... помещиков и буржуазии перед законом, исключаящим феодальный произвол». А лозунг БРАТСТВА был попросту отброшен историей как архитектурное излишество. Но ведь во времена Великой Французской революции эти лозунги звучали по-иному: свобода для ВСЕХ, равенство ВСЕХ, братство ВСЕХ со ВСЕМИ. Именно они вели за собой широкие массы на штурм монархической власти.

Если бы сапожнику Симону, сыгравшему роковую роль в трагической судьбе королевы Марии Антуанетты, можно было бы растолковать, к чему в итоге приведет Французская революция, что он потеряет свою сапожную мастерскую и превратится в придаток бездушной машины и его будут

нешадно эксплуатировать, Мария Антуанетта, в которой он видел средоточие зла, распутницу, транжирящую богатства Франции (часть которых, как он считал, по справедливости, конечно же, должна принадлежать ему и его собратьям по ремеслу, чтобы вытащить их наконец из нужды и обеспечить ту самую лучшую жизнь, о которой они мечтали), — эта по своему несчастная женщина была бы, вероятно, спасена. Да и Робеспьеру с Дантоном и Маратом было невдомек, что они борются не за светлое будущее обездоленных масс, а за торжество капитализма.

Чем дальше продвинулась социальная революция, чем глубже и определенной сдвиги в базисе, тем более строго очерчена сущность общественного конфликта и более явственны социально-классовые интересы противоборствующих сил. В этом случае и политическая борьба не так запутанна и противоречива, она в большей степени соответствует объективным экономическим процессам и сравнительно легко спрогнозировать, какое она окажет дальнейшее воздействие на развитие социальной и политической революций. И наоборот, чем на более раннем этапе развития социальной революции (когда еще не сформировались достаточные объективные предпосылки для политической революции) в силу тех или иных причин в обществе начинается развертываться борьба за смену режима власти, тем более неопределенна, случайна и непредсказуема игра политических сил, не подпираемая и не направляемая «снизу» объективными экономическими потребностями общества.

В Европе XVIII—XIX вв., где капитализм развивался «естественным» путем, где не было такого разнообразия всевозможных философских, идеологических, политических течений, как в нашем столетии, где не были так развиты средства массовой информации и коммуникации, которые можно использовать для организации больших масс народа и манипуляции их общественным сознанием, где не было таких совершенных средств вооруженной борьбы, обладая которыми даже небольшая группа людей может навязывать свою волю огромным массам, — там, в Европе, политическая борьба, направленная на смену режима, обычно проходила в более «чистых» формах с точки зрения ее сочетания с развитием политической революции, т. е. процесса приведения надстройки в соответствие с базисными изменениями. Если и были какие-либо отклонения типа, например, восстановления монархии во Франции или социального «экстремизма» Робеспьера, то они, в общем-то, сравнительно быстро преодолевались.

В новейшее время ситуация на Востоке по сравнению с той Европой чрезвычайно усложнилась. Процесс развития стран Востока уже не является «естественным»: на него оказывает мощное влияние внешний фактор. Здесь происходит

подчас причудливое переплетение средневековья с последними достижениями западной цивилизации; воздействие на национальное сознание как национально-самобытных, так и буржуазных, социалистических и иных заимствованных извне философских и идеологических систем; вследствие общего ускорения развития стран Востока за счет внешнего воздействия базисные изменения во многих странах носят фрагментарный, неустойчивый, характер; социально-классовая структура размыта и неопределенна в силу большой пестроты составляющих ее элементов.

Сложность и противоречивость факторов, влияющих на ход политической борьбы, колебания в соотношении сил борющихся группировок могут привести (и неоднократно приводили) к власти политиков (как правило, лидеров формальных и неформальных организаций и партий), идеологические, политические, экономические взгляды, программы и платформы которых находятся в противоречии (причем глубина этого противоречия может варьироваться в широком диапазоне) с объективным ходом социальной революции, а следовательно, и с необходимым направлением развития политической революции, т. е. несоответствие надстройки базису не только сохраняется, но и может быть усугублено. Более того, политика пришедших к власти сил вследствие множества противоречивых приводящих обстоятельств в большинстве случаев попросту непредсказуема и может меняться в очень широких пределах. Иногда требуются годы и даже десятилетия, пока эта политика примет определенный характер, а анализ действий правящих сил даст наконец возможность определить существо нового режима. Показателен пример Ирака, где в 1958 г. произошла революция, свергшая королевский режим, где новые власти провозгласили курс на строительство социализма, от которого впоследствии все более и более отходили и в итоге пришли к политике международного разбоя, в течение последних 10 лет развязав две кровопролитные войны, поставившие страну на грань политической и экономической катастрофы и создавшие угрозу не только безопасности региона Персидского залива, но и интересам многих стран мира, зависящих от поставок ближневосточной нефти.

Ввиду непредсказуемости результатов борьбы за смену власти следует весьма осторожно подходить к ее оценке как революции, даже если по форме эта борьба внешне имеет большое сходство с революциями прошлого. Для обозначения таких событий больше подходит термин *политический переворот*. В сущности, и в европейских революциях момент смены власти не был равнозначен политической революции, поскольку формирование новой надстройки, которое началось еще до смены режима, требовало определенного време-

ни (иногда значительного) *после* прихода к власти новых сил. И в Европе момент смены власти представлял собой политический переворот. И для того, чтобы окончательно сформировалась буржуазная надстройка, в большинстве европейских стран потребовался не один, а несколько политических переворотов, каждый из которых вносил свою лепту в преобразование надстройки, т. е. в ход политической революции.

Но в Европе эти политические перевороты органично влились в общую ткань политической революции, шаг за шагом продвигая ее вперед, являлись одним из ее элементов. Поэтому нет большой ошибки в том, что за этими политическими переворотами закрепился термин «революция». К тому же историческая традиция—это историческая традиция, а исторические события—это *не* город или улица, которые можно постоянно переименовывать.

Конечно, случается так, что расстановка сил, характер их устремлений и политический курс после завоевания власти настолько очевидны, что нет никакого сомнения в неправомочности именовать события революцией, даже если при этом и применялись методы и формы борьбы, лишь сходные с революционными. Но во многих случаях в нашем усложнившемся XX веке только время позволяет определить, явился ли политический переворот составной частью политической революции, ускорив ее развитие, или так и остался на уровне переворота, замедлившего или даже приостановившего политическую революцию.

* * #

Таким образом, революционный процесс включает минимум три компонента;

— социальную революцию, понимаемую как переворот в базисе, как процесс изменения производственных отношений, приводящий к смене формации;

— политическую революцию, представляющую собой изменения в надстройке, приводящие ее в соответствие с базисными изменениями. И не любые изменения в надстройке революционны, а лишь те, которые способствуют развитию социальной революции;

— политический переворот, знаменующий собой смену политической власти. Этот переворот революционен лишь в том случае, если пришедшие к власти силы осуществляют такие изменения в надстройке, которые ведут к развитию политической революции.

Закономерности социальной революции на Востоке

Как известно, капитализм как новая общественная формация возник на Западе и лишь затем начал распростра-

няться на Востоке. Зарождение капитализма в странах Востока не было результатом саморазвития общества, как в Европе, а явилось следствием воздействия более прогрессивных производственных отношений западных стран на отсталые восточные общественно-экономические структуры. Это обусловило своеобразие перехода стран Востока (в которых этот переход имел место) от феодализма к капитализму.

Первоначально Запад был заинтересован в странах Востока как источниках сельскохозяйственного сырья и рынках сбыта потребительских товаров. Соответственно этому происходили и изменения в базисе восточных стран. Во-первых, товаризации подвергалась не вся продукция сельского хозяйства, а лишь некоторые ее виды; во-вторых, буржуазные отношения охватывали не весь цикл общественного воспроизводства, а только сферы поставок сырья на мировой капиталистический рынок и сбыта западных товаров в странах Востока. Таким образом, часть базиса восточных стран (далее— для краткости — называемых периферией) оказалась как бы составной частью системы капиталистического производства стран Запада (далее — метрополии): производимое на периферии сырье вливалось в общий сырьевой поток метрополии, в метрополии это сырье подвергалось переработке, произведенная продукция частично потреблялась в самой метрополии, частично — на периферии, т. е. осуществлялся полный цикл капиталистического воспроизводства. При этом на периферии размещались лишь начальная (производство сырья) и конечная (сбыт готовой продукции) фазы этого цикла. Главная фаза (производство товара) осуществлялась в метрополии.

При такой системе не происходило (и не могло происходить) буржуазной трансформации всего экономического пространства периферии. Для метрополии было безразлично, какими способами и методами производится сырье на **периферии** и происходит потребление готовой продукции. Яркий пример— производство сырья рабовладельческим способом на американском Юге, который являлся периферией по отношению к метрополии Северу. На восточной периферии производство сырья осуществлялось феодальным способом.

В этом заключается главная особенность развития капитализма на Востоке по сравнению с Западом: на Западе условием развития капитализма являлось полное разрушение феодального общества, на Востоке буржуазные отношения в сфере поставок сырья в метрополию и сбыта товаров метрополии на периферии вполне уживались с феодальными, отношениями в остальных сферах общественного производства. Более того, метрополия была заинтересована в сохранении этих феодальных отношений на периферии, поскольку распространение буржуазных отношений на все ее экономиче-

ское пространство (т. е. создание иа периферии полного цикла капиталистического воспроизводства) означало бы переключение сырьевых потоков на переработку внутри периферии ,и насыщение ее рынка промышленными товарами местного производства. Тем самым периферия была бы потеряна для метрополии как источник сырья и рынок сбыта.

Одновременно с зарождением *та* периферии буржуазных товарно-денежных отношений появилась ,и торговая буржуазия. При этом следует отличать торговую буржуазию, участвующую в процессе капиталистического воспроизводства периферии и метрополии, от торговцев-купцов, которые существовали на Востоке издавна (осуществляя обмен излишками продукции не только в пределах стран Востока, но и выходя на внешний, в том числе западный, рынок) и обслуживали потребности феодального общества. Различие между торговой буржуазией и купечеством можно провести лишь логически, поскольку в реальной жизни одно лицо могло осуществлять сделки обоих видов. Более того, зачастую феодальный землевладелец являлся и буржуазным торговцем, поставляя для западной промышленности сырье, полученное в результате эксплуатации крестьян феодальным (способом, и «а вырученные от продажи сырья деньги закупа западные промышленные товары и реализуя их на внутреннем рынке. Одновременно он же -мог заниматься и купеческой торговлей.

Таким образом, с течением времени в странах Востока образовался особый слой торговой буржуазии, который контролировал не только экспортно-импортные операции между периферией и метрополией, НО и товарный обмен продукцией, произведенной в пределах периферии. Постепенно в зависимости от торгового капитала оказались ремесленники и мелкие лавочники. Через торговую буржуазию, как правило, сбывались на рынке и излишки продукции крестьянских хозяйств.

Вся совокупность разнородных товарно-денежных отношений составила экономическую структуру, называемую «базаром», в которой главенствующую роль играл торговый (торгово-ростовщический) капитал, подчинивший экспортно-импортную сферу, ремесленное производство, мелкорозничную торговлю. Это не означало, что полностью исчезли купцы, формально независимые ремесленники и мелкие лавочники. Но они уже не играли сколько-нибудь существенной роли в общественном воспроизводстве, поскольку структурообразующим элементом служил именно торгово-ростовщический капитал.

/ Система хозяйства, в основе которой лежал вывоз сырья /и ввоз потребительских товаров, получила в советском востоковедении наименование колониальной экономики². Полити-

чески ей соответствовала колониальная форма правления. Однако такое определение мало что говорит о социальном характере общества, находящемся в колониальной зависимости. Поэтому характеристику восточных стран как колониальных (или полуколониальных, если они при фактически колониальной экономике сохранили формальный политический суверенитет) необходимо дополнить социальной характеристикой общества как общества полуфеодального (причем феодальная «половина» подразумевает наличие второй «половины» — буржуазной, поэтому более точной была бы характеристика этого общества как полуфеодального-полубуржуазного).

Первая «половина» характеризовала отношения внутри Периферии, т. е. отношения между землевладельцами и крестьянами, а также положение ремесленников и мелких торговцев. Вторая «половина» характеризовала отношения между периферией и метрополией.

При колониальном характере экономики на периферии не было экономической необходимости в создании промышленного производства и в промышленной буржуазии, так как они уже были — в метрополии. Не существовало также экономической потребности в пролетариате, поскольку он уже был — в метрополии. Следовательно, развитие капитализма на Востоке в колониальный период происходило в своеобразной, «усеченной» форме, которую можно охарактеризовать как торговый капитализм.

Обе «половинки» восточного общества — феодальная и буржуазная — существовали не изолированно друг от друга, а составляли целостный механизм общественного воспроизводства. При этом роль, связующую эти «половинки» воедино, играл торгово-ростовщический капитал, что обуславливало его экономическое господство в обществе.

В советской востоковедной науке отношение к колониализму всегда было отрицательное. И если рассматривать колониализм как явление, изолированное от формационного развития планетарной цивилизации, то для этого есть все основания. Действительно, колонизация, как правило, осуществлялась жестокими, насильственными методами, на начальном этапе происходило прямое ограбление колоний, им навязывались неравноправные договоры, они олуговывались долговой кабалой и т. п. Но существует и другой аспект колониализма, который классики марксизма оценивали как цивилизаторскую роль капитализма [21, с. 428].

Переход от феодализма к капитализму в рамках одной страны всегда рассматривался как явление прогрессивное и революционное. В западных странах этот процесс не был гладким и безболезненным. В большинстве случаев он сопровождался насилием, кровью, войнами (как внутренними,

так и внешними), разрушением привычного уклада жизни огромных масс людей. И тем не менее это и не лишало его прогрессивного значения. Увы, история не нашла других путей достижения прогресса. И не исключено, что других, более «человечных» путей и не было.

Но, проблема перехода от феодализма к капитализму существует не только в рамках страны, но и в рамках более широких географических образований — крупных регионов, континентов, наконец, всего земного шара. Существует, по-видимому, закономерность, в соответствии с которой новые, более прогрессивные производственные отношения, зародившись в результате совпадения целого ряда условий и обстоятельств вначале в одной «точке» планеты, стремятся затем распространиться на обширные территории, и единственными границами этого распространения служат естественные препятствия, не преодолимые на данный момент существующими средствами коммуникаций. Так, переход от первобытнообщинной формации к феодализму (в его различных модификациях) охватил весь Евразийский континент, в значительной степени затронул близлежащую, Северную Африку, слабее — Центральную и Южную Африку и совсем слабо — практически недоступные в то время для евразийцев Америку и Австралию.

Так же и капитализм, зародившись преимущественно в северной части Европы, не мог ограничиться только европейскими рамками и довольно быстро перешагнул на все континенты, в том числе в Азию. В Северной Америке, и Австралии колонисты столкнулись с таким, низким уровнем формационного развития местного населения (соответственно индейцев и аборигенов, занимавшихся, преимущественно собирательским хозяйством), что оно попросту не могло быть втянуто в буржуазные отношения. Поэтому там капитализм формировался за счет переноса на новые территории не только буржуазных отношений, но и людского материала из Европы. Капитализм в Северной Америке и Австралии развивался как бы с нуля, ему не пришлось преодолевать сопротивление устаревшего Общества (которого попросту не было), преобразовывать его на буржуазный лад. В результате на этих континентах происходила репликация европейских буржуазных структур. Коренное же население было отброшено на обочину исторического прогресса и обречено на деградацию и вымирание.

В Латинской Америке картина была уже несколько иной. Там основной колонизатор — феодальная Испания к началу развития капитализма успела насадить элементы феодальных отношений (и частично рабовладельческих). К тому же разрыв между экономической организацией местного населения и испанским феодализмом был не так глубок, /как меж-

ду примитивной организацией североамериканских индейцев и буржуазными отношениями, привнесенными на континент европейцами. Поэтому в Латинской Америке оказалось возможным феодализировать и часть местного населения, постепенно ассимилировавшегося с пришельцами. Однако феодализм в Латинской Америке не успел пустить глубокие корни и создать устойчивые феодальные экономические структуры, которые начавшееся капиталистическое развитие взломало и трансформировало относительно быстро и легко.

Свои особенности имела колонизация Африки. При этом существовали резкие различия между ее северной частью, феодализированной арабами, и центральными и южными районами, находившимися на различных стадиях перехода от первобытнообщинного к феодальному строю. Здесь нельзя было реализовать североамериканский вариант ввиду, во-первых, значительно большей плотности местного населения (а значит, и невозможности его вытеснения с больших территорий или физического истребления), во-вторых, непривычности для европейцев климатических условий, что сдерживало возможности их массовой иммиграции и создания жизнеспособного чисто «белого» общества. Попытка в ограниченных масштабах осуществить этот вариант на юге Африки хотя и имела временные успехи, в целом не удалась. Невозможен был в этих районах Африки и латиноамериканский вариант, поскольку они предварительно не были феодализированы, а резкие расовые различия между коренным населением и европейскими пришельцами служили препятствием для сколько-нибудь существенной их ассимиляции. К тому же к моменту проникновения в эти районы буржуазных отношений между ними и экономической организацией местного населения сохранялся значительный разрыв, что чрезвычайно осложняло возможности буржуазной трансформации африканских обществ. В результате Капитализация Африки резко отставала от капитализации Латинской Америки, тем более от капитализации Северной Америки и Австралии.

В Азии ситуация была, с одной стороны, проще, поскольку между капиталистической Европой и феодальным Востоком не было резкого разрыва в уровне формационного развития, с другой стороны, сложнее, так как феодальные отношения на Востоке сложились в имеющую глубокие корни и традиции систему, которая, как и любая устойчивая система, стремилась к самовоспроизводству и сопротивлялась воздействиям извне. Колониализм на Востоке и являлся тем инструментом, которому предстояло взломать эти столетиями складывавшиеся и совершенствовавшиеся структуры, заразить их капиталистическим «вирусом», который постепенно разложил бы их и привел к перестройке всего экономического и политического организма. Иными словами, колониализм

более высокоразвитой Европы нес прогрессивную функцию по отношению к менее развитому феодальному Востоку, служил закономерной и необходимой ступенью на пути выравнивания формационного различия между ними (как, впрочем, и другими частями земного шара), причем этот путь еще далеко не завершен, а кое-где находится в самом начале.

. Закон смены общественно-экономических формаций потому и является законом, что действует не в локальных географических рамках, а в глобальном, планетарном масштабе. В связи с этим беспочвен спор между европоцентристами и сторонниками цивилизационных особенностей развития Востока, сомневающих в неизбежности его развития по капиталистическому образцу в формировании однотипного с европейским буржуазного общества. Капитализм, колыбелью* для которого стала Европа, не мог постоянно находиться в колыбели и, выйдя из младенческого возраста, неизбежно должен был завоевать (и завоевывал) обширные территории, тем более что при совершенствовавшихся средствах коммуникаций на земном шаре уже не существовало естественных препятствий, которые он не мог бы преодолеть, как это было с распространением феодализма.

Не следует представлять, будто метрополия сознательно преследовала цель прогрессивной трансформации периферии. Она действовала, исходя из собственных экономических потребностей. Однако, как отмечали классики марксизма, развитие производственных отношений носит объективный характер, т. е. не зависит от воли и сознания людей, партий, классов. Метрополия, решая собственные проблемы, приспособляя экономические структуры периферии к своим нуждам, тем самым бессознательно способствовала прогрессивным изменениям в базисе периферии.

Выше уже указывалось, что метрополия была незаинтересована в промышленном развитии периферии, стремилась сохранить колонии как источники сырья и рынки сбыта **потребительских** товаров, в результате чего экономика колоний представляла собой своеобразный гибрид буржуазных отношений с феодальными. Это послужило основанием для возникновения в советском востоковедении теории, согласно которой колониализм препятствовал развитию капитализма на периферии. Однако это утверждение носило скорее пропагандистский, нежели строго научный характер, хотя в истории колониального развития можно привести массу примеров, якобы его подтверждающих³.

Основное возражение сторонникам этой теории заключается в том, что в условиях изоляции феодального Востока от капиталистической Европы либо вообще было невозможно самопроизвольное зарождение буржуазных отношений, либо этот процесс оказался бы растянутым на многие десятилетия.,

если не на века, поскольку в доколониальную эпоху на Востоке не существовало условий, которые бы вызвали объективную необходимость зарождения буржуазных отношений, и не было никаких признаков того, что эти условия появятся в обозримом будущем.

Впрочем, и в Европе буржуазные отношения возникли не как следствие развития феодального общества, а в результате «внешнего» воздействия: их зарождение обусловили великие географические открытия. Ринувшиеся во вновь открытые страны искатели приключений, авантюристы, разорившиеся дворяне и т. п., разбогатевшие там правдами и чаще неправдами, возвращаясь на родину, не могли реализовать свое богатство, поскольку все экономические ниши уже были в феодальном обществе заняты. Они не могли купить землю с крестьянами, поскольку купли-продажи земли не существовало, к тому же, чтобы быть землевладельцем, необходимо было обладать дворянским титулом. Они не могли внедриться в ремесленное производство, так как оно представляло собой замкнутую цеховую организацию, отторгавшую «чужаков». Купеческие гильдии с их строгим уставом также ревниво охраняли свои ряды.

В этих условиях единственной сферой приложения приобретенного богатства являлась торговля с заморскими странами как новый вид деятельности, еще не регламентированный уставами, рамками или обычным правом феодального общества. Однако для торговли необходим был товар, и получить его можно было путем превращения побочного домашнего промысла крестьян в постоянное занятие, дающее товарную продукцию⁴. Как происходил этот процесс создания рассеянной мануфактуры и ее перерастания через ряд этапов в машинное промышленное производство — достаточно подробно описано классиками марксизма. Таким образом, возникновение буржуазных отношений в Европе было продиктовано экономической необходимостью «пристроить» капиталы, «нажитые» в результате «освоения» заморских стран. (Восток в данном случае относится также к заморским странам, ибо более удобный путь к нему вел не сухопутными маршрутами через границы десятков государств, а по морю.)

В отличие от Европы страны Востока не испытали подобного «внешнего» импульса, который породил бы в них экономическую потребность в ином, нежели феодальный, типе производственных отношений. К тому же европейский город с его относительно автономным статусом предоставлял большую свободу деятельности новым предпринимателям по сравнению с восточной деспотией, при которой государство определяло всё и вся. Более того, самым условием появления буржуазных отношений в Европе была эксплуатация ею, а затем и (колонизация Азии, Африки, Америки и Австралии).

Уже ввиду этого на Востоке не могло происходить самостоятельного развития капитализма вне связи с Европой.

В целом утверждение, что капитализм зародился в Европе, не совсем точное. У него было два родителя — Европа-мать и Восток-отец. Но роли у них в этом процессе были разные: Европа играла главенствующую, Восток — подчиненную. Поэтому и развитие капитализма в Европе и на Востоке не могло происходить одинаково. В то время, когда капитализм в Европе относительно быстро перешел от мануфактурной к фабрично-заводской — индустриальной стадии, Восток «застрял» на колониальной — «а стадии торгового капитализма, поскольку самим генетическим кодом развития капитализма как мирового явления ему была отведена роль поставщика сырья и потребителя готовых товаров.

И тем не менее именно в колониальный период складывались предпосылки и условия для перехода стран Востока к индустриальной стадии. Товарно-денежные отношения, возникнув вначале в сфере экспортно-импортных операций, постепенно распространялись на все большее экономическое пространство. Система поземелиного налога из натуральной формы стала превращаться в денежную, которая «была своеобразным прессом по выжиманию сырья из крестьянского хозяйства. И денежная форма этого налога и его размеры, непильные при возделывании обычных продовольственных культур, принуждали крестьян переходить к „коммерческим культурам“... которые давали относительно большую денежную выручку с единицы площади. Дополнительным гарантом сырьевой специализации крестьянского хозяйства становится торгово-ростовщический капитал, который, захватив сбыт сырья и снабжение продовольствием его производителей, связывал их долгами» [42, с. 85—86].

Концентрация в одних районах производства сельскохозяйственного сырья для экспорта влекла за собой концентрацию производства продовольствия в других районах для обеспечения им производителей сырья. Увеличивалась потребность в орудиях, необходимых для массового производства технических культур. Все это вело к развитию специализации сельского хозяйства и отдельных видов ремесленного промысла, их товаризации и постепенному складыванию элементов внутреннего рынка. Тем самым размывался натуральный характер сельского хозяйства.

Возникло и еще одно весьма важное явление. Если раньше крестьянин был вынужден отдавать прибавочный продукт «своему» землевладельцу, чтобы взамен получить необходимый посевной материал, тягловый скот, инвентарь, то с развитием товарно-денежных отношений и возникновением рынка у него появился другой канал: он уже мог самостоятельно выходить на рынок для реализации прибавочного продукта

и приобретения всего необходимого для сельскохозяйственного производства. Феодал-землевладелец постепенно становился лишней фигурой в процессе воспроизводства в деревне, и создавались предпосылки для его исключения из этого процесса и перехода от феодальных к буржуазным отношениям в деревне (что обычно осуществлялось в ходе аграрной реформы).

По мере развития капитализма на Западе, перехода к новым технологиям спрос на сельскохозяйственное сырье уменьшался, а на минеральное (в частности, нефть) увеличивался. В результате на территории периферии метрополии создавала крупные горнорудные и нефтдобывающие производства, а также производства по первичной переработке минерального сырья с целью сделать более удобной и выгодной его транспортировку. Производство, экспорт сырья и импорт готовых товаров, в свою очередь, диктовали развитие некоторых инфраструктурных отраслей: транспорта, связи, энергетики и т. п. Уменьшение потребности метрополии в сельскохозяйственном сырье и возникновение его избытка на внутреннем рынке периферии обусловили появление на периферии национальных отраслей пищевой и легкой (главным образом текстильной) промышленности, базирующихся на этом сырье. Экспортно-импортные операции, расширение товарно-денежных отношений на внутреннем рынке сопровождались созданием финансово-банковской системы.

Все это подготавливало предварительные условия для перехода от стадии торгового капитализма к индустриальной. Не хватало лишь главного элемента — создания на территории периферии отраслей обрабатывающей промышленности, которые замкнули бы цикл капиталистического воспроизводства. Но для создания этих отраслей необходимы были особые условия, которые вызвали бы экономическую необходимость развития промышленности на периферии. Поскольку таких условий не существовало в пределах периферии, необходимым был «толчок» извне.

Для большинства стран Востока таким «толчком» послужила вторая мировая война, которая прервала устоявшиеся связи между метрополией и периферией. В результате колониальная экономика испытала сильнейшие потрясения, периферия понесла огромные убытки, что не могло не сказаться на состоянии всего хозяйства восточных стран. Именно это и вызвало экономическую необходимость объединить в национальных границах стран Востока все компоненты общественного воспроизводства и не зависеть более от метрополии. На политическом уровне решение этой объективной задачи вылилось в национально-освободительную борьбу, поскольку без слома системы колониального правления осуществить ее было крайне трудно, если не невозможно.

Конечно, не случись мировой войны, «внешним толчком» послужило бы другое. Но возможен был и вариант, при котором постепенное количественное накопление буржуазных отношений в конечном счете привело бы к качественному скачку — к переходу на индустриальную стадию развития капитализма на периферии.

Национально-освободительное движение на Востоке, в глубинной основе которого лежала объективная необходимость перехода к индустриальной стадии развития капитализма, в политическом плане оказалось сложным переплетением буржуазного национализма, популизма, разнообразных оттенков социализма, идей «третьего пути» — не капиталистического и не социалистического, исламских идейно-политических течений и т. л. От того, какая группировка из этого пестрого идейного конгломерата возьмет верх, во многом зависела и дальнейшая судьба конкретной страны.

Однако выявлялась и определенная закономерность. В странах, где колониализм успел относительно глубоко реформировать старое общество и накопить «массу» буржуазных отношений, развитие капитализма после того, как отшумели политические страсти, было продолжено и индустриальный капитализм добился значительных успехов. Это происходило, в частности, в Египте, Индии, Пакистане и в Турции, хотя она обрела политическую независимость гораздо раньше. Для этой страны, географически близкой к Европе и в силу этого испытавшей значительное воздействие буржуазных отношений метрополии, превратившей ее в полуконию, «внешним толчком» для перехода к индустриальной стадии послужила не вторая, а первая мировая война.

Только в 60-е годы в индустриальную стадию вступил Иран, который формально никогда не был колонией, но имел полукониальную структуру экономики. Предварительные условия, сформировавшиеся в полукониальный период, позволили и ему довольно быстро и успешно перейти к развитию индустриального капитализма и стать одной из передовых стран Востока.

Афганистан, который в борьбе с англичанами отстоял свой государственный суверенитет и избежал превращения в колонию или полуконию, в наименьшей степени подвергся буржуазной трансформации и в результате так и остался отсталым государством с архаичной структурой экономики.

Развитие капитализма на индустриальной стадии также значительно отличалось от западной модели. На Западе главную роль играл частный капитал, который через этап свободной конкуренции пришел к образованию монополий. Торговый же капитализм колониальной стадии не способствовал появлению частного промышленного капитала. Поэтому после завоевания политической независимости индуст-

реализацию осуществляло главным образом государство. Именно в ведение государства перешли горнорудные, нефтедобывающие, инфраструктурные, энергетические, банковские и иные предприятия и учреждения, созданные колониальной администрацией и иностранным частным капиталом на территории периферии. Иными словами, индустриализация стран Востока происходила преимущественно в форме государственного капитализма.

Для того чтобы отличать государственный капитализм метрополии от государственного капитализма стран периферии, последний целесообразно именовать административно-государственным капитализмом (АГК). В странах, в которых после завоевания политической независимости возобладала буржуазная идеология и в которых еще в колониальный период возникли зачатки национальной промышленности, АГК сочетался с развитием частного предпринимательства, поощряемого государством. С ростом национальной буржуазии в этих странах происходил плавный переход от АГК к нормальному рыночному капитализму, а государство от прямого управления промышленными предприятиями все больше переходило к экономическим методам регулирования экономики.

Этот процесс создания однотипного с европейским капиталистического общества продолжается и в настоящее время. Он сложен и длителен, поскольку связан с необходимостью ломки и трансформации огромных пластов традиционных структур, сформировавшихся в колониальный период в ходе развития торгового капитализма. (Для периода становления торгового капитализма эти структуры были современными. Традиционными они стали по отношению к пришедшему на смену колониальной экономике индустриальному капитализму.)

Вполне естественно, что ломка традиционных структур (затрагивающая интересы огромных масс населения) вызывала отчаянное сопротивление их представителей, что нередко приводило к серьезным политическим потрясениям: к государственным переворотам, к «шараханью» от демократии к диктатуре и, наоборот, к всплескам ультраправых и ультралевого экстремизма и т. п. Особенно наглядны в связи с этим примеры развития Турции, Пакистана, отчасти Индии.

В других странах в силу особенностей национальных условий госсектор в постколониальный период приобрел гипертрофированные размеры. Управление этим сектором потребовало создания мощного административно-бюрократического аппарата, который, как и любой бюрократический аппарат, строился по иерархическому принципу, что неизбежно вело к становлению авторитарной системы государственной власти. Практически государство становилось монополистом

в экономике, являясь собственником большей части (Средств производства, что позволяло осуществлять жесткое регулирование всего народнохозяйственного механизма. В этих странах административно-государственный капитализм модифицировался в монопольно-государственный капитализм (МГК), который не следует путать с государственно-монополистическим капитализмом на Западе. Иран 60—70-х годов — типичный пример такой страны.

В постколониальный период МГК являлся необходимой и прогрессивной ступенью дальнейшего развития капитализма. Он давал возможность преодолеть сопротивление представителей традиционных структур — в первую очередь феодальных землевладельцев и торгово-ростовщического капитала — и осуществить индустриализацию страны, накопить в ходе развития «массу» современных производительных сил.

Вместе с тем МГК присущи серьезные недостатки, которые с течением времени превращают его прогрессивный характер в противоположность — в тормоз развития капитализма. Во-первых, административно-бюрократические методы не могут быть в достаточной степени экономически эффективными. Во-вторых, пока объем производительных сил не достиг, так сказать, «критической массы», административно-бюрократический аппарат худо-бедно опирается на управление госсектором. Но по мере все большего расширения народнохозяйственного комплекса, по мере усложнения внутри- и межотраслевых связей аппарат, действующий по командам сверху и неспособный к проявлению личной инициативы, начинает утрачивать контроль над ними. Будучи громоздким и неповоротливым, он не в состоянии эффективно реагировать на быстро меняющуюся конъюнктуру. В-третьих, вследствие того что бюрократический аппарат построен по иерархическому принципу и наиболее важные решения принимаются на самом верху, увеличивается вероятность крупных ошибок и просчетов, волюнтаризма, продиктованного не столько экономической необходимостью, сколько политическими амбициями правящих верхов или попросту их экономическим невежеством. Это ведет к увеличению диспропорций в народном хозяйстве, к возникновению кризисных явлений. В этих условиях переход от МГК к рыночным отношениям, как более гибкому и эффективному регулятору общественного производства, объективно необходим. К этому понуждает и то, что МГК и рыночный капитализм — системы разнотипные, что создает препятствия на пути интеграции стран МГК в мировую капиталистическую систему. А без такой интеграции невозможно стать равноправным участником мирохозяйственных связей.

Выше речь шла о государствах, которые после освобождения от колониальной зависимости развивались по капита-

диетическому пути. Но существует ряд стран, где в результате национально-освободительных движений к власти пришли правонационалистические или левые режимы, поставившие во главу угла борьбу с «империализмом» и отрицавшие капиталистический путь развития. Объективно перед ними стояла та же задача объединить в единый национальный производственный комплекс получение сырья, его переработку в готовую продукцию и ее сбыт. В этих странах такая задача целиком ложилась на государство, поскольку правящие верхи, исходя из собственных идеологических установок, вытекающих из следования по некапиталистическому пути, стремились подавить и те зачатки буржуазии, которые сформировались в колониальный период. В результате такой политики осуществление индустриализации чрезвычайно осложнялось. Западные державы, учитывая антиимпериалистический курс руководства, отказывали этим странам в продаже промышленного оборудования, современных технологий, в оказании финансовой помощи и т. п.

Более того, курс левых режимов на подавление национальной буржуазии, в том числе торговой, попытки силовыми методами изменить отношения в деревне разрушали сложившиеся экономические связи, дезорганизовывали процесс общественного воспроизводства. Это обостряло экономические проблемы, ущемляло интересы различных слоев общества, что не могло не вызывать у них ответную реакцию, выливавшуюся в некоторых странах в гражданскую войну. Политическая нестабильность, диктаторские замашки левых режимов (а в условиях экономических неурядиц, вызванных их же политикой, они могли удерживать власть только политическим насилием) служили дополнительным препятствием для привлечения иностранного капитала.

Конечно, развитие промышленности в странах, где правили левые режимы, хотя и с огромными трудностями и медленными темпами, все же происходило. Но возникает вопрос: какой же тип экономики складывался в этих странах и действовали ли там закономерности социальной революции «а Востоке, т. е. закономерности развития капитализма? Для того чтобы ответить, зададимся другим вопросом: чем отличались промышленные структуры этих стран от стран с МГК? Принципиально ничем. И там и здесь существовал гиперпрофилированный госсектор, и там и здесь для управления им был создан административно-бюрократический аппарат, и там и здесь применялись командные методы руководства экономикой, и там и здесь создаваемый в промышленности прибавочный продукт отчуждался в пользу государства. Следовательно, и там и здесь развитие промышленности осуществлялось в форме МГК. Различие состояло лишь в том, что в странах с левыми режимами фактически существующий

МГК прикрывался псевдосоциалистической риторикой. Но если назвать капитализм социализмом, «третьим путем» или иначе, то он не перестает быть капитализмом.

Вспомним один из основных постулатов марксизма, гласящий, что производственные отношения складываются независимо от воли и сознания людей, классов, партий. Смена характера производственных отношений (переход от одной формации к другой) обуславливается уровнем развития производительных сил. Но этот уровень и в странах, продолживших развитие капитализма, и в странах, заявивших о «социалистической ориентации», был примерно одинаков с точки зрения исторического масштаба. В обеих группах стран до начала национально-освободительного движения существовала одна и та же структура колониальной экономики. После достижения независимости в «их» правящими кругами были проведены одни и те же мероприятия: национализация иностранной собственности, превращение ее в госсектор. Что же в таком случае дает основания считать, что в разных группах стран после освобождения от колониальной зависимости сложились различные системы производственных отношений?

Известно, что переход от торгового капитализма к индустриальному был вызван объективной экономической необходимостью, а не субъективным волеизъявлением пришедших к власти сил. Поэтому идеологические различия правящих режимов в разных странах не могли служить основанием: для того, чтобы признать или отвергнуть эту объективную необходимость. Следовательно, коренное различие между странами с буржуазными и левыми режимами заключается в том, что в первых надстройка соответствовала изменениям в базисе, а во вторых наблюдалось противоречие между капитализирующимся базисом и «социалистической» надстройкой.

Можно возразить, что политика оказывает обратное воздействие на экономику и, таким образом, социалистическая по характеру надстройка может целенаправленно изменять базис. Действительно, политика способна воздействовать на экономику, но только в пределах объективно сложившихся производственных отношений: она может ускорять экономическое развитие, если соответствует характеру базисных изменений, или, наоборот, замедлять его, если это соответствие отсутствует. Но несоответствие базиса надстройке не может длиться вечно, ибо нарастающие противоречия между ними в «тоге» должны непременно привести к ликвидации последней и замене ее другой, соответствующей базису. Таким образом, закономерности социальной революции на Востоке действовали и в странах, провозгласивших различные модификации некапиталистического пути. Только в них ее раз-

витие шло медленнее, чем в странах, где правящие круги исповедуют буржуазную идеологию.

Подведем некоторые итоги. Социальная революция на Востоке не повторяла (и не могла повторять) путь, пройденный Западом, поскольку развитие капитализма на Востоке было «вторичным» по отношению к западному капитализму. Тем не менее конечная цель этой революции заключается в формировании на Востоке однотипной с Западом структуры экономических отношений. И это объяснимо: если признать капитализм общественно-экономической формацией, то вполне очевидно, что она должна охватить весь мир, преобразовать по своему образу и подобию все экономическое пространство планеты, подтянуть до своего уровня человеческие общества с отсталыми производственными отношениями. Этим объясняется и иной путь развития социальной революции на Востоке: если бы она проходила в развитии те же этапы, что и на Западе, то разрыв между странами Востока и Запада сохранялся бы постоянно. Это напоминает ситуацию с двумя бегунами по пересеченной местности, один из которых стартовал намного раньше. Для того чтобы догнать его, второй бегун должен не повторять маршрут первого, а бежать наперерез.

В развитии социальной революции на Востоке выделяют минимум три крупных этапа:

— зарождение и развитие торгового капитализма, при котором буржуазные отношения охватывают сферу поставок сырья на мировой рынок и импорт готовых потребительских товаров. При этом промышленное производство располагается вне национальных границ;

— переход к административно-государственному капитализму (или его модификации — монопольно-государственному капитализму). Содержанием этого этапа является индустриализация страны, проводимая преимущественно или исключительно государством, с целью создать в национальных границах полный цикл капиталистического воспроизводства;

— переход к рыночной экономике, характеризующийся отказом от административно-командных методов управления и использованием методов регулирования экономики, присущих развитым капиталистическим странам. Этот этап должен в конечном счете привести к созданию экономических систем, однотипных с западными.

Четкое разделение на указанные выше этапы возможно лишь логически. В реальной жизни может происходить как последовательная смена этих этапов, так и частичное нало-

жение их друг на друга. Так, на этапе торгового капитализма могут возникать элементы государственного капитализма или даже рыночных структур. Более того, переход к последующему этапу отнюдь не означает, что полностью преобразованы структуры, характерные для предыдущего этапа (т. е. на этапе рыночного капитализма \могут все еще сохраняться элементы госкапитализма и торгового капитализма и даже добуржуазных структур). Тем не менее характер этапа определяется тем, какой тип отношений является для него структурообразующим.

Абстрактно-логическое выделение этапов социальной революции не только представляет научный интерес, «о и имеет конкретное практическое значение. Они являются достаточно надежными ориентирами при анализе политических событий, действий различных социально-классовых слоев, групп, партий, организаций, правящих кругов данной страны, борьба которых приводит к надстроечным изменениям. При этом необходимо иметь в виду, что базисным сдвигам на каждом этапе социальной революции соответствуют свои надстроечные изменения. Следовательно, характер политической борьбы должен оцениваться не с абстрактных позиций обеспечения, например, демократии, гражданских прав и свобод, а с точки зрения того, способствуют ли действия тех или иных политических сил развитию политической революции (т. е. приведению политической надстройки в соответствие с базисными сдвигами, происшедшими на данном этапе развития социальной революции) или тормозят ее. В зависимости от этого действия одних политических сил будут прогрессивны и революционны, других — реакционны и контрреволюционны.

Для общества одинаково деструктивны попытки как затормозить развитие политической революции, так и забежать вперед, т. е. достичь политических целей, для которых еще нет объективной материальной основы, сформировать надстройку, для которой в ходе развития социальной революции еще не созданы необходимые базисные условия. В этом случае неизбежно появление диктаторских режимов, так как при несоответствии надстройки базису удерживать государственную власть (являющуюся элементом надстройки) можно только с помощью насилия над обществом, что опять-таки, оборачивается торможением его развития.

Теория и практика «социалистической революции»

Необходимость рассмотрения теоретических проблем социализма и возможности его практического воплощения в;

странах Востока диктуется следующими обстоятельствами. Во-первых, некоторые советские ученые питали надежду, что свержение монархии в Иране может «стать исходным пунктом последовательных, крупных антикапиталистических преобразований во всем обществе» [76, с. ПО]. В этой фразе содержится достаточно прозрачный намек на возможность перехода иранского общества если не к социализму, то по крайней мере на путь «социалистической ориентации». Иной результат *антикапиталистических* преобразований представить трудно. Во-вторых, в событиях конца 70-х—начала 80-х годов в Иране активную роль играли левые организации. В программных документах некоторых из них в разной степени присутствовала идея социализма, причем спектр точек зрения у различных левых организаций был весьма широким: от понимания, что социализм может рассматриваться лишь как далекая перспектива, до призывов к немедленному осуществлению социалистической революции. В-третьих, некоторые иранские левые организации в эмиграции и поныне сохраняют верность социалистическим идеалам, рассматривают борьбу за социализм как долговременную стратегическую задачу.

Проблема социализма в данной работе рассматривается в самом общем виде и главным образом для того, чтобы ответить на вопрос: действительно ли существовали основания надеяться, что борьба левых могла (при благоприятных обстоятельствах) привести к переходу Ирана в обозримом будущем на путь развития социализма?

Механизм смены формаций действует по универсальному принципу. Поэтому классическая марксистская схема, разработанная на основе анализа перехода от феодальной к капиталистической формации, должна «работать» и при переходе от капиталистической к коммунистической формации, в том числе к социализму как начальной фазе коммунизма.

Следовательно, вначале в недрах буржуазного общества должны возникнуть и получить развитие новые, социалистические производственные отношения. Классики марксизма сущность новых производственных отношений видели в общественном характере производства. Этот «общественный характер производства» является самым таинственным, неуловимым и сложным для понимания явлением в теории социализма. И вместе с тем это краеугольный камень, на котором зиждется вся теория социалистической революции.

Что же подразумевали классики марксизма под общественным характером производства? Необходимость перехода к новому общественному строю они выводили из наблюдавшегося в то время процесса перерастания свободной конкуренции в монополизацию капитала и из периодически повторявшихся кризисов перепроизводства. Эта идея достаточно

четко изложена Ф. Энгельсом. Описывая исторический процесс развития капитализма от мануфактурного до фабрично-заводского производства, он отмечал: «...хотя крупная промышленность в 'первую эпоху своего развития сама создала свободную конкуренцию, но в настоящее время она уже переросла свободную конкуренцию... конкуренция и вообще ведение промышленного производства отдельными лицами превратились для крупной промышленности в оковы, которые она должна разбить и разобьет... 'крупная промышленность, пока она ведется на нынешних началах, не может существовать, не приводя к повторяющемуся каждые семь лет всеобщему расстройству, а это всякий раз ставит под угрозу всю цивилизацию и не только бросает на дно нищеты пролетариев, но и разоряет многих буржуа... следовательно, необходимо либо отказаться от крупной промышленности,— а это абсолютно невозможно,— либо признать, что она делает безусловно необходимым создание совершенно *новой организации общества*, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а *всем обществом* по твердому плану и соответственно потребностям *всех членов общества* (курсив наш.—Л. С.)» [24, с. 329].

Эту же идею Ф. Энгельса через 10 лет повторил К- Маркс: «...когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих... Один капиталист побивает многих капиталистов... Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют» [17, с. 772—773].

Еще через 20 с лишним лет Ф. Энгельс развивает

и конкретизирует эту идею: «Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом... Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом? Посмотрим. Начнем со средств сообщения. Телеграф находится в руках государства. Железные дороги и значительная часть морских пароходов принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *наемные лица* — служащие, положение которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих... Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять... Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о „хозяйском глазе“ и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе „хозяйский глаз“ на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают. Итак, капиталист уже больше не может предъявлять права на свою прибыль как на „заработную плату за руководство“, так как он ничем не руководит... Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным. Мы снова заявляем им: „Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить“» [22, с. 297—299].

Из этих пространственных цитат (которые приводятся с целью проследить логику рассуждений основоположников марксизма) явствует, что Маркс и Энгельс видели зарождение новых, не присущих капитализму производственных отношений в

том, что, во-первых, крупное производство концентрирует в одном месте огромную массу рабочих, которые тем самым организуются, объединяются, обучаются борьбе за свои права самим механизмом капиталистического производства. Во-вторых, монополизация, централизация производства ведет к тому, что капиталист уже не может лично руководить им и вынужден нанимать особый управленческий аппарат, который превращает капиталиста в «лишний» элемент производства. В-третьих, руководство некоторыми отраслями (Энгельс приводит пример телеграфа) берет на себя государство, что тоже делает частного собственника «лишним». Далее делается вывод, что государство, административный аппарат и рабочие уже сами могут справиться с руководством экономикой без класса капиталистов, т. е. подготовлены материальные условия, вызрели новые производственные отношения, при которых рабочие могут взять власть в государстве, — «Предоставьте рабочему классу вас (капиталистов.— Л. С.) сменить».

Но так ли это было в действительности? Во времена Маркса и Энгельса эти процессы были новыми, иными по сравнению с тем, как развивался капитализм раньше, и поэтому, в их представлении, не присущими «обычному» капитализму. Но мы, живущие более века спустя, уже знаем, что и сосредоточение рабочих на огромных предприятиях, и централизация и концентрация капитала, и появление разветвленного управленческого аппарата, и смена свободной конкуренции монополиями (кстати, с появлением которых не исчезает конкуренция вообще, и в том числе между монополиями разных стран и целых регионов), и переход некоторых предприятий и даже целых отраслей в ведение государства — все эти явления присущи именно капитализму и никаких новых, *некапиталистических* производственных отношений не создают. Только развитие капитализма перешло на новый этап, так же как ранее мануфактура сменилась машинным производством. Иными словами, эпоха свободной конкуренции и эпоха монополистического капитала — это разные стадии *одной и той же* капиталистической формации.

Очевидно, что централизация и концентрация капитала, его монополизация, огосударствление части капитала отнюдь не равнозначны обобществлению производства, т. е. такому положению, когда производством все больше начинает управлять не *класс капиталистов* (которому служит и буржуазное государство, и наемный административный аппарат управления предприятиями), а *общество*. Можно лишь представить, что было бы с экономикой Европы, если бы в конце XIX в. был «устранен» класс капиталистов! Она бы развалилась, ибо этот класс выполнял общественно полезные функции и был необходимым субъектом производственных отношений.

Только его функции изменились по сравнению с функциями периода свободной (конкуренции).

Не выдержала испытания временем и идея Маркса и Энгельса о том, что необходимость замены капиталистического строя новым диктуется постоянно повторяющимися кризисами перепроизводства и обнищанием рабочего класса. Эти явления обуславливались не тем, что капитализм «перезрел», а его «недоразвитостью». Кризисы перепроизводства вызывались не тем, что общество физически не могло потребить произведенную продукцию, а низкой покупательной способностью и высокой ценой товара, которая определялась большими издержками производства вследствие неразвитости техники и низкой производительности труда. В то время капитализм еще не накопил достаточно опыта, чтобы избежать этих кризисов. Понадобилась «великая депрессия» 20—30-х годов и как косвенное (или прямое?) ее следствие — вторая мировая война, чтобы капиталистический мир «нащупал» механизмы если не полного предотвращения, то по крайней мере смягчения разрушительных последствий экономических кризисов. Кроме того, история показала, что капитализм и благосостояние населения — вполне совместимы. Причем, чем выше уровень развития капитализма, тем на большую часть населения страны это благосостояние распространяется: не только на буржуазию, но и на рабочих, служащих, интеллигенцию, пенсионеров и даже безработных, которым капиталистическое общество не дает умереть с голоду.

Однако все изложенное выше отнюдь не означает, что марксистская теория социализма принципиально неверна. Идея классиков марксизма об общественном характере производства как экономической основе новой общественной формации была поистине гениальным провидением. Но для ее претворения в жизнь необходимы были иные условия, чем те, которые существовали в конце XIX в., при жизни Маркса и Энгельса, и в начале XX в., когда большевики попытались осуществить идеи социализма на практике.

Каковыми же должны были быть эти условия? Вернемся вновь к Энгельсу: «...крупная промышленность и обусловленная ею возможность *бесконечного расширения производства* (курсив наш.— Л. С.) позволяют создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности... Вполне очевидно, что до настоящего времени производительные силы не были еще развиты в такой степени, чтобы можно было производить *достаточное для всех количество продуктов* (курсив наш.— *^ С.) и чтобы частная собственность уже сделалась окова-

ми, преградой для развития этих производительных сил. Но теперь благодаря развитию крупной промышленности, *во-первых*, созданы капиталы и производительные оилы ,в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы. *Во-вторых*, эти производительные силы сосредоточены в руках немногих буржуа, тогда как широкие народные массы все более превращаются в пролетариев, причем положение их становится тем более бедственным и невыносимым, чем больше увеличиваются богатства буржуа. *В-третьих*, эти могучие, легко поддающиеся увеличению производительные силы до такой степени переросли частную собственность и буржуа, что они 'непрерывно вызывают сильнейшие потрясения общественного строя. Поэтому лишь теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым» [24, с. 329, 331].

Таким образом, по мнению Ф. Энгельса, в середине XIX в. развитие капитализма подошло к такому рубежу, когда появились признаки насыщения рывка и создания избытка товаров. Но стихия капиталистической свободной конкуренции приводила к тому, что «с начала этого столетия в положении промышленности беспрестанно происходили колебания между периодами процветания и периодами кризиса, и почти регулярно через каждые пять-семь лет наступал такой кризис, причем каждый раз он вызывал величайшие бедствия среди рабочих, всеобщее "революционное возбуждение и величайшую опасность для всего существующего строя» [24, с. 328—329].

Ф. Энгельс и К- Маркс выдвинули в целом верную идею, что необходимость перехода к новой формации возникает тогда, когда развитие производительных сил доходит до уровня, при котором возможно достижение избытка товаров («достаточное для всех количество продуктов»). Но они ошибались, полагая, что в середине XIX в. этот уровень уже был достигнут и осталось только уничтожить частную собственность, планомерно вести общественное хозяйство с целью не допускать кризисов, вызывавших вследствие капиталистической стихии «сильнейшие потрясения общественного строя». Как показала историческая практика, этот уровень развития производительных сил не был достигнут и спустя полтора века в высокоразвитых капиталистических странах. При анализе общественных явлений, трудно поддающихся количественным измерениям, такие ошибки неизбежны и простительны.

В то время, в век паровых машин, классики марксизма еще не могли предвидеть последствий изобретения двигателя внутреннего сгорания, электричества, атомной энергетики.

Эти изобретения, давшие более мощные, компактные и мобильные двигатели по сравнению с паровой машиной (и к тому же имевшие несравнимо больший коэффициент полезного действия), позволили капитализму выйти на новый виток развития производительных сил. А К. Маркс указывал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются *все производительные силы*, для которых она дает *достаточно простора*, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда *только* такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама *задача* возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, шо крайней мере, *находятся* в процессе становления (курсив наш.—Л. С.)» [18, с. 7].

В XX в. капитализм давал и все еще дает достаточно простора для дальнейшего развития производительных сил. Никаких новых, отличных от капиталистических, производственных отношений в недрах капитализма не возникло, а следовательно, не наблюдался и процесс обобществления производства. Ход развития истории в XX в. показал, что классики марксизма ошибочно приняли процесс концентрации и централизации капитала, национализации отдельных предприятий или отраслей промышленности за процесс обобществления производства. Та же историческая практика свидетельствует, что обобществление производства (как создание экономической основы для перехода от капиталистической к новой формации) в качестве необходимых условий требует, *во-первых*, высочайшего уровня развития производительных сил, вплотную подводящего к товарному избытку (а такого уровня не достигла еще ни одна капиталистическая страна), *во-вторых*, значительно более высокой степени организации гражданского общества, т. е. общества, которое уже в большей степени *гражданское*, чем *классовое*, и в котором буржуазия, юридически еще оставаясь собственником средств производства, в действительности уже не выполняет общественно полезную функцию в процессе производства. Только в этом случае становится возможным устранение буржуазии и ликвидация частной собственности без серьезного нарушения процесса общественного производства. Очевидно, что нигде в мире эти условия еще не достигнуты, а следовательно, ни в одной стране не стояла и не стоит задача перехода от капиталистической формации к социализму как начальной фазе новой, коммунистической формации.

Заметим, в приведенном выше высказывании К. Маркса говорится, что задача перехода к новой формации ставится

не партией, даже не классом, а *человечеством*, т. е. огромными массами людей в процессе их экономической деятельности по воспроизводству жизни. И эта задача возникает перед ними тогда, когда уже подготовлены ходом предшествующего развития материальные условия для ее решения, когда на основе старых производственных отношений невозможно дальнейшее развитие производительных сил.

Но утверждение, что такое положение не достигнуто еще ни в одной стране мира, вызовет вопрос: как же быть с социалистической революцией в России, с социалистическими странами Восточной Европы, с социализмом или «социалистической ориентацией» в странах Азии, Африки, Латинской Америки? Попробуем разобраться, чем же был социализм во всех этих странах (причем именно *был*, поскольку многие из них от социализма уже отказались). Логичнее это сделать на примере России, которая первой провозгласила построение социализма и тем самым показала пример другим.

Не подлежит сомнению, что в России в начале XX в. не существовало тех условий, которые классики (марксизма считали необходимыми и достаточными для перехода к новой формации. Уровень развития капитализма в ней был даже ниже европейского. Более того, в России не были еще решены антифеодальные задачи, и В. И. Ленин до 1917 г. неоднократно подчеркивал, что Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией. В ноябре 1915 г. он, полемизируя с Л. Троцким, критиковал его именно за то, что тот полагал, будто «Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией!» Но, отмечал В. И. Ленин, «Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением „национальной буржуазной революции“ в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!» [10, с. 80].

И далее В. И. Ленин пишет: «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие „непролетарских народных масс“ в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального* „империализма“ (= царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [10, с. 81].

Но буржуазная революция осуществляется именно для того, чтобы дать простор развитию капитализма, который, гигантски ускоряя развитие производительных сил, и полго-

тавливает необходимые материальные условия для перехода к социализму. В. И. Ленин же призывал после осуществления буржуазной революции *немедленно* переходить к социалистической революции. Следовательно, в марксистской теории смены формаций В. И. Ленина привлекало только одно: политическая борьба за завоевание власти. При этом он сознавал, что в России нет материальных условий для перехода к социализму: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм... Но крестьянская (масса *может* довести неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* всего необъятного помещичьего землевладения... Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению» [15, с. 91—92].

В. И. Ленин рассчитывал, что пролетарская революция в России вызовет социалистические революции в Европе и высокоразвитая Европа поможет России создать необходимые материальные условия для построения социализма: «Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно *завершить* социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата» [15, с. 93].

В октябре 1917 г. «рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии... Да здравствует всемирная социалистическая революция!» [4, с. 2—3].

Но, как известно, всемирной социалистической революции не произошло. Большевики, захватив государственную власть, совершили политический переворот, который они провозгласили социалистической революцией, для которой, однако, в России не было объективных материальных условий. И несмотря на это, они проводили мероприятия, присущие социалистической революции: «ликвидировали» буржуазию и частную собственность (одновременно они довершали и задачи буржуазной революции — «ликвидировали» помещиков).

И что же в результате? Согласно марксистской теории, никакая политическая революция не ликвидирует старые

производственные отношения и не вводит новые. Ода лишь приводит надстройку в соответствие с уже происшедшими изменениями в базе.

Но пришедшие к власти силы *могут* физически устранить одного из *субъектов* производственных отношений — буржуазию. И -в этом случае происходит не замена одних производственных отношений другими, а их развал, распад экономической системы. Действительно, страна была ввергнута в хаос именно экономической политикой большевиков, пытавшихся воплотить верные положения марксистской теории в совершенно не подходящих для этого условиях. В результате вспыхнула гражданская война, в которой против политики новых властей боролись отнюдь не только буржуазия и помещики, но и значительные массы крестьян, мелкой буржуазии, служилой интеллигенции и часть рабочего класса.

В условиях гражданской войны государство вынуждено* было взять на себя некоторые функции, характерные для старых, феодальных отношений: принудительно, внеэкономическими методами изымать у крестьян прибавочный продукт и снабжать им армию, государственный аппарат, промышленный пролетариат, чтобы как-то поддерживать жизнедеятельность страны.

После окончания гражданской войны встал вопрос о выходе из глубочайшего экономического кризиса. В. И. Ленин видел его на путях восстановления капитализма в государственной форме. На необходимость введения госкапитализма В. И. Ленин указывал еще в сентябре 1917 г. [2, с. 151—199].

Вновь к этому вопросу он вернулся в мае 1918 г. [11, с. 283—314]. Новая экономическая политика, провозглашенная в 1921 г., и явилась попыткой воплотить в жизнь госкапитализм, чего нельзя было сделать раньше из-за гражданской войны.

В апреле 1921 г. В. И. Ленин писал: «Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки,, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли... Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем... Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье? Это была бы самая желательная, самая „правильная“ политика,— мы ее и начали. Но мы не можем дать

всех продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем... Как же быть? Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее... Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика) не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*... Весь вопрос—как теоретический, так и практический—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» [13, с. 219—223].

Таким образом, до 1921 г. о социализме в России не было и речи, вопрос стоял о том, как перевести экономику на рельсы госкапитализма. Следовательно, никаких новых, социалистических, производственных отношений Октябрьская революция не создала. Государственная власть, возглавляемая партией большевиков, была вынуждена, чтобы вывести экономику из хаоса, восстанавливать буржуазные производственные отношения в форме государственного капитализма. А точнее, административно-государственного капитализма, при котором государство выполняет функции совокупного капиталиста, частично создавая промышленные предприятия и непосредственно управляя ими, частично способствуя развитию частного капитализма.

Однако нэп просуществовал недолго. Вскоре после смерти В. И. Ленина сталинский режим вновь начал проводить политику ликвидации буржуазии и частной собственности. Но при этом хаос в экономике уже не наступил. Во-первых, в ходе развития административно-государственного капитализма были восстановлены экономические связи и накоплена определенная «масса» производительных сил; во-вторых, сформировался в общих чертах административно-бюрократический аппарат, который «перехватил» у буржуазии ее функции по управлению предприятиями и осуществлял распределение продукции; в-третьих, до определенной степени было восстановлено сельскохозяйственное производство и государство получило возможность изымать у крестьян более-менее достаточное количество продуктов и сырья.

Но означало ли это переход к социализму? Ликвидировав буржуазию и национализировав все частные предприятия, государство превратилось в монопольного собственника средств производства, в единственного совокупного капиталиста-мо-

нополиста, т. е. произошло превращение административно-государственного капитализма в монопольно-государственный капитализм.

Это был именно капитализм, при котором государство, пользуясь правом монопольного собственника, отчуждало у рабочего прибавочный продукт, оставляя ему минимум жизненных средств. И государство эксплуатировало рабочий класс более жестоко, чем при частнохозяйственном капитализме, поскольку рабочий не имел выбора, кому и на каких условиях продавать свою рабочую силу. Эти условия диктовало государство-монополист.

В деревне сталинский режим восстановил феодально-государственные отношения. Государство изымало у крестьян весь прибавочный продукт, а зачастую и необходимый, что, например, в начале 30-х годов вызвало массовую гибель крестьян от голода. Более того, сталинский режим проводил политику закрепощения крестьян: после введения паспортной системы им не были выданы паспорта, что при существовавшей системе прописки лишало их возможности покинуть деревню и устроиться «а работу в городе без особого иа то разрешения властей. Эти ограничения были сняты только в 1961 г., т. е. спустя ровно 100 лет после первой отмены крепостного права в России. Лишь после этого, а также в результате механизации сельского хозяйства феодально-государственные отношения и в деревне переросли в монопольно-государственный капитализм. Фактически все крестьянство превратилось в наемного работника у государства-монополиста. Кооперативно-колхозная собственность была лишь фикцией.

По сути, общество разделилось на два класса: «аемных работников и партийно-государственную бюрократию.

При этом заявления о преимуществах социалистического строя — отсутствии безработицы, дешевом жилье, бесплатном образовании и медицинском обслуживании, о социальном равенстве — были проникнуты демагогией. Скрытая безработица существовала всегда и существует по сей день, но уже официально признанная. Выплачивая работникам мизерную зарплату, государство могло позволить содержать на предприятиях и в учреждениях избыточную рабочую силу, что смягчало безработицу. Жилье, медицинское обслуживание и образование оплачивалось самими наемными работниками за счет отчужденного у них прибавочного продукта. Не существовало и социального равенства. Партийно-государственные бюрократы пользовались законными и незаконными привилегиями: у них было лучшее жилье, более высокая зарплата, лучшие промышленные товары и продукты, лучшее медицинское обслуживание, больше возможностей получить образование в престижных учебных заведениях и т. п. При-

чем, чем больший пост занимал чиновник в государственной иерархии, тем большими благами пользовался⁵.

Таким образом, сложилось положение, когда псевдосоциалистическая надстройка не соответствовала монопольно-государственному капиталистическому базису. Удерживаться на не соответствующем ей базисе она могла только с помощью грубого политического насилия. Поэтому с самого начала политическая власть приобрела форму партийно-государственной диктатуры, преследующей любое неповиновение и инакомыслие.

Ничего социалистического в этой политико-экономической системе не было. Партии большевиков и ее преемнице — КПСС не удалось обойти объективные экономические закономерности общественного развития и построить социализм при отсутствии для него необходимых материальных условий.

Закономерности смены формаций, открытые классиками марксизма, действуют непреложно, и никакая партия не в состоянии их отменить. Условия для перехода к социализму создаются внутри капитализма и самим капитализмом. А пока они не создадутся, никакая борьба против капиталистов, вплоть до их физического истребления, не способна ликвидировать капитализм. Он возрождается вновь и вновь, в том числе в форме государственного капитализма.

Но возникает вопрос, который в свое время мучил В. И. Ленина. Приводя слова Н. Суханова о том, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», В. И. Ленин в ответ писал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [12, с. 380—381].

Действительно, почему революционная партия в отсталой стране не может сначала захватить власть, а затем целенаправленно и планомерно начать создавать условия, необходимые для перехода к социализму? Но в том-то и состоит трагедия всех левых партий, что сделать это невозможно. В отсталой стране, при «дефицитной» экономике, т. е. недостатке жизненных средств для всех членов общества, государство, возглавляемое лидерами левых партий, вынуждено отчуждать у непосредственных производителей большую часть прибавочного продукта, чтобы обеспечивать быстро разрастающийся административно-бюрократический аппарат, армию, полицию, чтобы сконцентрировать средства, необходимые для осуществления тех или иных проектов, в том числе для индустриализации страны. Государство *вынуждено*

эксплуатировать своих граждан, оставляя им лишь минимум жизненных средств. Тем самым государство помимо воли его руководителей остается капиталистическим, меняется лишь его политико-экономическая форма, превращаясь в систему государственного капитализма. И любые заявления правящей верхушки о том, что она действует во имя народа, для блага народа, никакие заклинания, что «дело партии— дело народа», не способны уничтожить факт эксплуатации народа государством.

Таким образом, госкапитализм не может подвести к социализму, он является лишь необходимым особым этапом развития капитализма в отсталой стране, лишь средством ускоренного создания промышленного потенциала, дальнейшее развитие которого должно осуществляться по законам мирового капиталистического хозяйства и в интеграции с ним.

Поэтому закономерен крах многих режимов, провозгласивших себя социалистическими или ориентированными* на социализм. Гибель остальных, все еще существующих «социалистических» режимов — дело лишь времени. Но это не означает, что социализм погибнет—не может погибнуть то, чего не существовало. Социализм неизбежно возникнет тогда, когда в ходе развития капитализма для этого будут созданы материальные условия.

Каждая общественно-экономическая формация опиралась на только ей присущие энергоносители. В первобытном обществе это была мускульная сила человека, достаточная лишь для собирательства. В этом обществе не могло возникнуть эксплуатации, поскольку мускульной силы человека не хватало для производства прибавочного продукта. Попытка эксплуатировать человека, отчуждая у него необходимый продукт, привела бы (быстро или медленно) к гибели объекта эксплуатации,

Именно на такой эксплуатации было построено рабовладельческое общество. Но рабовладельческая формация не получила мирового распространения, очевидно, потому, что пришлось бы превращать в рабов все большее число людей и человечество уничтожило бы себя.

При феодализме главным энергоносителем стала мускульная сила одомашненных животных, что уже позволяло получать прибавочный продукт и за счет его отчуждения эксплуатировать большие массы людей.

Развитие капитализма было обусловлено изобретением вначале паровой машины, затем двигателя внутреннего сгорания различных типов и модификаций, электрического двигателя. Большая их мощность, мобильность, возможность применения разнообразнейших орудий чрезвычайно повысили производительность труда и количество прибавочного про-

дукта. Однако может оказаться, что этих энергоносителей недостаточно для достижения изобилия.

Поэтому не исключено, что переход к новой, посткапиталистической формации (социалистической или коммунистической) будет сопряжен с открытием новых, совершенно иного типа энергоносителей, широкое применение которых станет уже невозможным в рамках капиталистических производственных отношений. Применение энергоносителей, дающих неизмеримо большее количество качественно новой движущей энергии, приведет, с одной стороны, к созданию общества изобилия, при котором отпадает необходимость эксплуатации, с другой стороны, к созданию новых энергетических и производственных систем, которые потребуют объединения усилий уже целых человеческих сообществ, что и повлечет за собой интенсивный процесс реального обобществления производства.

Развитие материальной сферы, дающее человеку возможность все полнее удовлетворять физические и духовные потребности, постепенно меняет его психологию. Первобытный человек, вынужденный с дубинкой в руках бороться с собратом за кусок мяса, несопоставим с современным человеком. По мере развития человечество (в исторических масштабах) мудреет, становится более цивилизованным. Поэтому не исключено, что и переход к социализму будет происходить в мирных, цивилизованных формах.

Нет необходимости доказывать, что социализм, социалистическая ориентация, некапиталистический путь развития или «третий путь» в странах Азии, Африки и Латинской Америки были не чем иным, как разновидностями государственного капитализма различной степени зрелости. В некоторых же особо отсталых странах под прикрытием социалистической или псевдосоциалистической фразеологии происходило приспособление государственной власти, как существенного элемента надстройки, к реально существующим в них докапиталистическим отношениям.

Столь же очевидно, что нет никаких перспектив в обозримом будущем и для перехода к социализму в Н

Глава 3

РОЛЬ АНТИШАХСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ В ИРАНЕ

Содержанием революционного процесса является переход общества от одной формации к другой. Переход от феодализма к капитализму осуществляется в ходе буржуазной формационной революции, состоящей из переворота в базисе и надстройке. Поэтому для оценки иранских событий 1978—1979 гг. и последующего периода, знаменовавших ликвидацию монархического режима и установление исламской республики, следует выявить их роль в революционном процессе в Иране.

От торгового капитализма к промышленному

Зарождение буржуазной социальной революции, появление первых ростков буржуазных отношений в феодальном иранском обществе относится к XIX в.'. При этом невозможно назвать точную дату и точное место, когда вместо обычной купеческой сделки произошла первая товарно-денежная сделка буржуазного типа.

Возникновение товарно-денежных отношений было обусловлено интересом, который проявляли западные державы к Ирану как к источнику сырья и рынку сбыта своих товаров. Теоретически трудно представить ситуацию, при которой буржуазные товарно-денежные отношения могли возникнуть в иранском феодальном обществе вне его экономических связей с внешним миром.

О заинтересованности западных держав («им относится и Россия — западная не по географическому признаку, а по более высокому уровню развития буржуазных отношений в сравнении с Ираном) в торговых отношениях с Ираном свидетельствует факт, что почти в каждом договоре, заключенном по итогам войн, которые эти державы вели с Ираном в XIX в., содержались статьи о свободе торговли или торго-

вые отношения регламентировались особыми соглашениями. Такие же пункты имелись и в договорах держав, выступавших союзниками Ирана.

Так, в Англо-иранском торговом договоре 1801 г. статья 2 гласила: «Английским и индийским купцам, находящимся на службе английского правительства, разрешается селиться в любом порту и городе Ирана; никакими правительственными пошлинами, налогами и реквизициями товары, принадлежащие [этому] правительству, не могут облагаться» [65, с. 68]. Ирано-французский торговый договор 1808 г. предусматривал, в частности, что «французские купцы получают возможность беспрепятственно вывозить из Ирана любые товары. Они освобождаются на три года от уплаты пошлин при ввозе в Иран и вывозе из него товаров, а также золота, серебра и драгоценных камней» [65, с. 70].

В Гюлистанском мирном договоре 1813 г. в статье 8 указывалось, что российским и иранским купцам «дозволено будет ездить сухим путем и морем свободно в оба Высокодоговаривающиеся Государства, жить в оных, сколько кто пожелает, и купечество отправлять, также и обратный выезд иметь без всякого задержания. Товары, привозимые в Персию из мест, Российской Империи принадлежащих, и взаимно из Персии в оные вывозимые, продавать и на другие товары менять» [65, с. 73]. Подробная регламентация торговых отношений содержалась в Особом акте, подписанном одновременно с Туркманчайским мирным договором 1828 г. Статья 1 этого акта определяла, в частности, что «Российские подданные, снабженные законными паспортами, могут производить торговлю по всему пространству Персидского Государства и свободно отправляться оттуда в другия Государства, соседственные с Персией» [65, с. 76].

Статьи о торговых отношениях имелись в договорах между Ираном и Францией (1855 г.), Ираном и Соединенными Штатами Америки (1856 г.), Ираном и Германией (1873 г) [65, с. 121 — 124].

Но главными торговыми партнерами Ирана были Россия—северный сосед и Англия, имевшая форпост на Ближнем и Среднем Востоке — Индию.

Резкое увеличение объема торговли России с Ираном подтверждает следующая статистика (тыс. руб.) [70, с. 36, 53]:

Год	Экспорт	Импорт	Общий товарооборот
1857	876	3978	4 854
1901	23 486	25 482	48 968
1909	34 005	35 051	69056

Немногим более чем за полвека объем экспорта из России в Иран увеличился почти в 39 раз, импорта — в 8,8, об-

щёго товарооборота — почти в 14 раз. Основными статьями российского экспорта были хлопчатобумажные ткани, сахар, нефть, керосин, чай. Из Ирана ввозились хлопок, рыба, рис, сухофрукты, ковры. Довольно четко прослеживается сырьевой характер импорта и преобладание промышленной продукции в экспорте [70, с. 35—36]. Причем Россия, обеспеченная собственными сырьевыми ресурсами, больше нуждалась в рывках сбыта, чем и объясняется огромная разница в росте объемов экспорта и импорта.

Стремительно рос и товарооборот европейских держав с Ираном. С 1875 по 1913 г. объем их экспорта увеличился более чем в 10 раз, импорта — в 7,5, общего товарооборота — в 9 раз [70, с. 56]. В импорте преобладали сырьевые товары: масло, сыр, ценные породы дерева, гуммидрагант, зерновые, опийный мак, хлопок, шелк-сырец, красильные вещества, крупный рогатый скот, торф, драгоценные камни, бумажная пряжа и т. д. Экспортировали же европейские страны в Иран главным образом продукцию промышленной переработки: пшеничную муку, соль, сахар, чай, спирт, строительный лес, кожаные изделия, разные сорта железа, в том числе лом, стекло, зеркала, столярные и токарные изделия, медь, различные ткани, галантерейные товары и многое другое [70, с. 35].

Такой характер торговли, в отличие от традиционной купеческой, оказывал трансформирующее воздействие на производственные отношения в сельском хозяйстве. Шел процесс превращения сельскохозяйственной продукции в товарную, особенно экспортную, сулившую быстрое обогащение, началась лихорадочная скупка земель купцами, государственными чиновниками, духовенством, расширение помещичьих владений за счет скупки или насильственного захвата государственных земель или земель других феодалов, нередко были случаи и захвата вакфных земель. К концу XIX в. «практически превалирующей формой землевладения в Иране становится частновладельческая помещичья собственность» [70, с. 19]; она являлась частновладельческой лишь фактически и не была закреплена юридическими правовыми нормами.

О развитии товарно-денежных отношений в деревне и размывании натурального хозяйства можно судить по такому обобщенному показателю, как изменение формы налога. К концу XIX в. $\frac{4}{6}$ государственных налогов поступало в денежной форме и лишь $\frac{7}{6}$ — в натуральной. В бюджете 1889/90 г. денежный налог составлял примерно $\frac{3}{4}$, а натуральный — $\frac{1}{4}$. Наибольшие изменения в форме налогов отмечались в северных, более близких к России (а следовательно, и более развитых в товарно-денежном отношении) районах — Азербайджане, Хорасане, Исфахане, Гиляне [91,

с. 470, 480—481]. В этих же районах наблюдалась и высокая степень специализации сельскохозяйственного производства — переход к плантационному выращиванию технических культур: хлопка, опийного мака, чая и др.

Товаризация сельского хозяйства (за редкими исключениями) происходила не за счет капиталовложений в него, а в результате усиления феодального гнета крестьянства, отчуждения у него не только прибавочного продукта, но и части необходимого. Усилению эксплуатации способствовало и расширение денежной формы государственного налога: для того чтобы выплатить налог, крестьянин, имеющий маломощное хозяйство, вынужден был сбывать на рынке часть необходимого продукта. Сбор государственных налогов, как правило, отдавался на откуп помещикам, чиновникам, духовным и иным лицам. Пользуясь бесконтрольностью, они завышали ставки налога и присваивали его часть в свою пользу.

Так, П. А. Аверьянов писал в отчете о поездке по Северному Азербайджану в 1899 г.: «Одно селение, имевшее прежде около 170 дворов и насчитывающее теперь обитаемых только 30—40, разбежалось именно вследствие невозможных поборов муллы, взявшего это селение на откуп» (цит. по [70, с. 16—17]). Губернатор провинции Саве собрал «государственный налог», равный 105 тыс. франков, из которых положенные 25 тыс. отправил в шахюкую казну, а 80 тыс. присвоил [70, с. 27]. Переход к денежной форме налога в Азербайджане привел к тому, что ставки налогов по сравнению с натуральным налогом возросли на 50—100% [75, с. 54]. Естественно, вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьян, поскольку городское население и духовенство налогов в государственную казну не платило.

Другим средством расширения товарно-денежных отношений являлись прямые инвестиции иностранного капитала в форме концессий (подробно см. [57, с. 20—81; 70, с. 38—57; 65, с. 125—152]).

В 1872 г. английскому подданному барону Ю. Рейтеру была выдана концессия на строительство железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива сроком на 70 лет. В статье 11 концессионного договора Ю. Рейтеру предоставлялось право на эксплуатацию любых открытых им природных ископаемых, за исключением золота, серебра и драгоценных камней [65, с. 127—129]. Рейтер намеревался использовать железную дорогу как удобный транспорт для вывоза из Ирана минерального и иного сырья. Но недостаток средств, не позволивший в оговоренный срок начать работы, давление со стороны России, дворцовые интриги вынудили шаха отменить концессию.

В 1889 г. тому же барону в «утешение» была дана концессия на основание в Иране Имперского банка Персии

(в советской литературе он известен под названием Шахиншахского банка) сроком на 60 лет. Практически банк играл роль государственного банка Ирана с правом эмиссии банкнот, установления единого валютного курса и т. п. Через этот банк британские власти получили возможность контролировать всю финансовую систему Ирана. Более того, банку предоставлялось право вести разведку и осуществлять эксплуатацию на всей территории страны месторождений железа, меди, свинца, ртути, угля, нефти, марганца, буры и асбеста [57, с. 156—159].

В этой концессии явно просматривается главная цель учреждения банка: создать финансовую инфраструктуру для обеспечения добычи и вывоза минерального сырья и для ввоза промышленных товаров. В начале XX в. большинство внешнеторговых сделок осуществлялось через Шахиншахский банк.

Закладывалась и транспортная инфраструктура для обеспечения экспортно-импортных операций. В 1888 г. под давлением Англии иранское правительство издало фирман, в соответствии с которым всем иностранным судам разрешалось использовать р. Карун для перевозки товаров.

В 1901 г. по концессионному соглашению англичанину У. Ноксу д'Арси было предоставлено исключительное право на разведку, добычу и эксплуатацию нефтяных месторождений, торговлю нефтью и продажу природного газа, асфальта и озокерита на всей территории Ирана сроком на 60 лет [65, с. 134—136]. Впоследствии на основе этой концессии была создана знаменитая Англо-Персидская нефтяная компания, прибравшая к рукам все нефтяные богатства Ирана и просуществовавшая до середины XX столетия.

В получении концессий с Англией успешно соперничала Россия. Достаточно назвать концессию С. М. Лионозову на эксплуатацию рыбных промыслов в Каспийском море у берегов Ирана, концессию Я. С. Полякову на учреждение Учетно-ссудного банка Персии, концессию Л. С. Полякову на основании Персидского страхового и транспортного общества, концессию на строительство Энзелийского порта и Энзели-Тегеранской дороги с ответвлением на Решт, Кдзвино-Хамаданской дороги (тексты концессий см. [65, с. 145—148]).

Нет необходимости перечислять все концессии, выданные иностранцам в XIX — начале XX в. (а их было около полусотни). Уже из названных выше ясно, что иностранные государства, главным образом Россия и Англия, создавали в Иране производства по добыче минерального сырья, а также финансовую, транспортную, информационную инфраструктуру, обслуживающую эти производства и внешнеторговые операции по вывозу сырья и ввозу промышленных товаров. В Иране были учреждены многочисленные торговые дома

и фирмы Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии, США, России.

Следует упомянуть еще одну концессию, которая вызвала огромный скандал в Иране, проливший свет и на развитие дальнейших политических событий в стране. В 1891 г. англичанину Дж. Тальботу была предоставлена за большую взятку концессия на монопольное право производства и продажи табака и изделий из него на всей территории Ирана [65, с. 136—137].

Эта концессия вызвала взрыв негодования в Иране. Борьба против нее была развернута поистине в общенациональном масштабе. На имя шаха шли письма с протестами. Так, в письме ходжат-оль-ислама Хасана аль-Хусейна из Кербелы говорилось: «Разрешение иностранцам вмешиваться во внутренние дела государства, их общение с мусульманами, учреждение банка и табачной монополии, проведение железной дороги и пр., составляя нарушение положений славного Корана и божественных законов, ослабляют власть правительства, нарушают государственный порядок и приводят народ в бедность. Последствиями всего этого являются происшествия в Ширазе, убийство и ранения многих мусульман на святой могиле Его Святейшества Ахмеда — сына Мусы» (цит. по [57, с. 162]). Эти же мысли развивались в письме «населения Тебриза» (явно инспирированного, судя по тексту, духовенством) к шаху: «Не понимаем, какова причина отклонения некоторых правительственных чиновников с пути истины и стремления их притеснениями и неправдами отнять у нас наш всехвальный Коран. Разве не сам великий Аллах сказал в святом Коране: „Никогда Аллах не допустит, чтобы мусульмане подчинялись неверным“... Так, например, почему мы должны лишиться табака — этой собственности нашей по праву и быть принужденными силой продавать по дешевой цене нашу чистую и неоскверненную законную собственность неверным и вновь покупать ее у неверных по той же цене, но опоганенную? Не служит ли это обстоятельство доказательством власти неверных над правоверными? Требуются ли еще более веские доказательства того, что порабощение мусульман, с одной стороны, и сила и могущество неверных, с другой, доходят до крайних пределов?.. Если правосудный наш повелитель силою пожелал бы подчинить нас неверным, то мы вынуждены будем послушаться и выйти из повиновения милостливейшего нашего повелителя, к чему он, сам принуждает нас... Лучше нам сразу быть убитыми, чем путаться в сетях и ухищрениях неверных, из которых выпутаться невозможно! Лучше пусть погибнут мусульмане, чем остаться им в презрении под властью неверных» (цит. по [57, с. 163—165]).

Выдержки из этих писем наглядно раскрывают умона-

строения духовенства, которые оно, пользуясь религиозным авторитетом, внедряло в сознание народа. Здесь и обвинения; шаха и правительства в «распродаже родины», в слабости и неспособности «навести порядок» (т. е. сохранить в неприкосновенности феодальные порядки), в покушении на «священные идеалы», и угроза поднять народ против «милостливейшего повелителя», и предупреждение, что «все, как один, умрем в борьбе...»

И духовенство подняло народ на митинги и демонстрации, которые не обошлись без человеческих жертв. Глава шиитского духовенства Мохаммад Хасан Ширази издал фетву о запрете курения табака по всей стране. Под давлением этих событий шах вынужден был аннулировать табачную концессию. Для выплаты Дж. Тальботу компенсации за убытки, понесенные из-за отмены концессии, шахское правительство вынуждено было сделать у Шахиншахского банка заем в размере 500 тыс. ф. ст. [70, с. 45].

Секрет полишинеля заключался, однако, в том, что значительная часть производства и продажи табака находилась в руках духовенства, /которое в случае реализации концессии лишилось бы доходов от этой отрасли. Следовательно, решалось, кто будет эксплуатировать и грабить иранский народ — иностранцы или местные феодалы, духовенство, чиновники и торговцы.

Политическое и экономическое закабаление Ирана западными державами, навязывание ему грабительских концессий, предоставление займов, сопровождаемых политическими условиями, неэквивалентный торговый обмен — эти факты отрицать невозможно. Но вместе с тем западные державы, преследуя собственные интересы, объективно способствовали возникновению и развитию буржуазных отношений в Иране, создавали условия для его перехода на исторически более прогрессивный путь капиталистического развития. Без «внешнего» воздействия Иран совершить такой переход не мог — этому препятствовала система существовавших в нем общественных отношений. Сохранение же феодализма вело страну в тупик. Превращение Ирана в полуконию пусть медленно, но все же подрывало феодальные устои в стране.

Однако происходил этот процесс не так (или не совсем так), как в Европе, что было обусловлено «вторичным» развитием капитализма в Иране. Иностранные торговцы, как правило, имели дело с крупными партиями сырья и промышленными товарами. Из-за своей относительной малочисленности они не могли вести мелкорозничную торговлю или скупать сырье у массы мелких крестьян — арендаторов земли. Функцию «собиранья» сырья в большие партии выполняли местные агенты. Обычно это были крупные феодалы, которые за счет больших размеров своих владений могли накапливать

значительную массу сырья, эксплуатируя феодальными методами крестьян, арендовавших у них землю. Более мелкие владельцы земли, в том числе «новые» владельцы, купившие землю (торговцы, чиновники и т. п.) продавали сырье либо непосредственно иностранным торговым домам (если у них была такая возможность), либо более крупным иранским торговцам-оптовикам, а уже те непосредственно или опять через вторые-третьи руки — иностранным торговцам. Таким образом создавалась разветвленная сеть торговцев-перекупщиков, через которую сырье поступало на внешний рынок.

Такая же ситуация наблюдалась и в торговле импортными промышленными товарами. Иностранные торговцы ввозили большие партии товаров, которые перекупались крупными местными оптовиками, а затем через сеть мелких оптовиков и розничных торговцев распространялись по территории Ирана. Зачастую роль оптовиков выполняли те же крупные феодалы, продававшие сырье и скупавшие на вырученные деньги партии промышленных товаров. Нередко в роли таких крупных феодалов выступали и представители духовенства, владевшие обширными вакфными землями. Тем самым их социальный статус менялся. Они утрачивали чисто феодальный характер и превращались в торговую буржуазию, частично сохранявшую феодальные черты.

По мере развития товарно-денежных отношений формировался слой торговой буржуазии. Но торговая буржуазия в Иране была прямо или косвенно связана с землевладением. С одной стороны, она старыми феодальными методами эксплуатировала крестьянство, выжимая из него товарную продукцию, с другой — участвовала в буржуазных отношениях обмена с капиталистической метрополией.

Эти процессы свидетельствовали, что буржуазные отношения в Иране развивались в форме торгового капитализма. Складывался новый тип отношений — полубуржуазный-полуфеодальный, появились тенденции к переходу от феодального к полуфеодальному обществу.

Этот тип отношений, во-первых, не вызывал объективной необходимости в развитии национальной промышленности, поскольку торговый капитал был заинтересован во ввозе промышленных товаров, изготовленных в метрополии; во-вторых, не требовал ликвидации всех феодальных отношений, так как именно за счет феодальной эксплуатации крестьянства торговый капитал получал необходимое для продажи на мировом рынке сырье.

К началу XX в. торговая буржуазия распространила влияние отнюдь не на все экономическое пространство. Наряду с ней существовали и «чистые» феодальные землевладельцы, и «чистые» торговцы-купцы, и обширные пласты натурального хозяйства. Но она составляла новый, динамично растущий

социально-экономический слой, и он все больше нуждался в юридическом оформлении своих прав, в законодательном регулировании отношений, субъектом которых он являлся.

Пока не существовало иных отношений, кроме феодальных, феодальный произвол воспринимался как норма жизни. Единственным условием существования феодала было владение землей. Землю он мог получить в условное пользование от правителя за усердную службу или иные заслуги. Для того чтобы сохранить право владения, он должен был постоянно подтверждать верность правителю и терпеть любое нерасположение последнего, любой произвол. Но так было только до возникновения буржуазных отношений. Феодал, купец, чиновник или духовное лицо, занявшись торговыми операциями с метрополией, оказывались в другой системе экономических координат, у них появлялась иная сфера воспроизводства жизни, действующая по законам, отличным от законов деспотического феодального общества. И в этих условиях феодальный произвол властей становился для них нетерпимым. В целом он превращался в помеху дальнейшему развитию торгового капитализма.

Но торговая буржуазия была заинтересована не в ликвидации феодализма, а в ограничении феодальных отношений, в сохранении тех из них, которые обеспечивали жизнедеятельность торгового капитала. Одновременно ей было необходимо юридически закрепить уже фактически существующую частную собственность на землю и товарную продукцию.

Именно эти интересы торговой буржуазии определили характер революции 1905—1911 гг.—первой буржуазной революции в Иране². Но, согласно теории революции, политическая борьба не является прямым выражением изменений в экономических отношениях. Центральным пунктом борьбы стало конституционное движение, в которое оказались втянутыми различные социально-классовые и политические силы, причем не только национальные, но и инациональные. Спектр интересов и целей участников этого движения был чрезвычайно широк — от крайне правых до ультралевых.

«Чисто» феодальные помещики- в развитии товарно-денежных отношений и размывании натурального хозяйства видели угрозу экономической основе своего существования. Духовенство опасалось, что развитие буржуазных отношений и распространение в стране буржуазной идеологии может привести к подрыву исламских устоев, а следовательно, и к ослаблению его влияния в обществе. Более того, владельцы вакфных (Земель, мало чем отличающиеся от феодалов, также с тревогой наблюдали за процессом товаризации и разложением натурального хозяйства. Скупка и насильственный захват земель «новыми» помещиками, торговцами, чиновниками не обошли и вакфных владений духовенства. Расшире-

ние буржуазного права наследования могло нарушить традицию передачи в опеку или завещания земель и иного имущества мечетям и духовным лицам высокого звания. Представители духовенства, «по совместительству» занимавшиеся купеческой торговлей или контролировавшие определенное ремесленное производство, были недовольны, что ввоз иностранных товаров подрывает эти виды деятельности. По этой же причине выражали недовольство ремесленники, которых разоряла конкуренция иностранных товаров. Среди крестьянства рос протест против усиления и феодальной эксплуатации, и налогового гнета, что было связано со стремлением выжать из крестьянских хозяйств как можно больше продукции, чтобы превратить ее в товар. Кроме того, в деревне рушился привычный, складывавшийся веками образ жизни, что не могло не сказываться на психологическом состоянии крестьянства, втягиваемого в новые отношения.

Центральные власти оказывались между молотом и наковальней. Феодальные помещики, консервативное духовенство, традиционное купечество, ремесленники, крестьянство главную причину своих бед видели в неспособности шахской власти противостоять нажиму иностранных держав, в грабительских займах, которые правительство вынуждено было брать у них, в широкой раздаче иностранцам концессий, предоставлении им различного рода привилегий — в неспособности сохранить старые порядки.

Торгово-ростовщическую буржуазию (обуржуазившихся представителей феодалов, торговцев, духовенства, чиновничества) не устраивало то, что шахская власть не желала в силу своего феодально-деспотического характера обеспечить права и интересы этого нового предпринимательского слоя.

Национальная торговая буржуазия зачастую возражала против конкуренции иностранного торгового капитала, который пользовался преимуществами, предоставленными ему шахом под нажимом западных держав. Она не осознавала, что без иностранного торгового капитала невозможно функционирование и национального.

Таким образом, конституционное движение было вызвано сложнейшим переплетением противоречий между различными социально-классовыми слоями и политическими силами, каждая из которых рассматривала введение конституции и создание парламента как средство удовлетворения собственных интересов.

На первом этапе в конституционном движении лидирующую роль играли консервативные силы, в первую очередь и высшее духовенство. Это отразилось на содержании Основного закона, разработанного меджлисом и подписанного шахом Мозаффар эд-Дином 30 декабря 1906 г.

Помимо статей, определяющих порядок выборов в меджлис и регламентирующих его работу, в Основном законе 1906 г. были включены следующие статьи: «Статья 23. Без одобрения меджлиса правительство не имеет права предоставлять концессии на учреждение компаний или товариществ в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было наименованием. Статья 24. Для заключения договоров и соглашений, предоставления торговых, промышленных, сельскохозяйственных или иных монополий своим, а также иностранным подданным требуется одобрение меджлиса, за исключением лишь тех договоров, которые в интересах государства и народа должны сохраняться в тайне. Статья 25. Государственные займы всякого рода, внутренние или внешние, должны заключаться лишь с ведома и одобрения меджлиса. Статья 26. Для постройки железных дорог или шоссе на государственные средства либо на средства товариществ или компаний, своих или иностранных, требуется одобрение меджлиса» [65, с. 167].

Включение в Основной закон этих статей (фактически единственных, касающихся политического и экономического курса меджлиса) свидетельствовало о (прикрытом благими патриотическими намерениями стремлении консервативных сил попользовать парламент для того, чтобы затормозить развитие буржуазных отношений в стране, оградить собственные экономические интересы и политические привилегии от разрушающего воздействия иностранного капитала.

Ситуация изменилась, когда в заседании меджлиса приняли участие депутаты от экономического более развитых северных районов, в частности от Тебриза, прибывшие в Тегеран позднее других. Они потребовали дополнить Основной закон и установить в Иране конституционную монархию. Началось упорное противоборство представителей консервативных феодально-исламских сил и радикально настроенных кругов торговой буржуазии в парламенте и вне его.

Одновременно шахские власти использовали любой случай для борьбы против парламента. В стране начались крестьянские волнения, особенно в северных провинциях. Крестьяне жгли и грабили помещичьи усадьбы, прекращали платить налоги, имели место случаи убийств помещиков и шахских сановников. Масло в огонь подливали российские революционеры самых разных идейных направлений — от анархистов до большевиков, прибывавшие сотнями в Иран. Немного позже, в 1909 г., в Иран был послан Серго Орджоникидзе для помощи в организации революционных (в большевистском понимании) действий. Конституционное движение пыталось использовать Англия и Россия, стремясь обойти друг друга в конкурентной борьбе за влияние в Иране. Духовенство организовало по всей стране кампанию бойкота ино-

странных товаров. В некоторых городах подстрекаемые духовенством толпы громили помещения и грабили имущество иностранных компаний, их деятельности чинились всевозможные препятствия и т. п. В конституционном движении оказались переплетенными консервативные, реформистские, радикальные, левацкие, антизападные и прозападные линии борьбы.

В этих условиях меджлисом были разработаны Дополнения к Основному закону. В их содержании отразилась как борьба феодально-клерикальных и буржуазно-радикальных сил в парламенте, так и достигнутый компромисс между ними. В статье 2 провозглашалось, что «законы меджлиса не должны противоречить священным правилам ислама». Предусматривалось создание комитета из пяти и более высших духовных лиц «с тем, чтобы они внимательно рассматривали вносимые в оба собрания (в меджлис и сенат.— Л. С.) предложения и отвергали полностью или частично те из них, которые расходятся со священными правилами ислама, чтобы они не получили силы закона» [65, с. 169]. Тем самым духовенство добилось законодательного права отвергать любые законопроекты, если они противоречат его интересам и интересам тех социально-классовых слоев, которых духовенство считало своими союзниками.

Ряд других статей вводил фактически буржуазные правовые нормы: равенство всех перед законом; неприкосновенность жизни, имущества и чести граждан; неприкосновенность жилища; заключение под стражу только по решению суда и в соответствии с законом; охрана прав собственности; свобода слова, печати, собраний, корреспонденции. Провозглашалось разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, при этом учреждался гражданский суд, шариатским судам оставлялись лишь дела, касающиеся вопросов религии.

В Дополнениях было зафиксировано, что шах может занять престол лишь после того, как принесет присягу в меджлисе. Вводилась ответственность правительства перед парламентом и право парламента увольнять в отставку весь состав правительства или любого министра.

После неудачной попытки разогнать парламента Мохаммед Али-шах был вынужден 7 декабря 1907 г. подписать Дополнения к Основному закону.

Но принятие Дополнений было лишь временным успехом буржуазно-демократических сил. На этом борьба не кончилась. В истории конституционного движения были и разгон парламента Мохаммед Али-шахом, и восстания в Тебризе и Реште, и поход бахтиярских ханов с юга и повстанцев с севера на Тегеран, и смещение Мохаммед Али-шаха с престола в пользу его 14-летнего сына, и созыв нового пар-

ламент, и провалившаяся попытка Мохаммед Али-шаха вернуть престол, и многое другое. Все эти события сопровождались постоянными волнениями в городах (вызываемыми то консервативным духовенством, то буржуазными демократами), крестьянскими бунтами, усилением деятельности российских революционеров в Иране. В итоге Англия и Россия, раздраженные «персидской смутой», затрагивающей их экономические интересы в Иране, а также тем, что для реорганизации финансовой системы иранское правительство пригласило американскую миссию М. Шустера, попытавшуюся установить контроль США над Ираном, организовали в 1911 г. вооруженную интервенцию (соответственно с юга и с севера) и положили конец длившимся шесть лет бурным событиям конституционного движения в Иране.

Первая иранская буржуазная революция потерпела поражение — поражение в том смысле, что политическая борьба не привела к необходимым изменениям в надстройке. Парламент, хотя и с перерывами, продолжал формально существовать, но влияния на дела в стране не оказывал³. К тому же он сильно «поправел» по сравнению с парламентом первого созыва. Конституция хотя и не была отменена, большинство ее прогрессивных положений оставалось на бумаге и не выполнялось.

Но поражение политической революции не остановило революцию социальную. Торговый капитализм продолжал развиваться, несмотря на неблагоприятные условия, и, следовательно, сохранялась проблема, которую не смогла решить революция 1905—1911 гг.: привести надстройку в соответствие с теми базисными сдвигами, которые произошли к этому времени.

Реализация этой задачи стала возможной после того, как в феврале 1921 г. малоизвестный полковник казачьей дивизии Реза-хана совершил государственный переворот и, пройдя путь от военного министра до премьер-министра, в 1925 г. добился низложения последнего шаха Каджарской династии и был провозглашен новым шахом Ирана (основавшим династию Пехлеви).

По внутренним убеждениям Реза-хан был патриотом-националистом. Об этом свидетельствовало его первое публичное заявление, сделанное сразу после переворота 1921 г.: «Наша цель — установить... сильное правительство, которое создаст мощную и достойную уважения армию, потому что могучая армия это единственное средство спасти страну от того униженного положения, в котором она находится. Мы хотим установить правительство, которое не будет дискриминироваться ни гилянцами, ни тебризцами, ни кермаяцами. Мы хотим установить правительство, которое не будет инструментом иностранных политиков» (цит. по [37, с. 43]).

И первое, с чего начал деятельность Реза-хан, — это восстановление власти центрального правительства на всей территории Ирана, борьба против «правого» и «левого» сепаратизма. Северные, прикаспийские провинции находились под контролем повстанцев, которые в результате так называемой Гилянской революции в 1920 г. при поддержке и прямом участии большевиков провозгласили Гилянскую Советскую Республику⁴. Другие провинции были под властью различных ханов и вождей племен. В течение 1921—1925 гг. Реза-хан подавил повстанческое движение в Азербайджане и Гиляне, усмирил и разоружил мятежные племена в Хузестаяе, Курдистане, Луристане, Астарабаде, Хорасане. Шахское правительство установило контроль над центральной, северной и северо-западной частью страны. Относительную независимость сохраняли лишь ханы и вожди племен в южных, наиболее отсталых провинциях — Фарсе, Кермане, Белуджистане.

Осуществленная Реза-ханом централизация страны, с одной стороны, создавала более благоприятные условия для деятельности торговой буржуазии, с другой стороны, была необходима для проведения буржуазных реформ и создания относительно единого экономического пространства.

К реформам Реза-шах приступил сразу после восшествия на престол в 1925 г. В течение трех лет были разработаны и приняты свод коммерческих законов, уголовный и гражданский кодексы. Особое значение имело законодательное закрепление права частной собственности на землю. Была реорганизована система судопроизводства и все гражданские дела изъяты из юрисдикции шариатских судов. К гражданским судам переходила и прерогатива оформления всех документов, а также регистрации недвижимости. В судебной практике шариатские нормы были заменены нормами буржуазного права, взятыми главным образом из французских и бельгийских уголовных и гражданских кодексов. Были созданы буржуазные правовые институты: прокурорский надзор, адвокатура, нотариат, различные судебные инстанции, в том числе военные трибуналы, суды по делам гражданских служащих, коммерческие суды и т. п. [37, с. 49—50].

В 20-е годы осуществлялась административная реформа: создавался централизованный государственный аппарат управления, охватывающий как высшие исполнительные органы власти, так и власть на местах.

Эти две крупные реформы если не полностью уничтожили, то в значительной степени ограничили судебный «политический произвол феодально-клерикальных кругов, положили конец феодальной раздробленности страны.

Реорганизации подверглась финансовая система и система налогообложения. В 1928 г. был создан Национальный банк Ирана.

В 1927 г. парламент принял закон о всеобщем начальном образовании, в котором был заложен принцип секуляризации школы.

Государство стремилось внедрять в общественное сознание элементы буржуазной идеологии. Печать активно пропагандировала европейский образ жизни, нормы и правила поведения, ратовала за раскрепощение женщин — за отказ от чадры и за их участие в экономической и общественно-политической деятельности.

В 1927 г. указом шаха был отменен режим капитуляций, а в 1928 г. расторгнуты неравноправные договоры с **иностран-ными** державами, после чего большинство из них заключило с Ираном новые торговые соглашения на более благоприятных для Ирана условиях. Одновременно была реорганизована таможенная система и упорядочен сбор пошлин.

Эти реформы Реза-шах проводил, исходя из собственного понимания национальных интересов страны. Но они отвечали и интересам торгового капитала, потребностям дальнейшего развития товарно-денежных отношений. Торговый капитализм как система экономических, политических, юридических и идеологических отношений получил законодательное закрепление.

Следовательно, во второй половине 20-х годов надстройка была приведена в соответствие с происшедшими изменениями в базе. И с этой точки зрения политический переворот Реза-хана и последовавшую реформу надстройки следует рассматривать как завершение первого этапа буржуазной политической революции в Иране.

Шахское правительство осуществляло и экономические проекты. Быстрыми темпами развивалась транспортная инфраструктура, обслуживавшая потребности торговли. К 1941 г. общая протяженность автомобильных дорог составила 25,1 тыс. км (в 1913 г. — 1 тыс. км), парк автомобилей — 16170, из них больше половины — грузовые. В 1938 г. была построена трансиранская железная дорога протяженностью 1394 км от Каспийского моря до Персидского залива. К 1941 г. протяженность железных дорог составила 2132 км [61, с. 66, 130—131].

Режим Реза-шаха пытался создать и национальную промышленность, но без особого успеха, хотя и было построено несколько десятков предприятий, в основном текстильной, пищевой, строительной и военной отраслей. Это подтверждало, что торговый капитализм не нуждался в национальной промышленности.

В 20—30-е годы торговый капитализм как система полностью сложился, и в дальнейшем происходило его развитие вширь, совершенствование механизма его функционирования, усложнение внутренних связей. В товарно-денежные отноше-

ния втягивалось все большее число мелких и крупных землевладельцев, крестьян-арендаторов и собственников земли, представителей купечества, духовенства и т. п. Шел раздел сфер влияния между различными семейными кланами во внешней и внутренней торговле.

Аграрной политикой Реза-шах укреплял полуфеодалное землевладение, так как объективных условий для ликвидации феодализма в Иране не существовало, а методами политического насилия нельзя ликвидировать производственные отношения, в частности феодальные. Политическая революция уничтожает не производственные отношения, а отменяет юридические отношения собственности, когда они перестают адекватно отражать уже фактически изменившиеся отношения производства, когда помещик перестает быть функционально необходимым элементом в процессе производства и распределения сельскохозяйственной продукции, но все еще сохраняет формально-юридическое право собственности на землю.

А во времена Реза-шаха борьба против феодализма как системы была попросту невозможна. Во-первых, перевод крупного землевладения на капиталистические рельсы требовал большого количества сельскохозяйственной техники, удобрений, гербицидов и т. п. Государство всем этим обеспечить не могло, а феодальные и полуфеодальные /помещики • были в этом не заинтересованы. Уничтожение же помещиков привело бы не к ликвидации феодализма, а к развалу сельского хозяйства: рыночные структуры (к тому же больше ориентированные на вздешнюю торговлю) не были развиты до такой степени, чтобы крестьяне в массовом порядке могли самостоятельно выйти со своей продукцией на внутренний рынок.

Во-вторых, полуфеодалная форма землевладения, феодальные методы эксплуатации крестьян с целью получения товарной продукции были неотъемлемой частью системы торгового капитализма, без которой он не мог функционировать. Так что Реза-шах, будучи выходцем из семьи мелкого землевладельца и не питая «родственных» чувств к земельной аристократии, проявил государственную мудрость, не поддавшись искушению сочетать борьбу за буржуазные изменения с борьбой против крупного помещичьего землевладения. В противном случае он добился бы только дезорганизации всей экономики, что могло стоить ему трона.

И все-таки Реза-шах потерял трон, хотя и не по своей вине. В сентябре 1941 г., воспользовавшись положениями советско-иранского договора от 1921 г., Советский Союз ввел войска на территорию Ирана. Предлогом для этого послужило то, что иранское правительство не приняло мер к ликвидации на своей территории разведывательно-диверсион-

ной сети фашистской Германии⁵. Одновременно с юга ввела войска в Иран и Англия. В 1942 г. в Иран ввели войска США.

Реза-шах, посчитав оскорбительным оставаться главой государства в оккупированной стране, а следовательно, я подчиняться оккупационным властям, отрекся от престола в пользу своего 22-летнего сына Мохаммеда Реза Пехлеви и покинул страну.

С точки зрения дальнейшего развития торгового капитализма в стране вторая мировая война для Ирана обернулась по крайней мере двумя крупными последствиями. Во-первых, отречение Реза-шаха и ослабление центральной власти привели к активизации на политической сцене феодально-клерикальных кругов, к усилению «самостийности» ханов и вождей племен. Возрождение "феодальных элементов в политике негативно отражалось на условиях деятельности торговой буржуазии.

Во-вторых, боевые действия воюющих держав на суше и на море нарушали традиционные, устоявшиеся каналы вывоза сырья и ввоза промышленных товаров. В частности, удельный вес Германии во внешней торговле Ирана в 1940/41 г. составлял 45,5%. С вводом советских и английских войск этот канал торговли был полностью перекрыт, что привело к разорению многих торговцев. Доля СССР до 1938/39 г. составляла 34%. Но в 1938/39 г. она упала до 11,5%, а в 1939/40 г.—до 0,5% [51, с. 135—136]. Такие перепады за столь короткий срок не могли не сказаться отрицательно на производителях сырья и торговцах, ориентированных на экспорт продукции в СССР.

В целом война привела к упадку экономики Ирана, к дезорганизации хозяйственной деятельности. Сложилась ситуация, когда сырье и сельскохозяйственную продукцию некуда вывозить, а промышленные товары неоткуда ввозить. Такое положение вызывало объективную необходимость обеспечить переработку сырья и производство промышленных товаров в национальных границах.

Пока шла война, не было и речи, чтобы приступить к выполнению этой задачи. А после окончания войны субъективная политическая борьба в стране приняла формы, неадекватные объективным экономическим потребностям.

В 1945 г. на севере Ирана—в Азербайджане в условиях присутствия советских войск развернулось селаратистское движение, спровоцированное Демократической партией Азербайджана (ДПА), которая была создана по инициативе сталинского партийно-государственного руководства из иранских политэмигрантов, находившихся на территории СССР, в основном в советском Азербайджане. В конце 1945 г. в иранском Азербайджане было создано Национальное собра-

ние, провозгласившее Демократическую республику Азербайджан, образовано независимое от Тегерана правительство.

Руководители ДПА в общем-то не скрывали, что их конечная цель — добиться присоединения иранского Азербайджана к советскому. Самую активную роль в этой аванюре играл первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М. Д. Багиров⁶. Начав проводить на территории Азербайджана «революционные» реформы (введение 8-часового рабочего дня, оплачиваемые отпуска, создание профсоюзов, бесплатная раздача крестьянам земель бежавших из провинции помещиков и т. п.), руководство ДПА до предела обострило экономическую ситуацию в провинции и противоречия между различными социальными слоями. После того как СССР был вынужден в 1946 г. вывести свои войска из иранского Азербайджана, Азербайджанская республика рухнула. Вошедшие в провинцию войска центрального правительства разгромили остатки ДПА, не успевшие уйти с советскими войсками на территорию СССР⁷.

В общеиранском масштабе политическая борьба вылилась в движение -за национализацию нефти, возглавленное М. Мосаддыком и созданной им в 1949 г. организацией Национальный фронт (подробно см. [32, с. 71—154]). На волне этого движения меджлис 28 апреля 1951 г. единогласно принял закон о национализации Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК). На следующий день меджлис утвердил назначение Мосаддыка премьер-министром.

Теоретически расчет Мосаддыка и поддерживавших его •буржуазных кругов был верен: за счет доходов от национализированной нефтяной промышленности обеспечить экономическое, в том числе и промышленное, развитие страны. «Доходами от нефти,— указывал он,— мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец бедности, невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся нашей страны. Упразднение АИНК послужит ликвидации орудия империализма в Иране и позволит стране добиться экономической и политической самостоятельности» (цит. по [73, с. 171]).

Однако «антиимпериализм» Мосаддыка и других участников движения привел к обратному результату. Западный мир объявил бойкот иранской нефти, в результате чего ее производство и продажа упали до нуля, лишив Иран большей части валютных поступлений, что усугубило кризис в экономике. В результате был нанесен сокрушительный удар по интересам торговой буржуазии, поскольку резко сократился импорт иностранных товаров, закупавшихся государством. Да валюту и перераспределявшихся в стране через торговую •буржуазию. Стала абсолютно недостижимой и задача созда-

ния национальной 'Промышленности, так как необходимое: для этого промышленное оборудование можно было приобрести только за валюту и в основном на Западе. Таким образом, «националистический экстремизм» Мосаддыка противоречил объективным национальным интересам страны.

Плохую услугу Мосаддыку оказала Народная партия Ирана (НПИ), поддержав его в борьбе за национализацию нефти. НПИ в этот период приобрела большую популярность и поддержку широких масс. Это *ш* неудивительно¹. В обстановке глубочайшего кризиса, «антиимпериалистической эйфории», охватившей все общество, популистские лозунги, призывы к демократии, социальной (Справедливости, освобождению от национальных и иностранных угнетателей не могли не вызывать отклик у простых тружеников, неискушенных в политических хитросплетениях и не понимавших всей сложности и взаимозависимости как внутренних, так и внешних общественно-экономических связей и условий. Но, идейно воспитанные в духе сталинского, догматического варианта марксизма-ленинизма, руководители НПИ не могли выдвинуть реалистичную программу выхода из кризиса.

Растущее же влияние НПИ в массах не устраивало как консерваторов, так и буржуазных демократов. И в Иране, и на Западе для политиков не было секрета в том, что за спиной НПИ стоит СССР⁸. Поэтому Мосаддык, пользовавшийся поддержкой (хотя и непоследовательной) НПИ, все больше утрачивал доверие других социальных и политических сил. Естественно, это являлось не 'единственной причиной, но и она играла роль. Своеобразный альянс Мосаддыка с НПИ был совершенно неприемлем и для Запада. Правительство Мосаддыка было обречено и в августе 1953 г. пало в результате заговора, составленного придворными кругами, представителями армии, духовенства, земельной аристократии и ЦРУ.

События 1951—1953 гг. можно охарактеризовать как политический переворот, который так и не перерос в политическую революцию. И' хотя объективная необходимость нового этапа социальной революции, т. е. перехода от торгового капитализма к промышленному, уже назрела, падение правительства Мосаддыка свидетельствовало о том, что политические условия, как внутренние, так и внешние, для такого перехода еще не сложились. Но это отнюдь не означает, что борьба за национализацию нефти была бессмысленной с точки зрения развития революционного процесса: на политическом уровне он, в сущности, так и развивается — методом проб и ошибок, поскольку никому не дано заранее с абсолютной точностью высчитать, в какой именно момент развития социальной революции следует осуществить революцию политическую. Этот момент всегда «нащупывается»

практическим путем, а потому поражения неизбежны, если оказывается, что борьба начата преждевременно.

После свержения правительства Мосаддыка АИНК была преобразована в Международный нефтяной консорциум (МНК), в котором ведущие позиции заняли американские нефтяные монополии, и в целом США потеснили Англию в Иране. Под нажимом национального торгового капитала и администрации США иранское правительство провозгласило политику «открытых дверей», и в страну хлынул поток относительно дешевых, в основном американских, товаров. Это вело к разорению ремесленников, подрыву и без того слаборазвитых национальных отраслей легкой и пищевой промышленности.

Упадок переживало сельское хозяйство, на котором отражались падение спроса на сельскохозяйственную продукцию и снижение цен на нее на мировом рынке. С целью не потерять своих доходов помещики были вынуждены усиливать эксплуатацию крестьян. Об упадке сельского хозяйства свидетельствует такой факт: с середины 50-х до середины 60-х годов Иран только из США ввез муки и зерна на 43,1 млн. долл. Ввоз пшеницы в 1960/61 г. составил около 500 тыс. т [51, с. 285, 297].

Разница в ценах на сельскохозяйственную продукцию, сырье, в том числе минеральное, и на промышленные товары на мировом рынке, превышение импорта над экспортом увеличивали дефицит торгового баланса. Так, в 1954/55 г. иранский экспорт (без нефти) равнялся 7,4 млрд. риалов, импорт—10,2 млрд. риалов. Этот разрыв быстро рос. В 1958/59 г. экспорт составлял 7,7 млрд. риалов, импорт—41,7 млрд. риалов [106, 08.05.1965; 82, с. 141]. Для покрытия дефицита и растущих государственных расходов, в том числе на реорганизацию и вооружение армии (в 1955 г. Иран стал членом Багдадского пакта), правительство вынуждено было прибегать к иностранным займам. В 1955—1962 гг. Иран получил займов и кредитов на сумму свыше 500 млн. долл. [51, с. 281]. Валютные платежи в счет погашения займов в конце 50-х годов превысили новые валютные поступления.

Итак, в 50-е годы Иран вступил в полосу затяжного экономического кризиса. В общем виде причина этого кризиса заключалась в том, что на протяжении почти 100 лет Иран главным образом вывозил сельскохозяйственное и минеральное сырье и ввозил готовые промышленные товары, т. е. «продал» национальные ресурсы. И если еще в 30-е годы торго-^{bb1}ый капитализм играл прогрессивную роль, размывая «чистые» феодальные отношения, способствуя становлению национального рынка, развивая инфраструктуру, то уже к концу 50-х годов он превратился в консервативную систему.

препятствующую развитию производительных сил, усиливающую стагнацию экономики.

Перед Ираном с еще большей очевидностью встала та же задача, которая наметилась после окончания второй мировой войны и не была решена в период политической борьбы 1945—1953 гг.,— потребность соединить в национальных рамках все циклы капиталистического воспроизводства. Возникла объективная необходимость перехода от торгового капитализма к промышленному.

Выполнение этой задачи было невозможно без реформы аграрных отношений. Пока торговый капитал мог существовать за счет феодальной эксплуатации крестьянства, его нельзя было заставить вкладывать средства в развитие промышленности. Следовательно, необходимо было поставить его в такие экономические условия существования, при которых у него не будет иного выбора. И условия для такой реформы в Иране в основном созрели.

Во-первых, «удельный вес землевладения крупных и средних помещиков в общем фонде обрабатываемых площадей приблизительно с 60% в середине 20-х годов... сократился (учитывая их долю в „смешанных“ видах землевладения) до 40% в середине 50-х годов. В то же время удельный вес хордemaleков (мелких помещиков и крестьян) увеличился в общем фонде обрабатываемых площадей приблизительно с 30 до 45%» [45, с. 85]. Остальные площади приходились на долю государственных, вакфных и иных категорий земель.

Во-вторых, по сравнению с 20-ми годами внутренний рынок сельскохозяйственной продукции к началу 60-х годов значительно развился. Большая доля крестьян могла уже самостоятельно (через посредников и перекупщиков) выходить со своей продукцией на рынок, выплачивая землевладельцу деньгами арендную плату за землю. Землевладелец, не вкладывая средства в развитие сельского хозяйства и практически не участвуя непосредственно в процессе производства, получал лишь арендную плату, поскольку формально-юридически оставался собственником земли.

В-третьих, мелкие помещики и даже часть средних сами были заинтересованы в переходе на интенсивные методы хозяйствования, поскольку прежними, феодальными методами было уже невозможно увеличивать выход товарной продукции, а еще большая степень эксплуатации крестьянства могла вызвать социальный взрыв.

В-четвертых, уже к концу 50-х годов в деревне началось брожение, выливавшееся в отдельных местах в открытые выступления против усиливавшегося гнета помещиков и торгово-ростовщического капитала.

Таким образом, намечавшаяся шахом аграрная реформа не была волюнтаристской «ликвидацией» феодальных отно-

шений. Она учитывала объективные сдвиги, уже происшедшие в сельском хозяйстве, хотя и не на всем его пространстве.

Необходимость аграрной реформы диктовалась не только экономическими, но и политическими соображениями. Крупные землевладельцы, опираясь на экономическое могущество, и представители высшего духовенства, используя религиозный авторитет, через своих представителей фактически контролировали парламент и правительство и оказывали существенное влияние на государственную политику. Без ограничения крупного землевладения и подрыва политической власти земельной аристократии в союзе с духовенством нечего было и думать о крупных реформах в экономике.

К концу 50-х годов в Иране сложились начальные условия для становления промышленного капитализма. Полумили определенное развитие инфраструктурные отрасли, необходимые для функционирования промышленного производства: централизованная финансовая система, транспорт, связь, энергетика; существовали производство сырья и широкая сеть сбыта промышленных товаров. Единственное, чего не хватало для перехода к промышленному капитализму,— это комплексной системы предприятий тяжелой и легкой промышленности.

Более благоприятной для Ирана была и международная обстановка. Во-первых, в политике шахского режима отсутствовал «антиимпериализм» и «антикапитализм», что обеспечивало благосклонное к нему отношение западных держав, а следовательно, он мог надеяться на возможность экономического сотрудничества с ними в создании национальной промышленности. Во-вторых, происшедшие «революции» в Египте (1952 г.) и Ираке (1958 г.), развертывание национально-освободительного движения в других странах Ближнего и Среднего Востока, которое СССР стремился использовать для проникновения в этот регион,— все это придавало Ирану особое геополитическое значение в свете «доктрины Эйзенхауэра» по «отбрасыванию коммунизма».

Естественно, эту роль в регионе Иран мог играть, только являясь экономически сильным государством. На развитие Ирама США выделили в 1949—1962 гг. 404,2 млн. долл. Военная помощь за это время составила 563 млн. долл. [96]. Но при существовавшей в стране экономической структуре эти средства уходили «в песок», в основном «проедались». Так, по семилетнему плану (1955—1962) на развитие промышленности было выделено 15% бюджета, а реально израсходовано всего 8%. Поэтому США требовали коренного реформирования экономической структуры в качестве условия дальнейшего предоставления помощи⁹.

Однако попытки Мохаммеда Реза Пехлеви приступить к

реформам натолкнулись на сопротивление земельной аристократии и духовенства. Выдвигавшиеся шахским правительством законопроекты аграрной реформы либо проваливались парламентом, в котором большинство принадлежало этим двум слоям, либо в них вносились поправки, которые выхолащивали смысл реформы. С целью добиться нужного состава парламента шах дважды, в 1960 и 1961 гг., аннулировал результаты парламентских выборов и в конечном счете в мае 1961 г. издал указ о роспуске меджлиса на неопределенный срок «(ввиду необходимости принять решения и провести ряд радикальных и позитивных реформ во всех областях жизни страны», для чего «на пути Правительства, предпринимающего главные мероприятия и реформы, не должно быть никаких препятствий» [92, с. 52].

В январе 1962 г. законопроект об аграрной реформе был утвержден кабинетом министров и 14 января подписан шахом. Осуществление реформы заняло почти 10 лет и проводилось в несколько этапов, причем каждый последующий этап все больше ограничивал размеры помещичьего землевладения, а на последнем этапе правительство обязывало помещиков либо продать оставшуюся у них землю крестьянам, либо разделить ее с крестьянами-арендаторами пропорционально доле урожая, причитавшейся помещику и крестьянину-арендатору (подробно о ходе реформы см. [44, с. 193—220; 45, с. 114—162]).

В целом философию аграрной реформы можно определить следующим образом: «Землю в частную собственность тем, кто ее обрабатывает», т. е. полновластными собственниками земель становились те крестьяне, которые до этого арендовали их на основе традиционной, феодальной издольной аренды у помещиков, духовенства или государства. При этом передела земель не производилось, каждому был оставлен участок, который он раньше арендовал. Выкуп за землю крестьянин должен был выплатить государству (а не помещику) в течение 15 лет. Ежегодный размер платежей устанавливался в $\frac{2}{3}$ от суммы прежней арендной платы помещику. Не подлежали отчуждению земли тех помещиков, которые вели товарное хозяйство капиталистического типа с применением машин и наемного труда.

В результате аграрной реформы собственниками земли стали 2538,1 тыс. крестьян (точнее, крестьянских семей, поскольку собственником земельного участка являлся глава семьи; средняя крестьянская семья насчитывала 5—7 человек). В 1972/73 г. частнособственнические хозяйства охватывали 89,1% всех земель [52, с. 209].

Осуществляя аграрную реформу, правительство не изменило отношения производства, а лишь отменило юридическое право собственности помещика на землю, следовательно,

«право получать за нее арендную плату, фактически не участвуя в процессе производства. Именно это определило успехи правительства, в отличие от многих афро-азиатских «революционных» режимов, которые начинали аграрные (Преобразования с «ликвидации» помещиков, непосредственно связанных с процессом производства и распределения сельскохозяйственной продукции. В результате ликвидировались не феодальные отношения, а разваливалось сельское хозяйство вся экономика, базирующаяся на нем. Классическим примером результатов такой «реформы» может служить Афганистан конца 70—80-х годов.

Шах Ирана не ставил задачи наделить землей каждого крестьянина. Да это было и невозможно сделать физически: вся обрабатываемая земля уже была распределена помещиками между крестьянами-арендаторами и «лишней» землей существовало (за исключением пустующих, залежных земель, которые безземельный крестьянин, не имеющий ни инвентаря, ни скота, ни семян, был не в состоянии поднять без помощи государства). Иран—это не царская Россия, где помещики владели 70 млн. десятин земли, которая обрабатывалась путем барщины и которую можно было разделить между крестьянами.

Проводя аграрную реформу, шахское правительство преследовало цели, во-первых, дать крестьянам стимул к увеличению производства (хозяин земли—это не бесправный и зависимый от помещика арендатор-издольщик), во-вторых, способствовать капиталистическому перераспределению земли—укрупнению участков за счет разорения маломощных хозяйств и скупки земель «сильными» хозяевами, в-третьих, лишить собственности на землю помещиков и духовенство, тем самым подорвав их политическую власть в обществе, и, в-четвертых, вынудить помещиков, потерявших средства к существованию, вкладывать накопленные богатства в предпринимательскую деятельность капиталистического типа. Не случайно половина выкупных платежей за землю выдавалась бывшим землевладельцам акциями государственных промышленных предприятий.

Естественно, что помещики и духовенство яростно сопротивлялись проведению реформы, начиная с развертывания антишахской пропагандистской кампании и кончая убийствами чиновников, ответственных за проведение (реформы, провоцированием мятежей племен, которые шаху пришлось подавлять с помощью танков и истребителей-бомбардировщиков. Последней крупной акцией стал мятеж в Тегеране и других городах, организованный духовенством в июне 1963 г. Самую активную роль в этом играл аятолла Хомейяи. В результате подавления мятежа только в Тегеране погибло (по разным оценкам) от 1 до 4 тыс. человек. Ради сохране-

ния собственных доходов и привилегий духовенство, не задумываясь, бросало под танки и пулеметы ни в чем не повинных людей, обманутых религиозной пропагандой.

С начала 60-х годов антишахское движение развернули буржуазные демократы (возрожденный Национальный фронт) и левые (Народная партия Ирана). Они выступали: не против реформ, а против недемократических методов их осуществления в отсутствие парламента. Но демократически, парламентскими методами осуществить реформы было невозможно: шах потому и разогаал полуфеодально-помещичий парламент, что он выступил против реформ. И развернув антишахскую борьбу, буржуазные демократы и левые оказались в одной упряжке с клерикально-помещичьей реакцией.

Окончательно подавив летом 1963 г. оппозицию помещиков, духовенства, буржуазных демократов и левых, шах провел широкую чистку в государственном аппарате и в сентябре 1963 г. вновь созвал парламент, в котором подавляющее большинство составили депутаты — сторонники реформ. В марте 1964 г. было сформировано новое правительство во главе с Али Мансуром, занимавшим ранее пост генерального секретаря Высшего экономического совета. Государственная власть перешла в руки не буржуазии, а буржуазных технократов, т. е. высших государственных чиновников, ставящих задачу буржуазной реформации общества, и монархия как система власти из полуфеодальной превратилась в буржуазную.

Чиновники верхнего и среднего звена государственного аппарата составили 69% депутатов парламента, 10% являлись представителями промышленной буржуазии, 13% — мелкими земельными собственниками. 81% депутатов были: лица, избранные в парламент впервые. Ни один помещик, ни один представитель духовного сословия в парламент не был избран¹⁰.

Одновременно с проведением аграрной реформы шахские власти приступили к ускоренной индустриализации страны. Причем основную тяжесть этой задачи взяло на себя государство, поскольку национальная буржуазия была слишком слаба а экономически, и политически, чтобы осуществить быстрое развитие промышленности в стране.

За короткий срок, примерно за десятилетие, были созданы металлургическая, машиностроительная, нефтехимическая, автомобильная и другие отрасли промышленности, дальнейшее развитие получили легкая, пищевая, горнодобывающая, строительная, энергетическая отрасли.

К началу 70-х годов структура экономики претерпели большие изменения: промышленность вышла на ведущее место в валовом внутреннем продукте (%) [34, с. 195]:

	1959/60 г.	1972/73 г.
ВВП	100,0	100,0
Сельское хозяйство	29,9	14,1
Промышленность	27,7	44,2
Строительство	4,7	3,7
Транспорт и связь	9,6	5,6
Торговля	8,0	6,5
Услуги	20,1	25,9

В обрабатывающей промышленности за семь лет количество предприятий удвоилось: со 112,6 тыс. в 1964/65 г. до 225,0 тыс. в 1971/72 г., среди «их крупных — с 3,7 тыс. до 6,6 тыс. [61, с. 24]. Особенно быстрыми темпами увеличилось количество предприятий в новых отраслях и в производстве стройматериалов [53, с. 13]:

	1961/62 г.		1967/68 г.	
	Всего	Крупные	Всего	Крупные
Производство стройматериалов	792	180	4472	694
Металлургическая	96	34	1548.	54
Металлообрабатывающая и машиностроительная	2350	157	21206	420
Электроприборостроение	98	27	3853	77
Производство средств транспорта	62	7	10 004	190
Химическая	125	71	865	131
Итого	3523	476	41948	1566

За шесть лет количество предприятий в этих отраслях увеличилось в 12 раз, в том числе крупных — в 3 раза. В металлургической промышленности оно возросло в 16 раз, в электроприборостроении — в 40, в производстве средств транспорта — в 160, в том числе крупных — в 27 раз.

При этом все отрасли экономики развивались динамично, о чем свидетельствуют среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта и его составляющих (%) [34, с. 198]:

	1959/60-1972/73 гг.	1959/60-1975/76 гг.
ВВП:		
включая нефть	12,00	17,10
без нефти	10,90	15,10
Сельское хозяйство	6,75	8,90
Промышленность:		
включая нефть	15,60	21,25
без нефти	14,45	17,35
горнодобывающая и обрабатывающая	14,10	17,05
электроэнергетика и водоснабжение	24,20	22,85
нефтяная	16,15	23,10
Строительство	12,75	20,85
Транспорт и связь	5,45	10,35
Торговля	11,05	14,45
Услуги	23,60	18,60

Таким образом, в 60-х — начале 70-х годов в Иране произошел переход от торгового капитализма к промышленному, что знаменовало новый этап развития социальной революции.

При этом, уничтожив феодальную издольную аренду, подорвав экономическое и политическое могущество полуфеодалных помещиков, вытеснив их представителей из органов государственной власти и переориентировав государственный аппарат на решение задачи промышленного развития страны, шах и его сторонники «отсекли» полуфеодальную часть надстройки, которая была присуща периоду торгового капитализма. Политические, юридические, идеологические надстроечные отношения были приведены в соответствие с потребностями нового этапа развития капитализма.

Тем самым была завершена буржуазная политическая революция в Иране (точнее, ее второй этап; ее первый этап был осуществлен в 20-е годы), завершена в том смысле, что на политическом уровне феодальный фактор прекратил существование.

Для дальнейшего развития и совершенствования буржуазных отношений иранское общество более не нуждалось в политических революционных действиях. Это не означало, что исчезли все остатки полуфеодалных отношений и общество стало однородно капиталистическим. Но эти остатки уже вполне могли быть «перемолоты» в ходе нормального, постепенного развития промышленно-капиталистического уклада, ставшего структурообразующим элементом в экономике. Они должны были отмереть в ходе дальнейшего развития социальной революции, конечная цель которой и заключалась в том, чтобы обеспечить переход от феодального общества к однородно капиталистическому.

Истоки и последствия кризиса

В 60-е — начале 70-х годов промышленный капитализм в Иране развивался в форме административно-государственного капитализма.

Создание современного капиталистического производства осуществлялось по инициативе и при прямом участии государства, в результате чего доля госсектора в материальном производстве оказалась весьма значительной, а в отдельных отраслях он занимал монопольное положение (%) [73, с. 495]:

	Доля госсектора (1957/68 г.)
Материальное производство . . .	49,4
в том числе:	
сельское хозяйство	
промышленность	78,4
в том числе:	
горнодобывающая	30,0
обрабатывающая	23,3
электро- и водоснабжение	90,0
нефтяная	100,0
строительство	56,3

Более быстрыми темпами по сравнению с частным сектором росли государственные внутренние валовые вложения в основной капитал (ВВВOK). К началу 70-х годов по этому показателю доля госсектора превысила частный сектор (%) [34, с. 185]:

	1950/61 г.	1965/66 г.	1970/71 г.	1974/75 г.
Частный сектор	67,1	52,6	39,4	35,4
Государственный сектор	32,9	47,4	60,1	64,6

Государство стало крупнейшим монополистом! М. Оно занимало монопольные позиции в ключевых отраслях промышленности — нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, металлургии, энергетике, железнодорожном и воздушном транспорте, а также в инфраструктуре. Через Центральный банк Ирана и другие банки оно контролировало финансовую систему страны. Государство распоряжалось огромными доходами от продажи нефти, которые с 1960 по 1972 г. увеличились в 8,5 раза (подробно см. [32, с. 148—155, 171—206]. Активно содействуя развитию частного предпринимательства, предоставляя кредиты, используя налоговые и иные льготы, привлекая иностранный капитал, в том числе прямые инвестиции (к началу 1978 г. в Иране действовали 1910 компаний с участием иностранного капитала, который проник практически во все отрасли промышленности, особенно новые [105, 10.01.1980]), государство имело широкие возможности осуществлять вмешательство во все сферы экономики, регулировать формы, пути и темпы развития капитализма в стране.

Шел активный процесс концентрации производства и капитала, как государственного, так и частного. К началу 70-х годов концентрация достигла очень высокой степени: крупные промышленные предприятия (с численностью занятых 50 человек и выше), составлял 0,4% всех предприятий обрабатывающей промышленности, концентрировали более 30% всех занятых в ней и выпускали почти половину всей условно-чистой продукции (рассчитано по [61, с. 24, 36]).

Укрепление экономической мощи государства за счет быстрого роста госсектора и жесткое государственное регулирование экономики потребовали значительного расширения административно-бюрократического аппарата, что усиливало авторитарность государства и личную власть шаха, венчавшего бюрократическую иерархию.

Эти явления свидетельствовали о быстром перерастании административно-государственного капитализма в монополично-государственный капитализм с присущей ему диктаторской формой политической власти. Для развития страны это было прогрессивным явлением. Существовавшая до 1961 г. полуфеодальная парламентская демократия, препятствуя проведению буржуазных реформ, обрекала Иран на углубление экономического кризиса. Разгон парламента и установление шахской Диктатуры позволили начать реформы и к середине 60-х годов в основном вывести страну из глубокого кризиса.

Демократия в Иране в то время была невозможна, поскольку ее некому было устанавливать. Демократия не может быть создана благими намерениями каких-либо политических лидеров и их партий. Демократия — это политическое проявление соответствующим образом организованных экономических структур, и, опираясь на них, она может существовать. Такие структуры возникают при наличии в обществе значительной «массы» свободных и равноправных (т. е. равных перед законом, хотя и не равных по капиталу) предпринимателей. Для регулирования отношений между ними и появляется необходимость в буржуазной демократии и именно в демократии, а не в диктатуре, поскольку они свободны и равны. Более совершенный тип демократии становится возможным и необходимым тогда, когда каждый член общества (или по крайней мере большинство его членов) экономически независим (а экономическую независимость обуславливает высокий уровень благосостояния), свободен и равноправен.

В Иране в начале 60-х годов не было экономических условий для буржуазной демократии, так как отсутствовала достаточная «масса» свободных и равноправных капиталистических предпринимателей. Даже если бы антишахская борьба Национального фронта или Народной партии Ирана увенчалась в начале 60-х годов успехом, им бы пришлось либо восстановить полуфеодальную парламентскую демократию (что было более вероятным, учитывая расстановку сил в обществе), либо установить собственную диктатуру, если бы они вознамерились провести реформы, ущемляющие интересы торговой (т. е. полуфеодальной) буржуазии. Но это лишь гипотетические рассуждения, поскольку ни у НФ, ни у НПИ не было достаточного политического веса и влия-

ния в обществе, а следовательно, и никаких шансов прийти к власти.

Шаху удалось в 1963—1964 гг. совершить политический мини-переворот потому, что, как глава государства, он смог, во-первых, использовать разногласия между сторонниками и противниками реформ в высших эшелонах государственного аппарата, во-вторых, опереться на армию и репрессивные органы. Именно благодаря этому ему удалось преодолеть сопротивление полуфеодальных элементов и духовенства и провести буржуазные реформы. Относительная самостоятельность, авторитарность государственного аппарата, его способность аккумулировать большие финансовые ресурсы (нефтедоллары) позволили шахскому режиму сравнительно быстро создать промышленный потенциал. Становление крупной промышленности в Иране происходило не за счет слияния, поглощения мелких предприятий более крупными в результате конкурентной борьбы, а путем импорта комплектного промышленного оборудования, современных технологий, а также частично высококвалифицированной рабочей силы и специалистов. Именно такой путь позволил в короткие сроки создать современное промышленное производство.

Слаборазвитому частному капиталу было не под силу закупить и построить, например, металлургический завод или нефтехимический комплекс. Но в условиях, когда крупнокапиталистическое производство создавалось государством, частный капитал мог заполнять (и заполнял) те экономические ниши, где не требовалось огромных капиталовложений, осваивать те производства, необходимость в которых вызывалась развитием крупной промышленности или возможностью появления которых была результатом ее развития. Следовательно, развитие капитализма шло не снизу вверх, как в Европе, а сверху вниз, т. е. вначале создавалось крупное производство основных отраслей, а затем оно «снизу» достраивалось, обрасталало сопутствующими, вспомогательными, обслуживающими и иными производствами.

Еще одной особенностью развития капитализма было появление сравнительно узкой (не более сотни семейств) группы крупнейших частных предпринимателей, тесно связанных с шахским двором и высокопоставленными деятелями государственного аппарата деловыми и родственными отношениями. Нередко они добивались благосклонности чиновников госаппарата крупными взятками и подкупом. Эти предприниматели объединялись в различные промышленные, торговые, финансовые группы, их капиталы тесно переплетались как между собой, так и с государственным и иностранным капиталом. «Ускорило развитие взаимосвязей между компаниями в области промышленности, торговли и банками, приведшее к образованию промышленно-финансового капи-

тала, к превращению немногочисленного слоя иранской буржуазии в финансовую олигархию... Формирование групп иранской буржуазии происходило под огромным воздействием государственного и иностранного капитала, что в целом оказывало стимулирующее воздействие... Государственное регулирование в значительной мере удерживало под своим контролем развитие крупного частного капитала» [61, с. 162—163].

Примерно до середины 70-х годов шахский режим довольно успешно справлялся с руководством экономикой. Устойчивыми темпами рос ВВП. С 1959/60 по 1975/76 г. среднегодовой темп прироста ВВП в текущих ценах составлял 17,1% [52, с. 6]. Быстро увеличивался национальный доход на душу населения: в 1960/61 г.—163 долл., в 1966/67 г.—219, в 1972/73 г.—457,-в 1977/78 г.—2020 долл. [38, с. 63]. Эти цифры, однако, не показывают распределения доходов среди разных слоев населения. Более наглядную картину рисует динамика распределения величины годового дохода по группам населения, выраженной в процентах ко всему населению [38, с. 69]:

Годовой доход, тыс. риалов	Население. %			
	1959/60 г.	1967/68 г.	1974/75 г.	1976/77 г.
Менее 30	35,6	19,9	9,5	1
От 30 до 40	14,1	10,7	9,0	2
» 40 » 50	11,3	9,3	8,0	10
> 50 » 75	16,2	19,2	26,0	30
> 75 > 100	7,8	13,8	16,5	20
> 100 > 150	6,9	12,5	15,0	20
» 150 и более	8,1	14,6	16,0	17

Если в 1959/60 г. до 40 тыс. риалов получало 49,7% населения, то в 1976/77 г.—уже только 3%. Свыше 50 тыс. риалов в 1959/60 г. получало 39% населения, в 1976/77 г.—уже 87%.

Но доходы, достаточные для «нормальной» жизни в 1959/60 г., могли в результате повышения стоимости жизни стать недостаточными в последующие годы. Поэтому еще более наглядным является соотношение бедных, средних и богатых семей в различные годы (%) [38, с. 77].

	Год	Бедные	Средние	Богатые
Вся страна	1971/72	54	42	4
	1975/76	28	56	16
Город	1971/72	34	58	8
	1975/76	15	58	27
Деревня	1971/72	68	30	2
	1975/76	41	53	6

С начала до середины 70-х годов в стране бедных семей стало почти в 2 раза меньше, несколько увеличилось коли-

чество семей со средним достатком, а богатых семей стало в 4 раза больше. В городе богатой стала каждая четвертая семья. В деревне бедность также сократилась более чем в 1,5 раза; количество средних семей увеличилось почти в 2 раза и составило чуть больше половины всех семей; богатых семей было совсем немного, хотя их количество и утроилось. В целом же по стране бедность, как в городе, так и в деревне, сокращалась существенными темпами.

Важным показателем «здоровья» экономики, отражающим непосредственно на населении страны, являются темпы роста потребительских цен. С 1960 по 1971 г. они колебались в пределах 1% в год, т. е. были совершенно незначительными (подсчитано по [38, с. 156]).

На фоне относительно благополучного развития страны существовали и тревожные тенденции. Среди них наиболее заметной была миграция из деревни в город. С 1966 по 1975 г. покинули деревню и переселились в города около 5 млн. человек, при этом работу в городе нашла только примерно 73 мигрантов [45, с. 226], что резко усилило рост пауперов и люмпенов в городах.

Для деревни отток избыточного населения был в целом положительным. Во-первых, освобождались земельные участки, за счет скупки которых расширялись участки оставшихся в деревне. Во-вторых, сокращение численности безземельных крестьян создавало дефицит наемной рабочей силы и, как следствие, вело к росту стоимости наемного труда.

Для города рост миграции создавал определенные сложности, но в целом прямой угрозы для шахского режима не представлял. Во-первых, власти насильно крестьян из деревни не изгоняли. Они сами уезжали в город, привлекаемые промышленным и строительным бумом. Во-вторых, безработные мигранты в том, что их более удачливые земляки устроились в городе, а они не смогли, в первую очередь винили собственное невезение, а не шахский режим. В-третьих, прибывшие в город крестьяне были, как правило, малограмотные, терялись в непривычной городской жизни, а следовательно, не обладали способностью к самостоятельным организованным выступлениям. Однако этот взрывоопасный материал довольно легко мог быть использован различными политическими силами.

Еще одной потенциально опасной тенденцией было отставание темпов роста сельского хозяйства и транспорта по сравнению с другими отраслями, что сыграло роль во второй половине 70-х годов, когда в Иране начался экономический кризис.

Вызван он был непредвиденными для Ирана обстоятельствами. Начавшаяся на Западе научно-техническая революция и расширение производства искусственных полимерных

материалов вызвали резкое повышение спроса на нефть и скачкообразный рост цен на нее на мировом рынке: в 1973 г. цена на нефть увеличилась более чем в 4 раза¹¹. По иронии судьбы Иран был активным сторонником повышения справочных цен на нефть странами ОПЕК-

В 1973 г., еще до повышения цен на нефть, Иран заключил новое соглашение с МНК, по которому право на самостоятельную эксплуатацию и контроль над всеми запасами нефти, имуществом и сооружениями нефтяной промышленности передавалось Иранской национальной нефтяной компании (ИННК). Она обязывалась продавать странам — участникам МНК оговоренный объем нефти. МНК превращалась в подрядную организацию, оказывающую Ирану услуги по эксплуатации нефтяного оборудования. Соглашение предусматривало пересмотр системы расчетов за нефть, в результате чего доля Ирана в прибылях повышалась.

Фактически в 1973 г. Иран национализировал нефтяную промышленность, но сделал это не так прямолинейно, как во времена правительства Мосаддыка, а прибегнув к определенному компромиссу с западными нефтяными компаниями, который не слишком ущемил их интересы, но позволил более полно соблюсти интересы Ирана.

Одновременно, пользуясь благоприятной конъюнктурой на мировом рынке, Иран начал увеличивать добычу и продажу нефти. В результате если до повышения цен, в 1972/73 г., доходы Ирана от продажи нефти составили 2,5 млрд. долл., то через год после повышения, в 1974/75 г., — 18,7 млрд. долл., т. е. выросли почти в 7,5 раза [34, с. 172]. Всего с 1974 по 1978 г. Иран получил 108 млрд. долл. нефтяных доходов [32, с. 275].

Обладая огромными дополнительными средствами, шахский режим принял оказавшееся для него роковым решение форсировать развитие экономики. Пятилетний план развития (1973—1978) был пересмотрен: ассигнования на экономические и социальные программы были увеличены вдвое, при этом вложения в госсектор составили 70,8% всех ассигнований, а в такие отрасли госсектора, как водное хозяйство, электроэнергетика, нефтяная, горнодобывающая промышленность, транспорт, связь, — от 80 до 100% ассигнований соответствующих отраслей [34, с. 259—260].

Условия для развития экономики с финансовой точки зрения сложились благоприятные. Но в этой ситуации начала давать сбои административно-командная система управления экономикой, присущая монопольно-государственному капитализму. Для строительства новых предприятий как государство, так и частные предприниматели закупали большое количество промышленного оборудования за рубежом. И транспорт оказался неспособным оправиться с резко воз-

росшими перевозками. Огромное количество оборудования скапливалось в портах и на пограничных станциях. Вновь строящиеся предприятия испытывали недостаток в строительных материалах, сырье, электроэнергии, квалифицированной рабочей силе и т. п. Некоторые из действующих предприятий пришлось останавливать, многие предприятия либо невозмож- «О было ввести в эксплуатацию, либо они работали не на полную мощность. Так, в связи с нехваткой электроэнергии сталепрокатный завод в Ахвазе мощностью 150 тыс. т снизил выпуск продукции со 130 тыс. т в 1975/76 г. до 88,5 тыс. т в 1976/77 г. Завод по выпуску 200 тыс. т стальных заготовок из скрапа, введенный в строй в 1972 г., был остановлен из-за нехватки сырья. Завод по производству 200 тыс. т стали из скрапа, введенный в строй в 1974 г., был закрыт в следующем году по той же причине. Почти все крупные металлургические предприятия с момента пуска так и не вышли на проектную мощность [34, с. 268]. Подобные процессы наблюдались и в некоторых других отраслях промышленности.

В результате значительные средства оказались замороженными в омертвленном оборудовании и незавершенном строительстве, увеличивались внутриотраслевые и межотраслевые диспропорции, за которыми жестко централизованный административно-бюрократический аппарат не мог уследить и своевременно устранить.

Повышенный спрос на строительные материалы, сырье, электроэнергию и другие ресурсы при недостаточном предложении обусловил возникновение дефицита и, как следствие, рост цен на них. Потребность в участках под новое строительство привела к резкому удорожанию земли. Это, в свою очередь, повлекло повышение квартплаты, арендной платы за производственные помещения, т. е. затронуло интересы огромной массы населения.

В результате строительного и промышленного бума увеличилось количество денег на руках у населения. Усилилась миграция в города сельского населения, выталкиваемого из деревни вследствие развития там капиталистических отношений и привлекаемого в города в надежде найти работу. Выше уже указывалась цифра — 5 млн. за 10 лет. При этом все самостоятельное население страны насчитывало около Ю млн. [34, с. 100]. С 1966/67 по 1976/77 г. городское население увеличилось с 9,8 до 15,7 млн. [34, с. 99].

Все это привело к резкому повышению спроса в городах на продукты питания, который сельское хозяйство, развивавшееся относительно медленными темпами, не способно было удовлетворить. Если ранее дефицит продуктов питания довольно безболезненно для бюджета восполнялся за счет импорта, то теперь государство испытывало недостаток в валюте, а транспорт не справлялся со своевременной доставкой

продовольствия. Цены на продукты питания также поползли вверх. Росли цены и на другие потребительские товары. Если в 60-х годах рост стоимости жизни был практически нулевой, то с начала и особенно во второй половине 70-х годов он увеличивался возрастающими темпами, показателем чего может служить индекс цен на потребительские товары (подсчитано по [38, с. 156]):

Год	Озший индекс	Продовольствие	Жилище	Ме:ель
1969/70	100	100	100	100
1970/71	100,4	101,3	105,6	102,6
1971/72	108,3	113,4	109,2	104,0
1972/73	116,7	122,5	120,4	117,2
1973/74	132,5	135,3	145,3	157,0
1974/75	144,5	167,1	177,8	192,3
1975/76	161,а	174,4	218,0	225,8
1976/77	209,3	205,1	304,1	260,8
1977/78	246,3	253,6	427,2	304,5

За восемь лет цены на все потребительские товары выросли в среднем в 2,5 раза, причем за последние три года они почти удвоились. На продукты питания они увеличились более чем в 2,5 раза. Оплата жилища возросла более чем в 4 раза, причем только за последние два года она удвоилась. Цены на мебель утроились.

Рост цен является, в конечном счете, главным следствием экономического кризиса, которое отражается на большинстве населения. Вместе с тем, усиливая (недовольство в обществе политикой правящих кругов, он не всегда может служить причиной -массового стихийного взрыва.

Указанные выше процессы — это лишь штрихи кризиса, далеко не исчерпывающие все его аспекты. Но и они выявляют главные причины, приведшие к кризису.

Во-первых, это грубые экономические просчеты, вытекающие из волюнтаристского решения шаха, используя увеличение потока нефтедолларов, в кратчайшие сроки вывести Иран на уровень передовых стран мира, что достаточно определенно изложено в его книге «К великой цивилизации» [87]. Игнорируя объективные экономические закономерности, необходимость соблюдения пропорций между различными отраслями народного хозяйства как в экономической, так и в социальной сфере, шахский режим всемерно форсировал развитие промышленности, причем однобоко — главным образом крупной.

Во-вторых, характерная для монополично-государственного капитализма централизованная административно-бюрократическая система, действующая по приказам «сверху», в принципе не способна соблюдать эти закономерности, выдерживать необходимые межотраслевые и внутриотраслевые пропорции, поскольку «верхи» руководствуются, как правило.

не экономической целесообразностью, а политическими соображениями и амбициями, их пониманием «государственных интересов».

В-третьих, функции государственного капитализма (в административно-государственной или монополично-государственной модификации) довольно ограничены во времени. Его прогрессивное значение исчерпывается созданием основ индустрии. Но по мере увеличения объема производства, усложнения внутривозрастных связей централизованный государственный аппарат управления производством теряет контроль над экономическими процессами, становящимися все более разнообразными. Необходимость разрешения экономических проблем подменяется политическим диктатом, усиливающимися репрессиями против тех, кто выражает недовольство действиями властей, демагогической пропагандой, идеологической обработкой населения.

Именно за счет этого монополично-государственный капитализм смог просуществовать так долго в СССР, приведя в итоге к тяжелейшим последствиям в экономике и в жизни общества, к огромным людским и материальным потерям. В Иране же кризис монополично-государственного капитализма был ускорен последствиями повышения цен на нефть. Но, не возникни эта причина, кризис МГК наступил бы позднее по другой причине, поскольку он был неизбежен в силу сущности мтк.

Однако это не был кризис капитализма, это был кризис конкретной формы, в которой капитализм развивался и которую он перерос в развитии.

Его преодоление не требовало политической революции, поскольку надстройка не нуждалась в формационных изменениях, так как остаточный феодальный фактор в ней был преодолен еще в 60-е годы. В сфере экономики и политики Иран нуждался в буржуазной реформации, т. е. реформации J в рамках уже сложившихся буржуазных отношений.

В экономической сфере следовало провести децентрализацию системы управления производством, приватизацию и разгосударствление значительной части госсектора, отказаться от жесткого командно-административного вмешательства в экономику, осуществить антимонопольные мероприятия и т. п.

В политической сфере нужна была демократизация власти: разграничение исполнительной, законодательной, судебной власти, превращение парламента в представительный, независимый от монарха орган. Это позволило бы полнее учитывать интересы различных социально-классовых слоев общества, в том числе различных групп буржуазии, обеспечить соблюдение буржуазных прав и свобод.

Иран стоял перед необходимостью перехода от монополь-

«©-государственного капитализма к рыночному капитализму... И такой переход мог быть осуществлен сравнительно быстро и относительно безболезненно, поскольку наряду с государственными экономическими структурами существовал и частный сектор, который в течение нескольких лет мог бы приватизировать часть госсектора. Задача такого перехода облегчалась тем, что в Иране (в отличие от СССР) не нужно было заново создавать все рыночные структуры, включая рыночную инфраструктуру, так как элементы этих структур уже существовали и достаточно было снять с них ограничения и предоставить свободу развития.

Понимание необходимости реформирования экономической структуры начало вызревать в правящих кругах в 1977 г. Признаками этого были отставка правительства А. Ховеиды и назначение премьер-министром Д. Амузегара, высказывавшегося за перемены; растущие разногласия в правящей партии «Растахиз» по вопросам экономики и политики; провозглашение шахом политики «либерализации». В начале 1977 г. правительство несколько ослабило цензуру печати. Шах обещал положить конец пыткам, освободить политических заключенных. Было разрешено участие адвокатов в заседаниях военных трибуналов. Учрежденная монархом Шахиншахская инспекция наделялась широкими полномочиями по борьбе со злоупотреблениями и коррупцией в государственном аппарате. Шахиншахской комиссии вменялось в обязанность рассмотрение жалоб населения.

Конечно, это были робкие и непоследовательные шаги. Но процесс начался. По опыту перестройки в нашей стране мы знаем, как непросто изменить тоталитарную систему, опирающуюся на монополизм в экономике, даже если высшее руководство страны осознает насущную необходимость реформ (хотя бы из соображений самосохранения), но при этом не желает терять власть и влияние в обществе.

Шаху было непросто расстаться с единоличной властью, которую он рассматривал как главный инструмент осуществления заветной мечты — превратить Иран в могущественную, процветающую державу. Но углублявшийся экономический кризис при любых обстоятельствах вынудил бы правящие круги осуществить радикальные изменения, идея которых носилась в воздухе. К тому же сейчас мы уже знаем, что шаху оставалось жить два года (он был болен раком), а с его уходом вероятность реформирования политической и экономической систем возростала многократно. Нельзя сбрасывать со счетов и позицию администрации Дж. Картера, которая начала оказывать на шаха нажим (однако достаточно деликатный) с целью побудить его провести реформы и соблюдать в Иране гражданские права и свободы. Концепция прав человека и заключается в пере-

зд от тотального контроля государства над личностью к свободе личности, в том числе к свободе частного предпринимательства, которая возможна лишь в рамках рыночных отношений.

Переход к рыночному капитализму представлял собой прогрессивный путь развития иранского общества, и потенциальная возможность для этого в Иране существовала. Но она не смогла реализоваться, поскольку в 1978 г. на арену политической борьбы вышли силы, преследовавшие иные цели, причем эти силы шах вызвал к жизни своими непродуманными решениями.

В августе 1975 г., когда уже стал очевидным быстрый рост цен, шах объявил программу борьбы с повышением цен спекуляцией. Еще в 1973 г. правительство учредило Центр по контролю над ценами. В 1974 г. был определен список товаров первой необходимости, на которые устанавливались фиксированные цены. Кампания по «борьбе с дороговизной» и преследовала цель заставить торговцев придерживаться установленных государством фиксированных цен. Под эгидой партии «Растахиз» были созданы многочисленные комиссии, в которые входили государственные служащие, домохозяйки, студенты, представители интеллигенции и др. Они осуществляли внезапные массовые рейды по лавкам и магазинам для выявления случаев завышения цен на товары. В результате этой кампании десятки тысяч лавочников были посажены в тюрьмы, сотни тысяч оштрафованы, лишены лицензий на торговлю, высланы в отдаленные районы страны и подвергнуты другим видам наказаний. Только в Тегеране в октябре 1975 г. около 50 тыс. лавок и магазинов были закрыты на пять месяцев. В июле—октябре 1975 г. в судах рассматривалось 7536 дел по обвинению торговцев в нарушении фиксированных цен. Сумма штрафов составила 49,3 млн. риалов [60, с. 85].

В борьбе с инфляцией шах пошел по самому легкому и обычному для авторитарного режима пути — по пути политического насилия по отношению к торговцам, поскольку «основной причиной роста цен правительство считало посредническую торговлю, спекуляцию и нарушение фиксированных цен предприятиями розничной торговли, которые по преимуществу были представлены мелкими лавками» [60, с. 85].

Однако мелкие лавочники, против которых шахский режим обрушил репрессии, являлись составной частью более широкой системы мелкоотварного производства и потребления, именуемой «базаром». Он представлял собой сохранившуюся часть системы торгового капитализма, от которой в 60-е годы были «отсечены» полуфеодалные элементы. И с этой точки зрения «базар» — традиционная система по отношению к современной системе промышленного капитализма.

В традиционную систему мелкотоварного производства: входили ремесленники, часть мелкокапиталистических предпринимателей, мелкие лавочники, мелкие, средние и крупные оптовые торговцы-ростовщики.

Заправляли всеми делами на «базаре» крупные торговцы-оптовики. Они существовали за счет эксплуатации ремесленников и мелких лавочников, получая доходы от поставки, ремесленникам сырья, скупки у них и перепродажи мелким, лавочникам продукции, сдачи и тем .и другим в аренду производственных помещений. Благополучие торговцев-оптовиков зависело от благополучия тех, кого они эксплуатировали..

В сферу «базара» входила также торговля почти всей продукцией сельского хозяйства, произведенной в стране,, и частью импортных продуктов питания (часть этих продуктов реализовалась через крупные магазины «супер» типа универсамов, как правило не входивших в систему «базара»),, частью отечественных и импортных промышленных товаров (опять-таки другая их часть сбывалась через крупные магазины и торговые центры. Некоторые крупные -предприятия и промышленные группы создавали собственную фирменную торговую сеть, минуя «базар»).

«Базар» имел строгую иерархическую организационную структуру. Во-первых, он был разделен на сферы влияния по отраслевому или территориальному признаку между различными семейными кланами крупных торговцев. Во-вторых,, крупные торговцы создавали различные торговые ассоциации: шеркеты, торговые дома и т. п., учреждали свои банки..

Ремесленники и мелкие торговцы объединялись в отраслевые синфы (союзы, несколько напоминающие средневековые цеха и купеческие гильдии). Возглавляли синф, как правило, крупные торговцы. Синфы, в свою очередь, объединялись палатой синфов. Так, в 1971 г. в тегеранскую палату входило 130 синфов с численностью членов 400 тыс., что вместе с членами семей составляло около 1,6 млн. [61, с. 159] (все население Тегерана в 1970 г. насчитывало 3378 тыс. [73, с. 25]), т. е. синфы охватывали почти 50% жителей города. В других городах, где не было такой концентрации промышленных предприятий и административных и иных учреждений, доля членов синфов в городском населении была еще выше. Таким образом, организационными структурами «базара» охватывалось более половины всего городского населения¹².

Особенностью «базара» являлось то, что с этой системой были тесно связаны экономические и политические интересы шиитского духовенства — его материальное могущество и социальная власть над массами верующих. В семейные кланы, возглавляемые крупными торговцами, входили и духовные лица различного звания. И наоборот, в семейные кланы,,

возглавляемые высшими духовными лицами, входили традиционные торговцы различных категорий. Так, в составе семейных кланов четырех «великих аятолл» — Шариатмадари, Мараша-Наджафи, Милани, Гольпаегани насчитывалось 105 /богословов различных званий, 58 куПЦОВ, 18 владельцев магазинов [64, с. 251].

Благодаря традиции завещать движимое и недвижимое имущество мечетям или лично почитаемым духовным авторитетам шиитское духовенство накопило огромные вакфные богатства — земли, как в городе, так и в деревне, строения различного предназначения, ценности и т. п. В некоторых городах территория городского базара со всеми строениями являлась вакфной собственностью. Эксплуатация этих богатств, извлечение из них дохода также осуществлялись в системе «базара». Кроме того, «некоторые муллы среднего и низшего ранга имели свои лавки на базарах... Для отдельных лиц духовного звания источником наживы становилось ростовщичество, хотя Коран строжайшим образом запрещает давать деньги в долг под проценты» [46, с. 50—51].

Система «базара» давала до 80% всех поступлений духовенству в виде религиозных налогов, добровольных пожертвований, даров и т. п. О размерах этих поступлений можно судить хотя бы по тому, что только аятолла Хомейни в течение 15 лет его пребывания в изгнании получал в отдельные годы до 25 млн. долл., которые расходовались на содержание малоимущих мулл и студентов медресе, на реставрацию мечетей, благотворительную деятельность и на подготовку антишахских пропагандистских материалов и боевых отрядов, подпольно формируемых духовенством для борьбы с шахским режимом [46, с. 50].

«Базарные» массы являлись социальной опорой духовенства в городах. Именно среди них, а также среди люмпенско-пауперских масс, находившихся под благотворительным «патронажем» духовенства, наблюдалась особенно высокая степень приверженности исламским нормам поведения и идеологическим догмам, в то время как в 70-е годы степень проявления религиозных чувств среди «новой» буржуазии, интеллигенции (в том числе служилой), студенчества, рабочих (особенно потомственных) быстро падала¹³.

В 60-е годы «базар» получил определенные выгоды от развития промышленного капитализма и преодоления кризисного состояния экономики. Повышение благосостояния общества в целом, увеличение покупательского спроса оживило торговлю, расширило объем товарооборота. Благодаря этому «базар» сохранял лояльность по отношению к шахскому Режиму.

Вместе с тем в развитии системы «базара» становились &се более явственными и иные тенденции. Главная из них —

это падение экономической роли «базара». В 50-е годы «базар» был средоточием всей экономической жизни Ирана. Крупные торговцы занимали господствующие позиции в экономике, подчиняя и слаборазвитые отрасли легкой и пищевой промышленности. Но в 60-е годы они начали терять свои позиции, подтверждением чего может служить изменение соотношения между крупным и мелкотоварным производством (%) [60, с. 115]:

	Удельный вес в условно-чистой продукции		
	1964/65 г.	1968/69 г.	1976/77 г.
Крупная промышленность	55,0	56,5	76,6
Мелкая городская	39,0	19,3	19,1
Мелкая деревенская	6,0	14,2	4,3

Несмотря на то что с 1964/65 по 1976/77 г. объем условно-чистой продукции городского мелкотоварного производства увеличился с 19,6 до 74,4 млрд. риалов [60, с. 115], т. е. почти в 4 раза, ее удельный вес сократился с 39 до 19,1%. Следовательно, система «базара» была отодвинута на третьестепенные позиции. Огромная доля «нефтяного пирога» доставалась «новой», промышленной буржуазии. Традиционной торговой буржуазии «базара» оставались, в общем-то, крохи.

Кроме того, происходило постепенное размывание традиционного предпринимательства. Под воздействием развития национальной промышленности разорялось традиционное ремесленное производство, что снижало доходы традиционной торговой буржуазии, эксплуатировавшей ремесленников; разорялись мелкие лавочники, специализировавшиеся на продаже продукции ремесленных отраслей. А в системе «базара» все было взаимосвязано: «базар» был относительно самостоятельной системой воспроизводства, и ущемление интересов одних из ее субъектов затрагивало интересы всей системы в целом.

С быстрым развитием промышленности возникла «новая» торговая буржуазия, не связанная с системой «базара» и составлявшая конкуренцию традиционной торговой буржуазии, перехватывая у нее сбыт товаров национальной промышленности, оттесняя ее в сфере экспортно-импортных операций.

Можно с большой долей уверенности предположить, что дальнейшее развитие современных форм промышленного капитализма за 10–20 лет если бы не полностью разрушило «базар» как систему воспроизводства, то по крайней мере лишило бы ее самостоятельного значения в экономике страны.

Однако разорявшиеся ремесленники и лавочники не были в состоянии связать воедино все причинно-следственные яв-

ления. Например, если после открытия в квартале современного «супера», торгующего в том числе импортными товарами, разорялись окрестные лавки, то их хозяева главным виновником считали владельца магазина и влияние «империализма», поставляющего в Иран дешевые импортные товары, но никак не шахский режим'. Кроме того, они могли роптать на собственное невезение, поскольку их «собратья» в другом квартале продолжали процветать. Недовольство представителей системы «базара» (было распылено по разным направлениям и не было всеобщим: кто-то разорвался, кто-то терпел убытки, но продолжал существовать, а кто-то и процветал, уловив конъюнктуру).

Однако ситуация резко изменилась после начала кампании по «борьбе с дороговизной» и установления фиксированных цен вначале на ограниченный ассортимент, а затем практически на все потребительские товары. В условиях быстрого роста цен на электроэнергию, топливо, водоснабжение, повышения арендной платы за помещения лавочники не могли не повышать цены на продаваемые товары под угрозой разорения. Но повышение цен было чревато суровыми карами, вплоть до конфискации лавки и тюремного заключения. Все без исключения лавочники и многие ремесленники оказались в безвыходном положении и жили в состоянии непрерывного стресса: поймают — не поймают; кто вошел в лавку — обычный покупатель или член шахской комиссии; какую с него запросить цену — фактическую или фиксированную?

Репрессии затронули не только мелких лавочников. «Наряду с мелкими лавочниками и ремесленниками к ответственности были привлечены и некоторые крупные торговые и промышленные предприниматели, административные лица. Так, были осуждены Мохаммед Вахабадзе, Х. Эльханиян, Х. Ахван Кашани, мэр Исфахана, губернатор Дизфуля и др. Боясь ответственности за несоблюдение фиксированных цен, в августе 1975 г. бежал из Тегерана глава синфа торговцев запчастями для автомобилей» [60, с. 85].

Поскольку цены в системе «базара» традиционно назначались руководством синфов, то контроль за соблюдением установленных государством фиксированных цен шахское правительство возложило на эти же органы. В итоге только в 1975 г. «30 из 149 образованных в городах палат синфов в результате нарушения их членами закона о фиксированных ценах были распущены» [60, с. 85].

Борьбу за контроль над синфами шахское правительство начало еще в конце 60-х годов, когда Высший совет синфов вступил в конфликт с руководством правящей тогда партии «Иране новин», протестуя против политики преимущественного развития крупной промышленности и пренебрежения

интересами мелкого предпринимательства. В результате в 1971 г. Высший совет был распущен. Советы синфов были заменены палатами, в руководство которых назначались лица, проводившие в синфах правительственную политику. Координировал деятельность палат правительственный орган — Центральное управление синфами, — который имел право решать внутренние проблемы синфов [40, с. 50].

Кампания по «борьбе с дороговизной» была лишь звеном в целенаправленной политике шаха по развалу системы «базара». Дело доходило до курьезов: тегеранский муниципалитет разработал проект строительства многорядного шоссе, проходящего именно через территорию тегеранского базара, заправилы которого главенствовали во всей системе «базара» страны. В связи с намечаемым строительством на тегеранском базаре были запрещены ремонт старых и открытие новых лавок. Не исключено, что этот проект (по которому никаких работ не велось) был только предлогом для того, чтобы привести тегеранский базар в ветхое состояние и по этой причине закрыть его.

В борьбе шаха с системой «базара» была логика: как в 60-е годы он лишил власти земельную аристократию, конфисковав у нее земли, так в 70-е годы он намеревался подорвать власть традиционной торговой буржуазии и духовенства, экономически и политически опиравшихся на систему «базара», которую шах считал (и не без оснований) фактором, тормозящим развитие современных форм капитализма. Однако для борьбы с этой системой он выбрал методы, соответствующие уровню мышления правящей верхушки авторитарной власти.

Введение фиксированных цен и связанные с этим последствия если и не были вопросом жизни и смерти всей системы «базара», то представляли для нее серьезную угрозу, что не могло не вызвать ответную реакцию всех традиционалистских слоев этой системы. Причем их протест был направлен уже против вполне определенного и четко обозначившегося «образа врага», поскольку кампания по «борьбе с дороговизной» была развернута по личной инициативе шаха и включена им в качестве 14-го пункта в программу реформ «белой революции», начатой в 60-е годы и получившей затем наименование «революции шаха и народа».

В отличие от других социально-классовых слоев традиционалистские слои представляли собой довольно организованную силу: экономически их объединяли синфы, идейно-политически — широкая сеть мечетей и других религиозных институтов. Такая организация охватывала огромные традиционные массы (больше половины населения страны), которые, несмотря на различное место в структуре «базара», имели общие интересы: спасти от гибели традиционную систему

мелкотоварного производства как единый и самостоятельный экономический организм, как экономическую среду их обитания, вне которой они себя не мыслили. Главенствующую роль в этой организации играли, естественно, не массы ремесленников и мелких лавочников, пауперов и люмпенов, а крупный традиционный торговый капитал, в зависимости от которого эти массы находились и приказам которого вынуждены были подчиняться, а также высшее духовенство, пользовавшееся у этих масс непререкаемым авторитетом.

Обладая экономической и социально-политической властью над традиционалистскими слоями, торговый капитал «базара» и высшее духовенство были в состоянии поднять их «а открытую борьбу против монархии. Ни промышленная буржуазия, ни буржуазно-демократическая интеллигенция, ни левые всех оттенков, ни пролетариат такой возможности не имели.

Итак, шахская политика пришла в противоречие с интересами традиционалистских сил «базара». Развитие современных форм промышленного капитализма поставило под угрозу само существование этой замкнутой, консервативной системы традиционного мелкотоварного производства.

Именно столкновение интересов традиционной и современной систем производства и явилось основной причиной возникновения антишахского движения (выделим: движения, а не революции).

Буржуазная демократия
или мелкобуржуазно-клерикальная диктатура?

Противоречие между традиционной и современной системами производства проявлялось наиболее остро, но было далеко не единственным.

Непросто складывались отношения с монархией у частной промышленно-банковской буржуазии. Пока экономика находилась на подъеме, эта буржуазия, сформировавшаяся и окрепшая при поддержке государства, в целом лояльно относилась к монархии. Шахская диктатура даже устраивала ее, поскольку снимала ответственность за решение многих сложных общественно-политических проблем и обеспечивала политическую стабильность в стране. Однако с возникновением и углублением экономического кризиса представители промышленно-банковской буржуазии начали обживать шахский режим в неспособности обеспечить бескризисное развитие страны, в просчетах экономического планирования, в увлечении дорогостоящими проектами (например, строительство атомных электростанций), в непроизводительном отвлечении огромных средств на оснащение армии и закупку новейшего

вооружения и военной техники, в разбазаривании нефтяных доходов и т. п.

Недовольство буржуазии вызвал переход монархии во второй половине 70-х годов к политике строжайшей экономии, ужесточения условий кредитования частного сектора, установления фиксированных цен на продукцию промышленности (хотя для покрытия разницы между фактической стоимостью товара и его фиксированной ценой государство выделяло промышленникам дотации).

Недовольство крупной буржуазии не выходило за рамки глухого ропота. Государственный контроль над частным капиталом раздражал ее, но она во многом зависела от благосклонности шахского двора и высших чинов госаппарата, получая от них всевозможные льготы. Зависимость крупного частного капитала от государства предопределяла и обратную связь — зависимость государства от крупного частного капитала как социальной опоры шахского режима. Шах пытался найти модус вивенди с крупным частным капиталом: он издал указ о запрещении членам шахской семьи заниматься предпринимательской деятельностью (семье Пехлеви принадлежало 207 предприятий в самых различных сферах, ее капитал составлял около 20 млрд. долл.; «дворцовая монополия», пользовавшаяся особыми привилегиями, составляла серьезную конкуренцию частным предпринимателям), начал кампанию борьбы против злоупотребления властью высшими чиновниками госаппарата, против коррупции и вымогательства ими взяток у представителей частного бизнеса.

Среднюю буржуазию не устраивало то, что шахский режим развивал преимущественно госсектор и оказывал поддержку в первую очередь крупному капиталу, занимавшему монопольные позиции в некоторых отраслях промышленности, перекрыв доступ в «их среднему капиталу». Последствия кризиса в большей степени сказывались на средней буржуазии, а между тем выплачиваемая государством дотация в основном доставалась крупным предпринимателям. В связи с этим средняя буржуазия была заинтересована в ограничении всевластия крупного государственного и частного капитала, в подрыве его широких связей с иностранным капиталом, который позволял ему удерживать монопольное положение.

В целом промышленно-банковская буржуазия не представляла реальной угрозы режиму. Хотя она и желала большей свободы действий, она нуждалась в покровительстве шахского режима, рассматривала его как гарантию против возможных политических потрясений. К тому же у нее не было единой организации, ее раздирали внутренние противоречия. Но главное, она не могла рассчитывать на массовую поддержку, поскольку массы в большинстве состояли из традиционалистских сил, которые промышленную буржуазию,

особенно крупную, считали опорой монархии, проводником «империалистического» влияния в стране.

Рабочий класс (точнее, лица наемного труда) насчитывал в середине 70-х годов около 3 млн., из них примерно 300 тыс. составляли сельскохозяйственные рабочие [67, с. 27]. На промышленных предприятиях капиталистического типа в 1976/77 г. было занято 387 тыс. рабочих [60, с. 117]. Остальные наемные рабочие были распылены по мелким и мельчайшим предприятиям, входившим в систему традиционного мелкотоварного производства.

Интересы фабрично-заводского пролетариата и наемных рабочих традиционного сектора были различны. Потомственные рабочие преобладали главным образом в «старых» отраслях: пищевой, текстильной, нефтяной. В недавно созданных отраслях рабочий класс в основном был представлен вчерашними крестьянами. Организованность рабочего класса в Иране была крайне низкой. Профсоюзы были запрещены. Вместо них существовала правительственная Организация рабочих Ирана (ОРИ), находившаяся под неусыпным контролем шахской тайной полиции — САВАК. Помимо этого на всех крупных предприятиях имела служба безопасности — «энтезамат», фактически представлявшая собой отделения САВАК, следившие за благонадежностью рабочих и служащих.

Рабочему вопросу шахское правительство уделяло особое внимание, проводя политику сглаживания противоречия между трудом и капиталом. Этому служила начатая в 70-х годах программа продажи рабочим 99% акций государственных предприятий и от 30 до 49% акций частных предприятий. Стремясь уменьшить последствия кризиса для рабочих, шахское правительство с 1972/73 по 1976/77 г. повысило зарплату фабрично-заводских рабочих в 2,5—3 раза (в зависимости от отрасли), причем только за последние два кризисных года она возросла вдвое [41, с. 32]. Нередко в возникающих конфликтах между рабочими и предпринимателями государство заставляло последних удовлетворять требования рабочих, чтобы не допускать забастовок. В целом по уровню заработной платы, по обеспечению социальными услугами пролетариат был поставлен в привилегированное положение по отношению к остальным трудящимся. Такая политика приносила плоды: слабо организованный, не имеющий общих целей, поставленный частично в привилегированное положение, рабочий класс был неспособен на самостоятельную политическую борьбу.

Интеллигенция в Иране была разобщенной по составу и по идейно-политическим взглядам — от крайне реакционных до ультралевых. Начать серьезную борьбу против шахского режима ей было не под силу. В 1977 г., когда шах

провозгласил политику «либерализации», интеллигенция активизировала свою деятельность, но дело ограничилось проведением ряда вполне легальных мероприятий и написанием шаху нескольких обличительных писем (текст некоторых писем см. [54, с. 515—522]).

В 60—70-е годы в Иране существовали две буржуазные политические организации, находившиеся в оппозиции шахскому режиму,— Национальный фронт и Движение за свободу Ирана (ДСИ). После очередного поражения НФ в начале 60-х годов некоторые из его лидеров пришли к мысли о необходимости политического сотрудничества с шиитским духовенством, активно выступавшим против шаха. В 1963 г. один из руководителей НФ, Мехди Базарган, и аятолла Махмуд Талегани объявили о создании Движения за свободу Ирана, которое, как они предполагали, идейно объединит светскую интеллигенцию и духовенство. В 70-е годы ДСИ стало отражать интересы умеренного духовенства, тесно связанного с торговой буржуазией «базара». Основное требование ДСИ заключалось в восстановлении конституции 1906 г. Для духовенства главным было учредить предусмотренную конституцией комиссию из богословов, которая обладала прерогативой наложения вето на любой законопроект. Это совпадало с заинтересованностью торговой буржуазии в том, чтобы, используя парламент, затормозить ускоренное развитие промышленного капитализма и спасти систему «базара».

Восстановление конституции 1906 г. было основным лозунгом и Национального фронта. Но он рассматривал ее как средство, гарантирующее соблюдение буржуазных прав и свобод (текст Устава НФ см. [85, с. 57—62]). НФ выступал за восстановление и строгое соблюдение принципов конституционной монархии, при которой шах только царствует, а реально страной правит парламент. Фактически при сохранении института монархии НФ стремился преобразовать Иран в буржуазную парламентскую демократию с разделением законодательной, исполнительной и судебной власти. Программа НФ отвечала интересам средней промышленной буржуазии, которая претендовала на главенствующее положение в политике, что дало бы ей возможность законным, парламентским путем освободиться от контроля шахского государства и выработать экономический и политический курс в собственных интересах. Достижение этих целей обеспечивало бы прогрессивное развитие страны и переход к рыночным отношениям.

НФ считал, что для достижения этих целей необходимо создать независимое от шаха и подотчетное парламенту правительство, распустить САВАК, изъять из-под власти шаха армию и передать контроль над ней правительству, обеспечить быстрое осуществление программ промышленного раз-

вития страны, ликвидировать причины злоупотреблений и навести порядок в госаппарате, создать «независимую, сильную, справедливую и благочестивую судебную систему» [85, с. 60—62].

Хотя НФ и ДСИ выдвигали одно и то же требование — восстановить конституцию 1906 г., но цели, которые эти две организации преследовали, были едва ли не противоположными.

Степень организованности и влияния в иранском обществе в 70-е годы у НФ была невелика. Он представлял собой разрозненные группы деятелей, находившихся в эмиграции и сохранивших приверженность идеям, заложенным в программе НФ. Основную работу эти деятели вели среди эмигрантской интеллигенции и иранских студентов, обучающихся в Европе и США. Сколько-нибудь серьезной опоры в стране у НФ не было. К тому же иранская крупная буржуазия, занимавшая ведущие позиции в экономике, не считала НФ «своей» организацией.

Левое движение в Иране было представлено тремя относительно крупными организациями: Народной партией Ирана, Организацией партизан-федаев иранского народа (ОПФИН) и Организацией моджахедов иранского народа (ОМИН). Кроме них в Иране и за рубежом существовало множество мелких левых групп самых различных идейно-политических течений.

НПИ в программе, принятой в 1975 г., исходила из того, что Иран находится на переходном этапе от феодализма к капитализму. Шахский режим характеризовался как деспотический и антинациональный. По мнению НПИ, «рабочий класс больше, чем любой другой класс или слой трудящихся, подвергается прямому давлению и эксплуатации со стороны национального и иностранного капитала, а потому является важной и самой главной революционной силой нашей страны»; «усиливается боевой дух и сопротивление крестьянства правящему классу и правительственным чиновникам... большинство крестьян, исходя из своих социальных интересов, выступают против империализма, за демократию... трудящееся крестьянство является самым близким и главным союзником рабочего класса в деле коренных преобразований иранского общества»; основная масса мелкой буржуазии «подвергается давлению со стороны местных и иностранных капиталистов, органов государственного аппарата... такое положение толкает ремесленников и торговцев на борьбу за демократию, против империализма»; интеллигенция «терпит лишения из-за воздействия империализма, (подвергается политическому давлению и насилию со стороны режима, а потому выступает за демократию и подлинную независимость страны .. объективная необходимость борьбы делает для нее

все более очевидной потребностью тесного союза с рабочим классом и другими трудящимися города и деревни» [84, с. 21—24].

Поскольку, по мнению НПИ, все слои иранского общества выступали за демократию и против империализма, то и «революция на современном историческом этапе развития нашего общества явится национально-демократической революцией, содержание которой будет заключаться в следующем: ликвидация империалистической монополии на естественные богатства и в области экономики; достижение полной экономической и политической независимости Ирана; искоренение остатков докапиталистических порядков и выбор социалистической ориентации; демократизация политической и культурной жизни страны». Для этого были необходимы «свержение дряхлого монархического режима, ликвидация реакционного государственного аппарата и господства крупных капиталистов и землевладельцев и передача власти в руки национально-демократических классов и слоев — рабочих, крестьян, мелкой буржуазии (ремесленников и торговцев), патриотически и прогрессивно настроенной интеллигенции и слоев национальной буржуазии, т. е. установление национально-демократической республики» [84, с. 26].

Ввиду того, что «только руководящая роль рабочего класса способна обеспечить последовательность революции, углубить ее народный характер и поднять до социалистического уровня... партия считает своим долгом всеми силами бороться за обеспечение руководящей роли рабочего класса в национально-демократической революции... Народная партия Ирана считает капиталистический путь развития в современных исторических условиях вредоносным для действительного прогресса и благополучия иранского общества, поскольку этот путь на место старой эксплуатации ставит эксплуатацию капиталистическую» [84, с. 27—28].

Такая программа, в которой анализ реальных процессов в иранском обществе подменялся набором штампов, взятых из советской политико-идеологической пропагандистской риторики, не могла быть привлекательной для широких масс. Призывы к созданию единого национально-демократического фронта, в котором пролетариат объединился бы с национальной буржуазией, чтобы «углубить народный характер революции и поднять ее до социалистического уровня», звучали как глас вопиющего в пустыне. Руководство НПИ, долгие годы прожившее в эмиграции в СССР и пропитавшееся духом советской партийно-государственной системы, утратил чувство реальности, принимая желаемое за действительное. Неудивительно, что НПИ не имела практически никакого влияния в рабочем классе, находилась в конфликте с остальными левыми организациями, а национальная буржуазия, ко-

торая она приглашала в союзники, вдела в ней марионетку

Организация партизан-федаев иранского народа возникла в начале 70-х годов на основе отколовшейся от НПИ группы недовольной бездеятельностью руководства НПИ. Но партизаны-федаи, жаждавшие активной борьбы, из одной крайности бросились в другую. Во главу тактики они поставили вооруженную борьбу. По их мнению, в условиях шахского режима, когда народные массы задавлены страхом перед репрессиями, задача боевого авангарда заключается в том, чтобы вооруженными акциями против режима развеять этот страх, продемонстрировать массам возможность активной борьбы с режимом. «Начало вооруженной борьбы означает, что объективные и субъективные условия революции подготовлены и что с началом этой борьбы начинается и революция. Поскольку эта борьба подготовительная, вовсе не обязательно, чтобы созрели все условия для революции, которые якобы только и дают авангарду право приступить к мирным действиям. Движение само в своем развитии дойдет до необходимых условий, на определенном этапе массы присоединятся к вооруженной борьбе, и революция свершится» [90, с. 2].

Партизаны-федаи считали, что в Иране еще нет «объективных условий для социалистической революции. Во-первых, капиталистические отношения победили не во всех сферах. Во-вторых, уровень классовый и политической сознательности рабочего класса низок. В-третьих, рабочий класс не имеет своей партии», поэтому «надо свершить такую революцию, которая могла бы подготовить объективные и субъективные условия для перехода к социализму. Другими словами, Иран должен перейти на путь некапиталистического развития и на этом пути постепенно подготовить условия для перехода к социалистическому строительству. Сделать это можно путем свершения национально-демократической революции и создания национально-демократического правительства. Ясно, что национально-демократическая революция должна быть осуществлена не мирным и парламентским путем, как предлагают правые оппортунисты, т. е. руководство НПИ, только посредством национальной вооруженной борьбы» [90, с. 46].

Следует отдать должное мужеству и самопожертвованию партизан-федаев, которые с начала 70-х годов развернули вооруженные действия и создали сеть подпольных ячеек по всей стране. Но трагедия партизан-федаев состояла в том, что их самоотверженная вооруженная борьба, в которой погибли многие десятки членов организации, обернулась террором и вела в тупик. Массы к ней не присоединились и не могли присоединиться. Некоторых сторонников партизаны-

федаи завоевали главным образом среди таких же, как и они,, горячих и максималистски настроенных студентов.

Организация моджахедов иранского народа была создана в 1966 г. группой, отколовшейся от Движения за свободу Ирана по той же причине, по которой ОПФИН откололась от НПИ. И точно так же моджахеды взяли курс на вооруженную борьбу и развертывание партизанских действий на территории Ирана. Но в основу своей политической платформы они положили не превратно понятый марксизм-ленинизм,, как федаи, а модернизированные, «прогрессивные» идеи ислама, в частности идею социальной справедливости и равенства. Вместе с тем часть моджахедов заявляла о своей приверженности марксизму-ленинизму, в результате чего организация в 1975 г. раскололась: «марксистско-ленинская» группа вышла из нее и создала самостоятельную организацию «Пейкар» («Борьба»).

Стратегической целью ОМИН было построение на основе принципов ислама бесклассового общества, лишенного любых форм диктатуры и эксплуатации. Этой цели они намеревались достигнуть путем создания широкой коалиции антишахских и антиимпериалистических сил, свержения монархии вооруженным путем, учреждения демократического строя и перехода на некапиталистический путь развития, который в отдаленной перспективе приведет к установлению исламской социалистической республики (программу моджахедов см. [83]).

Благодаря тому что моджахеды использовали в своей пропаганде понятные и привычные мусульманам религиозные образы, они пользовались более широкой поддержкой, чем федаи, в студенческой среде и у части молодежи городских «низов», которых привлекала к моджахедам возможность активной борьбы и идея социальной справедливости. Но и движение моджахедов не имело перспективы, поскольку их идейная платформа была утопией. Мы уже знаем, к чему могут привести попытки воплотить в жизнь утопические цели и «загнать железной рукой народ к счастью».

Еще одно политическое течение, не получившее формального организационного оформления, объединяло сторонников идейно-политической программы, разработанной аятоллой Хомейни в конце 60-х — начале 70-х годов. Основные положения этой программы были изложены в его книге «Принципы правления в исламской республике» [89]. Убежденный в том, что все беды Ирана исходят от монархии, которая, открыв двери иностранцам и насаждая в стране западный образ жизни, разрушает национальную самобытность иранцев и подрывает основы ислама, Хомейни утверждал, что для спасения страны необходимо ликвидировать монархию,, изгнать иностранцев и передать верховную власть богосло-

ам, которые должны занять все высшие посты в государстве.

По мнению Хомейни, все области жизни Ирана — политическая, экономическая, социальная, идеологическая, культурная — должны быть строго подчинены законам ислама. Систему органов государственной власти Хомейни делил на три группы: группа принятия решений, совещательная группа, исполнительная группа. Группа принятия решений — это высший орган, состоящий исключительно из богословов, которые на основе толкования первоисточников (Корана, сунны, хадисов) принимают основополагающие для жизни страны решения. Совещательная группа — это, по существу, парламент, избираемый народом. Его функции — на основе принятых решений разрабатывать конкретные законопроекты. В этой группе не менее пяти депутатов должны быть богословами, наделенными правом следить, чтобы принимаемые парламентом законы соответствовали исламским предписаниям. Исполнительная группа — это коллегия министров, причем все министры и все им подчиненные должны быть либо богословами, либо лицами, уполномоченными богословами. Все работники органов правосудия — от министра юстиции до городского или сельского судьи — должны быть обязательно богословами соответствующих званий. Возглавляет пирамиду власти «велайате фажих» — богослов высшего звания, выполняющий наместническую функцию в период «сокрытия» Махди, последнего из 12 почитаемых шиитами имамов.

Государственный строй Хомейни называл исламской республикой. По мнению Хомейни, лица, занимающие государственные посты, «должны обладать такими достоинствами, чтобы пороки, присущие существующим политическим системам, превратились при исламском строе в достоинства, чтобы каждый начальник государственного учреждения был достоин доверия народа... и народ будет считать их искренними служителями исламского общества, достойными благодарности и почитания... При исламском строе вся нация — начальники и подчиненные, сотрудники учреждений и торговцы, религиозные деятели и студенты, работодатели и рабочие — все будут братьями и равноправными. Совершенно очевидно, что между ними будут господствовать искренность и братство; не будет существовать конфликтов по поводу постов, званий, богатства и т. п.; имущество и состояние всех и каждого будет чистосердечно предоставлено в распоряжение всех и каждого» [89, с. 11].

В исламском духе Хомейни трактовал и вопросы собственности. Все в мире принадлежит Богу. Бог создал землю и вручил ее людям, чтобы они ею пользовались. Поэтому людям принадлежит только то, что они создали своим трудом. Приобретенное «благочестивым» способом имущество

не может быть никем отчуждено. Каждый человек должен трудиться сам, он не имеет права эксплуатировать другого человека. Помимо личной собственности существует и государственная собственность двух видов: к первому виду относятся неиспользуемые земли, горы, моря, реки, собственность бывших монархов, земли и имущество, завоеванные у неверных, особо ценные трофеи; второй вид, составляющий государственную казну, создается взиманием «хумса» (двадцатипроцентного мусульманского налога) с военных трофеев; разработки полезных ископаемых; найденных кладов; добытых из моря неживых предметов, таких, как янтарь, жемчуг • и т. п.; со сделок на землю, заключенных неверными с мусульманами; с богатства, добытого частично нечестным трудом; с любых получаемых доходов. Кроме того, мусульмане платят «закят», особый вид налога, регламентируемый исламскими правилами. Государственная казна используется на содержание государственного аппарата и удовлетворение нужд населения. Хомейни перечисляет 13 статей государственных расходов, включающих помощь беднякам, содержание госаппарата и армии, строительство больниц, учебных заведений, фабрик и заводов, расходы на религиозную пропаганду в стране и за рубежом и т. д.

Общество Хомейни делил на «мостазефинов» (обездоленных) и «мостакберинов» (благоденствующих), причем критерием этого разделения служит не бедность и богатство, а благочестие или нарушение исламских канонов.

Эти и другие конкретные положения тонут в работах Хомейни в многословных рассуждениях, бесчисленных ссылок на Коран и сунну. И хотя вся его концепция внутренне противоречива, многие идеи абстрактны и не сочетаются с реальной действительностью, каждый мог почерпнуть то, что больше всего ему импонирует, отвечает его жизненным интересам. Но главное, его измышления давали простой и ясный ответ на вопрос «что делать, кто виноват?»: виноваты монархия и империализм, а потому, чтобы добиться счастливой жизни, нужно уничтожить монархию и влияние империализма в стране.

Теория Хомейни являлась реакционной утопией. В политическом плане она предусматривала замену шахской диктатуры диктатурой шиитских богословов; в социальном плане обещала установить всеобщую справедливость; современные экономические отношения она помещала в рамки средневековых исламских норм и разрывала экономические связи с внешним миром; во внешнеполитическом плане она провозглашала превосходство исламской идеологии над всеми другими идеологиями, намечала курс на воинствующий антиимпериализм и антикоммунизм при самоизоляции страны от ценностей мировой цивилизации.

В отличие от других основных политических течений — буржуазно-демократического и левого — исламское течение имело хорошо налаженные организационные формы в виде сети мечетей и иных исламских институтов, обладало большим влиянием среди значительной части населения и опиралось на мелкотоварную систему «базара», т. е. на традиционную часть базиса, которую современный промышленный капитализм еще не успел «перемолоть». При этом, если умеренная часть исламского течения больше защищала традиционный торговый капитал «базара», то ортодоксальная часть больше выражала реальные или мнимые интересы традиционных мелкобуржуазных масс «базара». Умеренное духовенство, возглавляемое «кумоким триумвиратом» — великими аятоллами Шариатмадари (фактическим главой шиитской общины в Иране), Мараши-Наджафи и Гольпаегани, — не разделяло идей Хомейни относительно предлагаемой им модели исламского государства с фактически единоличной властью «велайате факиха», на роль которого явно метил Хомейни.

Расстановка сил в обществе во многом предопределила: характер политической борьбы в Иране. Развернутая левыми организациями с начала 70-х годов вооруженная борьба особого успеха не имела. Активизация интеллигенции в 1977 г., студенческие волнения большой опасности для шахского режима не представляли. Но ситуация изменилась, когда активные действия начала исламская оппозиция.

Поводом послужила статья в газете «Эттелаат», опубликованная 7 января 1978 г. и содержащая оскорбительные высказывания в адрес Хомейни. На следующий же день аятолла Рухани, выступая в мечети в Куме перед многочисленной толпой, демонстративно разорвал газету и призвал верующих в знак протеста выйти на улицы. При разгоне манифестаций полицией случайно был убит студент медресе. Духовенство воспользовалось этим трагическим фактом и 9 января устроило новые шествия, в которых приняло участие около 4 тыс. человек. Они прошли под лозунгами восстановления конституционной монархии и ограничения единоличной власти шаха [27, с. 194]. Это свидетельствовало о том, что организаторами выступления были представители умеренного духовенства. Не случайно, что накануне демонстрации в одной из мечетей Кума было зачитано послание аятоллы Шариатмадари, в котором он призывал организовать акцию* протеста.

В демонстрации участвовали в основном толлабы — студенты религиозных учебных заведений. Желая отомстить полицейским за убитого, они вступили с ними в конфронтацию, а попросту — в драку. Полицейские открыли по нападавшим огонь, что еще больше накалило страсти. По официальным

сведениям, было убито 5 человек; представители оппозиции однако, утверждали, что 100 человек были убиты, 500 ранены и 4 тыс. арестованы [97, с. 308]. Очевидно, что официальные власти могли преуменьшить число пострадавших, а оппозиция — преувеличить, особенно в отношении арестованных: в Куме насчитывалось всего немногим более 6 тыс. толлабов. Кумская полиция физически была не способна арестовать столько людей, к тому же их нужно было где-то сдержать под арестом.

Трудно утверждать, была ли акция в Куме частью заранее продуманных и далеко идущих планов. Но бесспорно то, что духовенство использовало ее для дальнейшего нагнетания напряженности в стране, учитывая недовольство широких масс последствиями экономического кризиса.

Весь январь и большую часть февраля в стране сохранялось спокойствие. Но за три дня до «чехелом» («40-го дня» — дня поминовения умерших) «кумокий триумvirат» призвал провести всеобщий день скорби по погибшим в Куме. В главном городе провинции Восточный Азербайджан Тебризе, который был «религиозной вотчиной» аятоллы Шариатмадари, 22 февраля 1978 г. большая толпа верующих двинулась к Золотой мечети, где, как было объявлено духовенством, должен был состояться траурный митинг. Но двери мечети по распоряжению начальника полиции Тебриза Хакшенаса были закрыты. На виду у и без того возбужденной толпы Хакшенас демонстративно разорвал заранее поданное Шариатмадари властям заявление с просьбой разрешить митинг. Одного человека из толпы, начавшего в резкой форме обвинять начальника полиции в неуважении к аятолле Шариатмадари, Хакшенас застрелил на месте. Это привело к взрыву негодования, которое вылилось в погромные действия. Разъяренная толпа, состоявшая в основном из люмпенов, разгромила 73 отделения банков и 4 из них сожгла дотла. Кроме того, были повреждены 22 магазина, 4 гостиницы, Технологический институт, 2 правительственных здания, 28 автомобилей, 9 кинотеатров, множество телефонных кабинок и парковочных счетчиков. Погромщики пытались поджечь 12-этажное здание гостиницы «Шах Исмаил», в которой проживали в основном иностранные специалисты, работавшие на Тебризском машиностроительном заводе, полиции удалось их разогнать. Беспорядки длились примерно до часу дня, после чего наступило затишье. Но в четыре часа они возобновились и продолжались до девяти часов вечера. В ходе их было тяжело ранено 125 человек, в том числе 9 рядовых полицейских и 2 офицера [112, 25.02.1978].

Эти погромы вписаны в историю Ирана как «восстан! народа Тебриза». Но этот «стихийный взрыв народного гнева» напоминает тактику, которую шиитское духовенство

применяло в прошлом, в частности в ходе переворота, ^ер Мосаддыка в 1953 г. Тогда подстрекаемая духовенством толпа деклассированных элементов запрудила центральную часть Тегерана, демонстрируя «гнев народа» против политики Мосаддыка. Вполне очевидно, что и в Тебризе были [заранее подготовлены группы люмпенов, которым было дано задание устроить погромы и тем самым спровоцировать полицию на ответные меры в расчете на то, что новые жертвы вызовут еще большую ненависть к шахскому режиму и обострят напряженность в стране¹⁴.

После тебризских событий в Иране вновь воцарилось относительное спокойствие. Однако через 40 дней по стране прокатилась новая волна выступлений, теперь уже в память о погибших в Тебризе. И так каждые 40 дней накатывалась волна за волной, множились жертвы, вызывая еще больший размах последующей волны и еще большие жертвы.

В этом и заключалась тактика исламских лидеров: подставляя под пули ни в чем не повинных людей, разжигая ярость верующих обличающими шахский режим и «империализм» проповедями, они добивались расширения и усиления воинственности движения с тем, чтобы оказать нажим на шаха и заставить его (пойти на удовлетворение требований умеренного духовенства — согласиться на введение конституционной монархии, отказаться от единоличной власти и вое- установить конституцию 1906 г.

Духовенство использовало и другие формы борьбы. Одной из них было закрытие базаров. По призыву богословов базары закрывались во время демонстраций, в знак протеста против ареста того или иного религиозного деятеля, по случаю религиозных дат, например дня рождения или смерти одного из 12 чтимых шийтскими имамами. При этом духовенство согласовывало свои действия с крупными торговцами базара, ибо ни один лавочник не посмел бы прекратить торговлю без распоряжения своего «патрона». Одновременное закрытие базаров во всех крупных городах указывало на то, что предпринимаемые действия не были стихийной формой протеста мелких лавочников, а координировались и направлялись. Более того, специальные группы следили за выполнением распоряжения о закрытии базаров, и лавочник, не выполнивший его, мог быть избит, а его лавка — разгромлена.

Периодически то в одном, то в другом городе организовывались взрывы кинотеатров, банков, казино, ресторанов * Других заведений, которые духовенство в проповедях именovalo очагами разврата, «рассадниками империалистического влияния». В общественное сознание внедрялась ненависть к той материальной и духовной культуре, которая под- Рывала устой ислама и потому была ненавистна духовенству.

Для иранцев кино было единственным общедоступным

развлечением, и они охотно посещали кинотеатры. Но через фильмы они могли сравнивать, как живут люди «там», с тем образом жизни, который навязывало обществу, особенно молодежи, духовенство. Именно этого духовенство и опасалось..

Взрывы и поджоги банков, безусловно, организовывались хомейнистской группировкой. Торговая буржуазия «базара» и мелкие лавочники сами пользовались услугами банков. Без этого ИХ деятельность была бы невозможна. Хомейнисты же стремились разрушить банковскую систему, чтобы развалить промышленное производство—экономическую основу шахской власти. Взрывать заводы им было не под силу, но, методически уничтожая небольшие помещения отделений банков по всей стране, можно в конечном счете остановить, заводы.

Параллельно с акциями, организуемыми духовенством, происходили студенческие волнения. В 1977 г. в Иране* в 180 высших учебных заведениях обучалось 190 тыс. студентов. Крупным студенческим центром был Тегеран с 60 высшими учебными заведениями. Только в Тегеранском университете обучалось более 17 тыс. студентов [50, с. 230; 54,, с. 46—47]. Многочисленность и высокая территориальная концентрация предопределяли значимость студенческого движения.

Весной 1978 г. в ходе студенческих волнений выдвигались, главным образом «академические» требования: предоставление автономии университетам, повышение стипендий, строительство новых общежитий, изменение некоторых учебных программ и т. п. Студенческие выступления начались еще: в 1977 г., когда шахское правительство резко сократило бюджетные расходы на высшее образование, а кризис в экономике лишил многих выпускников надежды на получение работы. В ходе студенческих выступлений выдвигались также политические и общедемократические требования.

Студенческое движение, особенно в начальный период, не находилось под влиянием духовенства. Напротив, в нем сильны были «левые» настроения, в том числе леворадикальные исламские. Митинги и демонстрации студентов, другие формы протеста, как правило, не координировались с подобными же мероприятиями, организуемыми духовенством.

Федаи и моджахеды действовали на протяжении 1978 г. в подполье. Можно только предполагать, что именно они совершали дерзкие налеты на полицейские участки и отделения САВАК, сообщения о которых появлялись в печати.

В целом же основную организаторскую роль в массовых выступлениях с января и почти до конца лета 1978 г. играло умеренное духовенство в союзе с торговой буржуазией «базара». Активность хомейнистской части духовенства была невелика, хотя оно и вело пропагандистскую работу среди:

мусульман. В частности, в Исфахане, где позиции хомейнистов были особенно сильны, массовых демонстраций не наблюдалось фактически до конца лета, но между тем было взорвано больше всего кинотеатров, отделений банков и ресторанов. В этом была логика: организуя массовые выступления, хомейнистское духовенство помогало бы добиваться своих целей умеренному духовенству. Поэтому оно и делало главный упор на погромы с целью дестабилизации обстановки.

В конце июля 1978 г. появились сообщения, что в правительственных кругах готовится проект реформ в политической области и в 1979 г. состоятся новые парламентские выборы. Умеренное духовенство ограничило масштабы выступлений. Очередная 40-дневная волна «народного гнева» была очень слабой. Практически только в Мешхеде были отмечены столкновения полиции с толпой, вышедшей из мечети после траурной церемонии по погибшему в автомобильной катастрофе видному религиозному деятелю Ахмеду Кафи.

Уменьшением размаха выступлений умеренное духовенство давало шаху понять, что оно контролирует ситуацию и готово принять условия компромисса. В свою очередь, шах в заявлении 5 августа 1978 г. подчеркнул, что «через несколько месяцев режим станет сравнимым с западной демократией» [95, с. 157]. Он также отметил, что выборы в парламент состоятся весной 1979 г. и будут проходить в свободной демократической атмосфере. Шах пообещал разрешить мирные демонстрации, если они не будут нарушать общественный порядок и сопровождаться насильственными действиями. В парламент был внесен законопроект о свободе слова и собраний. Спикер парламента Абдолла Риази, комментируя заявление шаха, отметил: «Обещание шахиншаха провести свободные выборы означает, что партия „Растахиз" не будет единственной, имеющей право выдвигать кандидатов на выборах» [111, 13.08.1978].

Намечавшаяся уступка шахского режима умеренному духовенству обеспокоила хомейнистскую группировку. С целью сорвать возможность достижения компромисса хомейнисты активизировали антишахскую пропаганду и организовали серию насильственных действий, особенно в Исфахане. За подстрекательские выступления 1 августа власти арестовали видного религиозного деятеля Джалаледдина Тахери. В ответ исламские экстремисты бросили бомбу во двор американского консульства, предприняли попытку поджечь гостиницу «Шах Аббас», в которой размещалась исфаханская резиденция шаха, взорвали ряд кинотеатров. По обвинению в организации насильственных действий власти 11 августа отдали приказ арестовать известного богослова Хусейна Хадеми, но собравшаяся у его дома воинствующая толпа воспрепятствовала этому.

В тот же день толпа в несколько сот человек двинулась из окраинных районов к центру, круша и сжигая все на своем пути. В мэрию звонили неизвестные лица и угрожали сжечь весь город. Военный губернатор Исфахана Реза Наджи приказал направить против бесчинствующей толпы воинские подразделения, поскольку сил полиции было недостаточно. В городе было введено военное положение. Все центральные площади заняли танки и самоходные орудия, грузовики с солдатами наготове. С восьми вечера до шести утра вводился комендантский час. Одновременно волнения и столкновения были спровоцированы хомейнистами в Тегеране, Ахвазе, Куме, Тебризе, Ардебиле, Керманшахе и других городах.

Но эти выступления не помешали шаху приступить к выполнению своих обещаний. 27 августа он уволил в отставку правительство технократа Д. Амузегара и назначил премьер-министром Дж. Шарифа-Имами, политического деятеля старой школы, мастера маневров и компромиссов, который уже однажды, в 1960—1961 гг., т. е. еще до начала аграрной реформы, занимал этот пост. По духу он был близок представителям торгового капитала «базара» и умеренного духовенства. Провозглашенная новым кабинетом программа предусматривала немедленную отмену цензуры, свободу слова, митингов и собраний, свободу партийной деятельности, борьбу с коррупцией в государственном аппарате.

Правительство Дж. Шарифа-Имами пошло и на некоторые уступки духовенству: были закрыты казино и другие увеселительные заведения, «противоречащие нормам ислама», отменен введенный шахом в 1976 г. календарь, который начинал летосчисление с даты основания Ахеменидской державы (первого государственного образования на территории древнего Ирана), и восстановлен прежний исламский календарь, в котором за начало отсчета времени был принят год совершения пророком Мухаммедом «хиджры» из Мекки в Медину, где он основал первую исламскую общину, положив начало исламской религии.

В первые же недели после заявления Дж. Шарифа-Имами о том, что «в соответствии с конституцией все партии пользуются свободой и могут невозбранно продолжать свою деятельность» [105, 20.08.1978], легализовались Национальный фронт и Движение за свободу Ирана; восстановил партию «Паниранисты» ее бывший лидер М. Пезешшур; А. Бани Ахмад основал Социал-демократическую партию, вскоре переименованную в Союз за свободу Ирана; Р. Мокаддам создал Радикальное движение Ирана; возникли десятки других организаций, союзов, обществ, ассоциаций, движений, политических клубов. Буржуазно-демократическая интеллигенция праздновала победу. Освобожденные от цензуры газеты не успевали публиковать заявления лидеров, программы и плат-

формы новых организаций. Главными требованиями в них были роспуск парламента и проведение демократических выборов, ликвидация САВАК, создание независимой судебной системы и роспуск всех особых судов и трибуналов, освобождение политических заключенных, возвращение в страну политических эмигрантов, соблюдение свободы слова, печати, собраний, наказание всех, замешанных «в коррупции и виновных в массовых расстрелах». Эти программы и платформы были чисто светскими, и интересы духовенства в них никак не учитывались.

Давление, оказывавшееся на шахский режим умеренным духовенством, возымело действие. Шах пошел на серьезные уступки, но сделал это весьма своеобразно. Программа правительства Дж. Шарифа-Имами была составлена таким образом, чтобы выгоду получила в первую очередь светская буржуазная интеллигенция, уже имевшая опыт партийной деятельности. Перед ней открывались перспективы завоевания большинства в парламенте и удовлетворения ее интересов, мирным, парламентским путем.

Вместе с тем шах сталкивал ее с исламской оппозицией, также претендовавшей на власть. Шах рассчитывал, что в борьбе против поползновений исламской оппозиции светская оппозиция будет искать поддержку шахского режима. Он пытался сделать ее союзницей в борьбе против духовенства, которое он ненавидел лютой ненавистью, называя его не иначе как «черной реакцией», более опасной, чем «красная угроза». Шах не мог простить духовенству поддержку Мосаддыка в ходе борьбы за национализацию нефти, что едва не стоило ему трона. Не с лучшей стороны характеризовало духовенство и то, что в самый трудный момент оно предало Мосаддыка, когда понял, что не добьется своих целей с его помощью. Не мог забыть шах и яростной борьбы духовенства против реформ «белой революции» в начале 60-х годов и поднятый им мятеж в июне 1963 г. В духовенстве Мохаммед Реза Пехлеви видел, и не без основания, главный тормоз прогрессивного развития страны. Поэтому он скорее бы согласился стать конституционным монархом и передать буржуазии власть, лишь бы ее не захватило духовенство.

Умеренное духовенство оказалось в затруднительном положении. Восемь месяцев оно организовывало давление на шаха, а все плоды его усилий достались светским политическим деятелям. Ни программа правительства Дж. Шарифа-Имами, ни программы буржуазных партий и организаций не принимали в расчет духовенство. Оно чувствовало себя обманутым и правительством, и буржуазной оппозицией.

Но самую большую угрозу наметившаяся возможность установления буржуазной парламентской демократии представляла для ортодоксальной хомейнистской группировки.

Если бы буржуазной оппозиции удалось завоевать парламент, ограничить единоличную власть шаха, начать выход из экономического кризиса и стабилизировать политическую обстановку, это перечеркнуло бы все надежды хомейнистов прийти к власти. Ортодоксам же нужны были не демократия, спокойствие и процветание страны. Им нужна была именно власть как гарантия сохранения и укрепления сословно-корпоративных интересов и привилегий духовенства.

Хомейниетская группировка решила сорвать компромисс между шахом и буржуазной оппозицией. 4 сентября праздновался «Эйде фетр» — день разговения после религиозного месячного поста рамазан. По традиции, этот праздник после изнурительного строгого поста всегда сопровождался народными гуляниями «а улицах, в парках, в скверах. Хомейнисты, рассчитывая на массовость организуемых ими выступлений, не ошиблись. В Тегеране, например, в демонстрации приняло участие полмиллиона человек и она растянулась по улицам на 20 км [100, с. 60]. Причем впервые с начала антишахского движения над колоннами демонстрантов появились транспаранты с лозунгами «Смерть шаху», «Да здравствует исламская республика!» и портреты Хомейни. Эти же лозунги скандировали сотни тысяч голосов.

Это не был стихийный народный порыв. Огромное количество транспарантов было заранее изготовлено на профессиональном уровне. Были подготовлены «группы скандирования» и распределены роли «дирижеров», разработан и утвержден перечень лозунгов, причем лозунги обязательно должны были быть ритмическими и рифмованными. По команде «дирижера» «группа скандирования» начинала выкрикивать очередной лозунг, толпа подхватывала, а «дирижер» жестами задавал нужный ритм и темп скандирования. Нарастающее иступленное возбуждение постепенно доводило людей до массового психоза, когда человек утрачивает ощущение личности и им управляют уже законы пришедшей в состояние религиозного экстаза толпы.

Учитывая размах манифестаций и не желая допустить конфронтации, шахские власти отдали полиции приказ не вмешиваться. Демонстрации прошли мирно. Только в Куме произошли стычки демонстрантов с полицией, в результате чего несколько человек были убиты. Ободренные успехом, хомейнисты организовали новые шествия 7 сентября, которые по размаху превзошли демонстрации 4 сентября, да и участники шествий сели себя более агрессивно.

Развитие событий принимало нежелательный для шаха оборот. Вечером 7 сентября он распорядился ввести военное положение в Тегеране и 12 других крупных городах. Тем не менее духовенство призвало продолжить демонстрации 8 сентября. Оно понимало, что условиями военного положе-

ния пренебрегать нельзя. К тому же оно видело пример Исфахана, где военное положение и комендантский час выдерживались очень строго уже почти месяц. Но хомейнистам как раз и нужны были кровь и многочисленные жертвы, чтобы сорвать процесс демократизации режима власти.

Утром 8 сентября верующие начали стекаться к площади Жале, где в мечети аятолла Нури должен был произнести пятничную проповедь. Но площадь была оцеплена солдатами. Офицер через мегафон предупредил, что в городе объявлено военное положение, и потребовал от собравшихся разойтись, иначе он вынужден будет применить оружие. А в ответ толпы уже привычно скандировали «Смерть шаху» и «Да здравствует исламская республика!». С целью рассеять толпу солдаты по приказу офицера открыли огонь. Расстрел на площади Жале вызвал вспышки насилия в других местах города, которые были жестоко подавлены. По официальным данным, в тот день было убито 58 человек и ранено 205 [111, 09.08.1978]. По подсчетам американского посла в Тегеране, было убито свыше 200 человек [98, с. 162]. Исламские деятели заявили, что погибло более 4 тыс. [99, с. 257].

8 сентября, названное в Иране «черной пятницей», положило конец надеждам светской буржуазной оппозиции прийти к власти мирным, парламентским путем. После кровавого побоища, устроенного вслед за обещаниями шаха провести демократические реформы, ни одна политическая сила не могла пойти на компромисс с монархией, не рискуя своим авторитетом.

С этого дня лозунги «Смерть шаху» и «Да здравствует исламская республика!» стали основными для всего антишахского движения. Умеренное духовенство было вынуждено присоединиться к ортодоксальной хомейниетской группировке, чтобы не остаться на обочине.

Хомейнисты добились своего: возможность установления буржуазной парламентской демократии при сохранении института монархии была похоронена. Лозунг восстановления конституции 1906 г., выдвигавшийся светской оппозицией и умеренным духовенством, был забыт. Начинаясь новый этап борьбы — борьбы за ликвидацию монархии и установление исламской республики, за которой скрывалось стремление хомейнистов к единоличной власти, к установлению мелкобуржуазного по сути и теократического по форме режима. Инициатива в дальнейшем развертывания политической борьбы перешла от буржуазно-демократических и умеренно-исламских кругов к исламским реакционным кругам.

Но реакционными они были не потому, что стремились к диктатуре в противовес демократии. Буржуазная демократия давала Ирану шанс преодолеть кризисное состояние общества, она отвечала объективным потребностям дальнейше-

го развития буржуазной социальной революции. Исламская же диктатура лишала иранское общество этого шанса. Архаичные экономические представления хомейнистов, почерпнутые из ветхозаветных коранических сур, проповедуемый ими по сути мелкобуржуазный идеал «справедливого» уравнительного распределения богатства не способствовали выходу из экономического кризиса.

Ликвидация монархии и ослабление государственного контроля над мелким предпринимательством, уменьшение давления крупного промышленного капитала на традиционные мелкотоварные структуры соответствовали сиюминутным интересам традиционных мелкобуржуазных масс, но в перспективе исламская диктатура была способна только затормозить экономическое развитие общества, еще больше обострить противоречия в «ем, в результате чего пострадали бы и интересы этих масс. С социально-экономической точки зрения исламская диктатура была даже реакционнее шахской диктатуры, поскольку шах хотя и наделал много ошибок, но все же был заинтересован в промышленном развитии страны. Исламская же диктатура намеревалась сохранить и упрочить уже исторически изживший себя традиционный мелкотоварный уклад, обращаясь к мелкобуржуазным и религиозным предрассудкам традиционных масс.

Реакция торжествует

После введения военного положения духовенство не решалось организовывать массовые акции. Тем более что власти заявили о решимости не только подавлять демонстрации, но и распространяться с их организаторами. Некоторые религиозные деятели, в том числе и аятолла Нури, инициатор пятничной молитвы в мечети «а площади Жале 8 сентября, были арестованы.

Внешне в стране воцарилось спокойствие, периодически нарушаемое мелкими акциями: взрывами кинотеатров, отделений банков, ночными налетами на полицейские и армейские патрули и т. п., которые совершались исламскими боевиками и, вероятно, феодами и моджахедами.

Но это {Спокойствие было обманчивым, поскольку введение военного положения и комендантского часа с восьми вечера до шести утра нарушило привычный уклад жизни больших городов. До наступления комендантского часа все магазины и лавки закрывались. Многие же горожане привыкли делать покупки именно вечером, после рабочего дня, когда спадала жара. К тому же запрещение передвижения по городу во время комендантского часа осложнило подвоз продуктов, и в городах начала ощущаться их нехватка. Лавоч-

ники пытались компенсировать убытки, которые они несли из-за невозможности торговли в вечерние часы и ухудшения снабжения товарами, дополнительным резким повышением цен. В первые недели после введения комендантского часа началась неразбериха с работой во вторую и третью смены. Нарушилась система снабжения городов бензином, нефтепродуктами и газом для бытовых нужд. К бензозаправочным станциям тянулись многокилометровые очереди из машин. Превратился в проблему вызов врача к заболевшему в ночное и вечернее время. Пекарни ночью не работали, и утром было невозможно купить хлеб. Из-за непрекращающихся взрывов отделений банков лавочки и владельцы небольших магазинов перестали сдавать дневную выручку. В стране начала ощущаться нехватка наличных денег для выплаты рабочим зарплаты. К тому же все учащавшиеся нападения на банки дезорганизовывали работу банковской системы, поскольку выходили из строя компьютеры с заложенными в их память данными о банковских операциях. С наступлением комендантского часа население городов вынуждено было сидеть по домам, развлечения и культурный отдых после рабочего дня стали недоступными. Среди жителей городов царил неуверенность в завтрашнем дне и личной безопасности: любой мог быть арестован по малейшему подозрению или недоразумению.

Все это вызывало глухое брожение и недовольство даже среди тех слоев, которые прежде проявляли политическую пассивность. Такими были фабрично-заводской пролетариат, служащие государственных и частных учреждений, которые на протяжении девяти месяцев не принимали никакого участия в организуемых духовенством акциях. Даже в дни наиболее массовых демонстраций все промышленные предприятия, учреждения и большинство крупных магазинов работали как обычно.

Однако с начала октября 1978 г. в стране стало нарастать забастовочное движение. 1 октября объявили забастовку служащие связи, требуя повышения заработной платы. 2 октября забастовали работники всех 1800 отделений Национального банка в связи с тем, что незадолго до этого правительство в превентивном порядке повысило на 50% зарплату служащим Центрального банка. Пример оказался заразительным. Для того чтобы быстро погасить забастовку, правительство повысило зарплату связистам и банковским служащим на 100% [Ю9, 10.10.1978]. Но вслед за служащими государственного банка потребовали повышения зарплаты и служащие частных банков, объявив забастовку. На Исфаханском металлургическом комбинате остановился транспортный цех. Поводом для забастовки послужило то, что в установленный день водителям не выдали зарплату, так как

бастовало отделение банка, обслуживавшего завод. Забастовка транспортного цеха автоматически привела к почти полной остановке завода, так как он расположен в нескольких десятках километров от города и в нескольких километрах от двух заводских поселков, а рабочие и служащие доставлялись на место работы в основном заводским транспортом.

Советским специалистам, работавшим на заводе, -с огромным трудом удалось предотвратить остановку 'коксовых батарей, что вызвало бы их разрушение и выход из строя завода по крайней мере на несколько лет. Оставшаяся на заводе ночная смена присоединилась к транспортникам, стихийно возник забастовочный комитет, выработавший требования к администрации: повышение зарплаты, улучшение медицинского обслуживания " (т. е. увеличение дотаций на приобретение лекарств и оплату врачей), жилищных условий, увольнение мастеров, начальников служб и цехов, неугодных рабочим.

В Кермане несколько тысяч рабочих вышли на демонстрацию в знак протеста против того, что администрация госпиталя отказалась принять умирающего ребенка, поскольку персонал госпиталя бастовал. Медицинские работники бастовали по всей стране, оставив больных без помощи. Забастовка 30 тыс. железнодорожников парализовала движение на железных дорогах. 7 октября объявили забастовку служащие министерства финансов, торговли, юстиции, плановой и бюджетной организации. 11 октября в знак протеста против намерений властей вновь ввести цензуру печати, широко освещавшей забастовочное движение, прекратили выпуск прессы 4 тыс. сотрудников издательств «Кейхан» и «Этте-лаат» [108, 12.10.1978].

В то же время забастовали рабочие и служащие 40 предприятий промышленной группы «Бехшахр». Объявили забастовку рабочие крупнейшего в стране Абаданского нефтеперерабатывающего завода, а вслед за «ими не вышли на работу служащие управления ИННК в Абадане. Нефтяники потребовали повышения заработной платы на 50% и вывода всех воинских подразделений с территории предприятия. Кроме того, бастовали работники радио и телевидения, таможни, электростанций, таксисты. К концу октября забастовочным движением было охвачено около 1 млн. человек. (Напомним, что весь промышленный пролетариат составлял около 380 тыс.) Практически забастовочное движение переросло во всеобщую стачку, парализовав функционирование промышленности.

Лихорадило весь экономический механизм страны. Многие предприятия останавливались потому, что бастовали их смежники. Столь мощное забастовочное движение во многом

объяснялось высокой концентрацией промышленного производства, наличием множества предприятий-монополистов по выпуску определенных видов продукции, в результате чего остановка нескольких таких предприятий автоматически приводила к остановке множества других заводов, потребляющих их продукцию.

Забастовочное движение никем не координировалось. Зачастую на бастующем предприятии даже не создавался забастовочный комитет: рабочие стихийно бросали работу по той или иной причине и расходились по домам, а служащие не появлялись на рабочих местах, поскольку им нечего было делать на остановившемся предприятии. Иногда администрация сама распускала рабочих и служащих по домам, опасаясь, что в условиях остановки производственного процесса по техническим причинам рабочие начнут стихийно митинговать.

Главной причиной забастовочного движения было то, что рост инфляции обогнал рост заработной платы, а военное положение лишило рабочих нормальных бытовых условий и отдыха. Хотя Хомейни и направлял в Иран из Неджефа (Ирак), где он находился в изгнании, одно послание за другим с призывами к рабочим бастовать во имя свержения шаха и установления исламской республики, в целом духовенство организационно не влияло на развитие забастовочного движения. Многие забастовки прекращались после обещания администрации рассмотреть и удовлетворить экономические требования рабочих. Так, после трех недель забастовки начали работу связисты, предупредив, что возобновят забастовку, если в течение 15 дней администрация не выполнит своих обещаний [111, 29.10.1978]. На таких же условиях вышли на работу железнодорожники, но поскольку администрация не торопилась выполнить обещания, они пригрозили через 10 дней вновь забастовать.

И все же забастовочное движение играло на руку именно духовенству. Пролетариат не имел ни собственной организации, ни осознанной программы действий. Но, стихийно дезорганизуя промышленное производство, он подрывал экономическую опору шахского режима, что объективно усиливало позиции духовенства, имевшего и достаточно четкую программу действий, и осознанные политические интересы, и средства организации широких традиционных мелкобуржуазных и люмпенских масс.

С целью погасить забастовочное движение правительство приняло решение повысить зарплату 700 тыс. рабочих и служащих в среднем на 10—30% в зависимости от отрасли. В закон о найме было внесено дополнение о том, что зарплата рабочих и служащих не может быть ниже прожиточного минимума. Была разработана программа улучшения жилищ-

ных условий рабочих, выделены средства для оказания помощи рабочим жилищным кооперативам [105, 03.11.1978].

Введение военного положения и принявшее широкий размах забастовочное движение пролетариата окончательно убедили буржуазную оппозицию в тщетности расчетов на мирные, парламентские формы борьбы. Сознывая свою слабость и невозможность добиться чего-либо самостоятельно, она стала искать поддержки у исламской оппозиции. В конце октября один из трех лидеров Национального фронта, Керим Санджаби, председатель Общества дельцов базара и гильдий Махмуд Маниян, а также лидер Движения за свободу Ирана Мехди Базарган вылетели для встречи с Хомейни в Париж, где он обосновался после того, как иракское правительство по просьбе шаха выдворило его из Неджефа, подальше от границ с Ираном. Шах рассчитывал, что это затруднит связь Хомейни с его единомышленниками в Иране. Иракские же власти опасались, что, оставаясь в Неджефе, Хомейни распространит влияние на иракских шиитов.

Но результат высылки оказался противоположным. Прибыв в Париж, Хомейни вначале поселился на квартире у А. Банисадра, малоизвестного в Иране эмигрантского деятеля, занимавшегося проблемами экономики и, в частности, разрабатывавшего теорию «исламской» экономики. Затем Хомейни обосновался в пригороде Парижа Нофль-ле-Шато. К нему быстро примкнули сравнительно молодые, активно действующие в эмигрантских кругах, честолюбивые светские политики мелкобуржуазного толка. Помимо А. Банисадра в окружение Хомейни входили Ибрагим Язди, занимавшийся в прошлом изучением проблем рака в Техасе, Садек Готбзаде, один из студенческих лидеров в США, Мустафа Чамран, также студенческий лидер, специализировавшийся на подготовке иранских боевиков в лагерях палестинцев, сын Хомейни — Ахмад и приемный сын — III. Эшраки.

Эта группа стала «мозговым центром» резиденции Хомейни; большинство ее членов давно проживало на Западе, было знакомо с его политическим мировоззрением и имело широкие связи с прессой. Если раньше послания и заявления Хомейни, кассеты с его речами тайными тропами переправлялись из Неджефа в Иран, то теперь аятолла получил широкий доступ к западной прессе и к современным средствам коммуникации. Он мог в любой момент связаться по телефону со своими последователями в Иране, надиктовать на подключенный к телефону магнитофон любое заявление, которое немедленно переписывалось на множество кассет и расходилось по всей стране.

Прибыв на встречу с Хомейни, К- Санджаби попытался выдвинуть свои условия сотрудничества. Но Хомейни потребовал безоговорочного признания руководящей роли духо-

вства в антишахском движении и полной поддержки его, Хомейни, политического курса. Санджаби ничего не оставалось делать, как принять эти условия. По возвращении в Иран К- Санджаби был сразу же арестован.

О полной поддержке курса Хомейни заявила и Народная партия Ирана. Поддержали Хомейни моджахеды и федаи, сделав, однако, оговорку: они будут его поддерживать, пока его курс будет «народным, демократичным и антиимпериалистическим».

С началом учебного года в Иране активизировались студенческие выступления. В первый же день — 21 октября — на территории Тегеранского университета состоялся грандиозный митинг. Резолюция этого митинга требовала отмены военного положения, освобождения всех политзаключенных, возвращения политэмигрантов, изгнания из страны военных и гражданских иностранных советников, аннулирования военных и экономических отношений с западными, «империалистическими» странами, роспуска «энтезамат» (управлений безопасности) на предприятиях, в учреждениях и университетах, свободу слова, печати, собраний, партий, роспуска Организации иранских рабочих и создания истинно независимых рабочих профсоюзов, немедленного рассмотрения законных требований бастующих. Остальные требования касались студенческих проблем [107, 21.10.1978].

В этой резолюции явно просматривалось влияние левых в студенческой среде, на что указывали ее пункты в поддержку требований пролетариата. После нескольких дней непрекращавшихся студенческих волнений, сопровождавшихся стычками с полицией и военными, расстрелами студенческих митингов и демонстраций, правительство распорядилось закрыть все учебные заведения на неопределенный срок.

В знак протеста против расстрела студентов 31 октября забастовали все 37 тыс. рабочих нефтяной промышленности, что привело к полному прекращению добычи, переработки и экспорта нефти. Частично забастовка нефтяников объяснялась тем, что федаи, имевшие большое влияние в студенческой среде, сумели наладить контакты и с нефтяниками — наиболее сознательным и сплоченным отрядом иранского пролетариата¹⁵. Однако 4 ноября под угрозой применения войск против бастующих все нефтеперерабатывающие и нефтедобывающие предприятия (кроме завода в Ширазе) возобновили работу. В тот же день войска расстреляли в Тегеране студенческую демонстрацию, убив 65 человек. Последовал ошеломляющий взрыв страстей. Группы студентов и примкнувшей к ним молодежи из городских низов громили и поджигали кинотеатры, банки, рестораны, гостиницы, государственные учреждения, бросали бутылки с зажигательной смесью в помещения полицейских участков. В центре

столицы пылало многоэтажное здание Национального банка. Полиция и воинские подразделения были не в состоянии навести порядок. Их бездействие породило слухи, что погромы — это провокация САВАК, призванная оправдать передачу власти военным.

Утром 5 ноября шах на вертолете облетел Тегеран, чтобы лично убедиться в масштабе разрушений. По возвращении во дворец шах пригласил американского и английского послов с целью узнать, как они отнесутся к назначению военного кабинета. Посол США У. Салливен сообщил, что он уже связывался с Белым домом и ему поручено посоветовать шаху сделать такой шаг. Британский посол Парсонс ответил, что ему необходимо /проконсультироваться со своим правительством, но у него нет такой возможности, так как аппаратура связи разрушена в результате налета на посольство. Но и одного одобрения У. Салливена для шаха было достаточно, чтобы вызвать генерала Азхари и поручить ему сформировать военный кабинет [98, с. 178].

На следующий день шах уволил в отставку ставшее уже бесполезным правительство Дж. Шарифа-Имаи и утвердил назначение генерала Азхари на пост премьер-министра, которому поручил действовать методом «кнута и пряника» и попытаться вывести страну из политического кризиса относительно мирным путем. Между тем группа генералов во главе с командующим десантными войсками генералом Хосровдадом настаивала на физическом истреблении оппозиции путем массовых расстрелов.

Правительству Азхари обещаниями и угрозами удалось к середине ноября восстановить функционирование нефтяной промышленности и некоторых других отраслей. Но нормализовать деятельность всего сложного экономического механизма ему было не под силу. Хаос в экономике нарастал. К тому же, ввиду того что сложно было определить, какие предприятия действительно бастуют, а какие встали вынужденно, правительство продолжало выплачивать зарплату всем рабочим и служащим. Поэтому естественно, что, получая деньги, рабочие не торопились возобновлять работу.

Забастовочное и студенческое движения, развернувшиеся несмотря на военное положение, обстановка общего хаоса в стране позволили и духовенству вновь начать массовые действия, тем более что для этого нашелся подходящий повод: приближался «священный» месяц мухаррам, в котором в 680 г. в битве при Кербеле был ранен и погиб имам Хусейн, внук пророка Мухаммеда. Эта битва была результатом спора, кто будет главой. Халифата. В 680 г. им стал Язид ив рода Омейядов. Шииты же считали, что законным наследником должен был бы быть Хусейн. Но отряд во главе с Хусейном был окружен четырехтысячным войском Язида и раз-

громлен. Хусейну в битве было нанесено множество колотых и рубленых ран, от которых он и скончался. С тех пор шииты почитают его как мученика, у которого Язид незаконно отнял власть.

День начала битвы при Кербеле («тасуа») и день смерти имама Хусейна («ашура») ежегодно отмечались в Иране трагическими процессиями и разгулом религиозного фанатизма. Мужчины истязали себя железными цепями, наносили раны кинжалами и саблями, чтобы продемонстрировать решимость претерпеть такие же муки за веру и законного властителя, какие претерпел Хусейн. Шахсей-вахсей сопровождался криками, плачем, стенаниями по убитому имаму Хусейну. В результате все участники доводили себя до полного иступления.

Именно «ашурой» воспользовалось духовенство, чтобы подпитать антишахский мятеж в июне 1963 г. Этот же повод оно же решило использовать для организации массовых выступлений и в декабре 1978 г. 2 декабря, когда наступил месяц мухаррам, духовенство призвало закрыть все базары и прекратить торговлю до тех пор, пока шах не будет свергнут. Лавочники довольно своеобразно выполнили этот призыв: они закрыли лавки, но вынесли торговлю прямо на тротуары. Фруктово-овощной базар вообще игнорировал это указание: когда свергнут шаха — еще неизвестно, а продукты могут испортиться. Изюм в день духовенство нагнетало религиозную истерию, в мечетях читались проповеди, в которых шах сравнивался с Язидом, узурпатором власти и виновником гибели «законного» властителя Хусейна.

Власти вначале запретили проводить массовые шествия в дни «тасуа» и «ашура» (10 и 11 декабря), опасаясь кровопролития, если пришедшие в экстаз толпы, вооруженные по традиции холодным оружием, вступят в конфронтацию с войсками. Однако накануне дня «тасуа» правительство разрешило шествия, но в ночь с 9 на 10 декабря все войска, полиция и жандармерия были убраны с улиц городов.

Демонстрации 10 и 11 декабря превзошли все ожидания: в них приняли участие миллионы верующих. Только в Тегеране на улицы вышло около 2 млн. человек, т. е. половина населения города. Однако прошли они мирно, поскольку конфронтация с войсками была заранее предотвращена. Демонстранты ограничились тем, что повсеместно сбрасывали с пьедесталов статуи шаха, били витрины магазинов. В Исфахане они уничтожили все знаки дорожного движения, выворотили кое-где фонарные столбы и сожгли еще уцелевшие кинотеатры.

Все завершилось бессмысленными актами вандализма. Надежды духовенства на то, что произойдет кровопролитие и разъяренная толпа сокрушит шахский режим, не оправда-

лись. Эти надежды явно сквозили в послании Хомейни, распространенном в Иране незадолго до дней «тасуа» и «ашура». В этом послании он указывал, что мухаррам «на протяжении всей истории учил людей, как сокрушить угнетателя», призывал «уничтожить танки и оружие угнетателей». Он распорядился, чтобы лидеры движения заранее составили описки министров, офицеров и других «предателей», с которыми надо расправиться, «когда придет время». Он призвал всех объединиться и свергнуть монархию, заменив ее исламской республикой, выйти на улицы и вступить в конфронтацию с полицией, поскольку «наступает критический момент для ислама и наших любимых мусульман в Иране. Вы, честные люди Ирана, можете достичь вечной победы или навечно останетесь презренными».

Наряду с призывами в Послании Хомейни содержались угрозы в адрес тех, кто останется в стороне от «революции»: «Сегодня никто не имеет права быть пассивным, поскольку молчание и самоотстранение самоубийственны, помогают угнетателю. Все, кто уклоняется с пути ислама и народа, — предатели и враги». (Верующие, особенно из традиционных слоев, зависимых от системы «базара», понимали, что это не пустые угрозы. Квартальные муллы знали наперечет всех своих «подопечных» и бдительно следили за их настроениями и поведением. Уклонение от участия в демонстрациях и других акциях могло иметь самые серьезные последствия.) Хомейни выражал уверенность, что революционный пыл иранского народа уже «разбудил преданную исламу молодежь во (всем мире)» и что «священное знамя ислама будет развеваться над всем миром» [94, с. 229—231]. Еще не свергнув шаха, Хомейни жаждал мирового господства.

12 декабря, на следующий день после «ашуры», произошли события, которые мало кто мог предвидеть. Тысячные толпы людей вышли на улицы городов, скандируя «Да здравствует шах!» Портрет шаха красовался на лобовом стекле большинства автомобилей, которые ездил с зажженными фарами и постоянно подавали звуковые сигналы. Эти нарядные, веселые толпы выгодно отличались от мрачных, агрессивных исламских шествий накануне. Люди смеялись, пели, танцевали. В Исфахане центральная улица на протяжении нескольких километров была запружена радостными людьми, стихийно организовавшими шествие, длившееся несколько часов. Такое поведение сотен тысяч людей в разных городах объяснялось просто. В условиях нагнетания исламской истерии перед днями «тасуа» и «ашура» нарастало предчувствие возможности массового кровопролития. Многие полагали, что духовенство воспользуется «ашурой», чтобы захватить власть. Ни того ни другого не произошло. Напряженное ожидание людей и разрядилось в форме демонстраций.

Эти события явились наглядным свидетельством того, что духовенство отнюдь не было «признанным лидером революции», а точнее, антишахского движения. Значительные массы людей не поддерживали стремление духовенства к власти. Ни, во-первых, этих людей некому было организовать, во-вторых, им психологически было сложно открыто выступить против духовенства, поскольку в этом случае они оказывались как бы на стороне шахского режима, скомпрометировавшего себя массовыми расстрелами.

Духовенство как единое сословие не было лидером антишахского движения. Такие влиятельные аятоллы, как Шариятмадари, Гольпаегани, Мараши-Наджафи, считали, что духовенство не должно стремиться к захвату государственной власти. Государством должны управлять светские деятели, а духовенству надлежит остаться стражем религиозной морали общества, силой, наблюдающей за исполнением законов ислама. Они не разделяли и идей создания исламской республики с ее строгой иерархией и «велайате факихом» во главе, поскольку это шло вразрез с шиитскими традициями, где каждый аятолла был относительно независим, а его религиозный авторитет определялся не местом в государственной иерархической структуре, а численностью последователей и количеством финансовых средств, которые были тем больше, чем больше у него было последователей.

Хомейни же в своих теоретических работах об исламской республике предлагал коренную реформацию шиизма, граничившую с ересью, с чем многие великие аятоллы не могли согласиться. Но в сложившихся в стране условиях они также не могли открыто выступить против Хомейни, поскольку это привело бы к расколу духовенства как сословно-корпоративной прослойки общества, что усилило бы позиции авторитарного шахского режима.

Лишь сравнительно узкая группировка богословов высших и средних званий рвалась к государственной власти. Для них идеи Хомейни были теоретическим обоснованием их честолюбивых замыслов, что и превращало этого аятоллу в их признанного лидера. К этой группировке примыкал ряд светских исламистов мелкобуржуазного толка — Банисадр, Язди, Готбзаде, Чамран, Фарси, Раджаи и им подобные, которые также были обуреваемы честолюбивым стремлением из политического небытия пробиться к рычагам власти.

Хомейни и его окружение имели в распоряжении мощный организационно-пропагандистский аппарат: многочисленные богословы низших званий, различные исламские организации¹⁶, опираясь на многовековой опыт и используя изощренные методы религиозно-психологической обработки^{16с} РУющих, навязывали традиционным мелкобуржуазным и

деклассированным массам хомейнистскую концепцию исламской республики. Традиционные массы же, слепо следовавшие за духовными пастырями, имели весьма туманное представление о том, что должна представлять собой эта исламская республика, доверяясь обещаниям хомейнистов, что после свержения монархии и «искоренения империализма» их жизнь сразу переменится к лучшему. И безоговорочную поддержку хомейнисты имели только среди этих неискушенных в политике темных масс.

Промышленная буржуазия, часть крупной торговой буржуазии «базара», буржуазно-демократическая интеллигенция, студенчество, значительная часть рабочего класса с опаской относились к претензии хомейнистов на государственную власть. Движение этих слоев развивалось относительно самостоятельно, не педчиняясь указаниям и распоряжениям духовенства. Даже то, что Национальный фронт, левые организации из тактических соображений формально признали верховенство Хомейни в антишахском движении, рассчитывая использовать его в собственных целях, еще не доказывает, что они полностью разделяли идеи Хомейни.

Не столь единодушным был и авторитет хомейнистов в народе. Один рабочий, человек весьма набожный, строго соблюдавший все бытовые исламские предписания, как-то в доверительной беседе с автором сказал: «Шах набросил на нас петлю, но если придут к власти муллы, ОБИ затянут эту петлю на нашей шее». Служащий одного из заводов, отец которого пострадал от шахского произвола, заявил автору: «Я ненавижу шаха, но, когда я вижу это воронье (имеются в виду черные одеяния богословов.— Л. С), сбивающее народ с толку, мне хочется взять в руки автомат и начать стрелять в них». В конце января 1979 г. автор был свидетелем того, как уборщица в одной из тегеранских гостиниц, слушавшая доносившуюся из транзисторного приемника речь Хомейни, отпускала по его адресу самые крепкие выражения, на которые была способна. Ее сын был убит во время одной из демонстраций, и вину за это она возложила именно на Хомейни. Так что простые иранцы знали цену своему духовенству. Недаром народ сочинил столько анекдотов о жадности, коварстве и лживости мулл. Вот это затаенное отношение к хомейнистам и выплеснулось стихийно в демонстрациях 12 декабря 1978 г. Люди оценили предусмотрительность шаха, убравшего войска с улиц и не допустившего кровопролития. Эти демонстрации показали и сколь неустойчивы настроения широких масс, поступки которых при тех или иных поворотах событий могут оказаться непредсказуемыми.

Но демонстрации 10—12 декабря прошли, а положение в общем-то не изменилось. В стране наступило относительное

затишье и даже появились некоторые признаки стабилизации: возобновили работу магазины; несмотря на запреты духовенства, многие лавочники открыли лавки; стали функционировать базары; восстановилась парализованная демонстрациями работа транспорта. 17 декабря прекратили забастовку рабочие Абаданского нефтеперерабатывающего завода. У духовенства не было повода вывести «а улицы еще большие массы, устраивать же мелкие демонстрации после столь грандиозных было бессмысленно. Да я чувствовалось, что народ начинает уставать от этих длящихся уже год хождений по улицам, которые, кроме многочисленных жертв и ухудшения жизни, ни к чему не привели.

В этот период особую активность проявила буржуазная оппозиция. Ее деятели разработали план, предусматривавший, что шах останется номинальным главой государства, но будет создан регентский совет, который назначит переходное правительство и проведет в июне 1979 г. новые парламентские выборы. Вновь избранный парламент назначит премьер-министра и утвердит не подотчетное шаху правительство [ПО, 05.01.1979]. Буржуазная оппозиция рассчитывала, что под давлением прошедших демонстраций шах все же согласится на роль конституционного монарха. Шах, однако, не был готов отдать власть буржуазной оппозиции. Он согласился лишь на создание коалиционного правительства из деятелей буржуазной оппозиции и «независимых». Пост премьер-министра был предложен бывшему сподвижнику Мосаддыка, возглавлявшему в его кабинете в 1953 г. министерство внутренних дел, Г. Садиги. В 1963 г. он порвал с НФ и отошел от политики, занявшись преподавательской деятельностью. Однако Г. Садиги потребовал, чтобы шах предоставил правительству полную свободу действий и передал власть регентскому совету. Но Г. Садиги не обладал достаточным авторитетом, и никто, кому он предлагал министерские посты, не согласился их занять.

Тогда шах предпринял новую попытку. По просьбе одного из лидеров НФ, К. Санджаби, он согласился принять его для переговоров. К. Санджаби доставили к шаху во дворец. Выразив монарху заверения в глубоком почтении, К. Санджаби предложил свою кандидатуру на пост премьер-министра. Но при этом он выдвинул условия: шах учредит регентский совет, а сам уедет из страны «на отдых»; для создания правительства К. Санджаби не потребуется одобрение парламента [86, с. 267]. Возмущенный такими беспардонными условиями, шах отказался вести с К. Санджаби переговоры.

Спустя неделю ситуация в стране резко изменилась. Желая продемонстрировать, что шахский режим контролирует ситуацию и стабилизирует обстановку в стране, власти распорядились с 23 декабря начать учебный год. Но студенты

и старшие школьники были настроены не на учебу. Собравшись в своих учебных заведениях, они начали митинговать, вышли на улицы, стали дразнить военные патрули, на виду у них скандируя антишахские лозунги, и рассеивались, как только патрули делали попытку к ним приблизиться. Они создавали автомобильные пробки, нагромождая на перекрестках бревна и поваленные столбы.

24 декабря студенты организовали шествие к американскому посольству, но путь им преградили войска. Студенческие волнения, наскоки на патрули происходили и 25 декабря. Солдаты огонь не открывали, повинувшись (Приказу шаха. «Война нервов» разгоралась. Кое-где солдаты начинали стрелять в воздух, разгоняя скопления студентов. 26 декабря шальной пулей был убит профессор Политехнического института. Восемь человек было убито в Мешхеде, трое — в Казвине [113, 26.12.1978].

Состоявшиеся на следующий день похоронные процессии войска расстреляли. Несколько десятков студентов было убито в Тегеране, около 100 человек погибло в Казвине [ПО, 05.01.1979]. Вслед за этими расстрелами студенческие волнения захлестнули Тегеран, Исфахан, Табриз, Керманшах, Мешхед, Казвин. На улицах строились баррикады, горели десятки государственных учреждений. В ответ на автоматные очереди в солдат летели градом камни, палки, обрезки железа, бутылки с зажигательной смесью, катились облитые бензином и подожженные автомобильные покрышки. Группы молодежи нападали на полицейские участки и отделения САВАК. В Керманшахе штаб-квартира САВАК была разрушена до основания.

Студенческие выступления были поддержаны рабочими. 25 декабря полностью прекратили работу нефтяники. 26 декабря забастовали работники почты, телеграфа и телефона, оставив страну без связи. 27 декабря из-за забастовки служащих национальной компании «Иран Эйр» прервалось воздушное сообщение. Забастовали рабочие и служащие портовых таможен и перевалочных железнодорожных станций. В течение четырех-пяти дней было парализовано все промышленное производство. Забастовка стала всеобщей. От экономических требований рабочие перешли к политическим: убедившись, что власти не в состоянии выполнить свои обещания и усиливают репрессии, они заявили, что не возобновят работу до падения шахского режима.

События этих дней встревожили духовенство, не желавшее терять инициативу в развертывании антишахской борьбы. 30 декабря, воспользовавшись годовщиной (по исламскому лунному календарю) расстрела первой демонстрации в Куме 9 января 1978 г., оно вывело на улицы толпы верующих. Аятолла Шариатмадари потребовал, чтобы забастовки

-рабочих ограничивались одним днем в неделю, поскольку паралич экономики усиливает страдания людей. И муллы начали усиленно внушать населению, что из-за забастовок в стране не хватает хлеба, нет электричества, не работает отопление, невозможно ввезти закупленные за рубежом продукты. Богословы явно натравливали традиционные массы на пролетариат. Одновременно по указанию Хомейни была развернута яростная антилевая пропагандистская кампания.

В это бурное время экстремистски настроенные генералы оказали нажим на шаха, требуя, чтобы он предоставил им свободу действий по подавлению оппозиции. Мохаммед Реза понял, что утрачивает реальную власть. 29 декабря он предложил пост премьер-министра еще одному лидеру НФ — Шапуру Бахтияру и согласился покинуть страну. По его замыслу, передача власти национальной буржуазии должна была несколько успокоить страну, предотвратить массовое кровопролитие и не позволить исламистам захватить власть. Генерала Хосровдада, выступившего против отъезда шаха и передачи власти правительству Бахтияра, шах снял с должности командующего десантными войсками и направил в отдаленный гарнизон. Он снял с поста и генерала Овейси, который был прозван в народе «палачом Тегерана» за «черную пятницу». Военным губернатором столицы был назначен генерал Карабаги, высказывавшийся за мирный выход из политического кризиса.

30 декабря К- Санджаби, неделю назад прочивший себя в премьер-министры, срочно созвал заседание Высшего совета НФ и потребовал исключения Ш. Бахтияра «за предательство». Высший совет единодушно согласился. Тем самым НФ отказался взять власть, которую ему в лице Бахтияра предложил шах. Лидеры НФ, в ноябре вступившие из тактических соображений в союз с хомейнистами, теперь оказались заложниками собственной политики.

3 января 1979 г. шах официально утвердил Бахтияра премьер-министром, и тот за два дня сформировал кабинет из своих сторонников. На пресс-конференции 4 января Бахтияр заявил, что его правительство намерено выполнить все демократические требования, выдвинутые оппозицией. Не дожидаясь формального утверждения состава правительства парламентом, он начал действовать: отменил цензуру печати, введенную вновь при генерале Азхари, и военное положение в Ширазе. Он обещал немедленно отменить военное положение по всей стране, если духовенство прекратит подстрекать народ на выступления и окажет содействие в осуществлении политических реформ. Бахтияр внес на рассмотрение парламента законопроект о роспуске САВАК и освободил первую партию политзаключенных.

И января Бахтияр представил в парламент правитель-

ственную программу. Она предусматривала: предание суду государственных деятелей, погрязших в коррупции и злоупотреблении властью, а также тех, кто повинен в расправах над народом; роспуск САВАК; освобождение и реабилитацию всех политических заключенных, начиная с августа 1953 г. (т. е. с антимосаддыковского переворота); отмену военного положения по мере стабилизации политической ситуации; выплату компенсации семьям погибших в тюрьмах и во время расстрелов демонстраций; провозглашение «шахидами» (мучениками за веру) лиц, погибших в период антишахского движения; проведение выборов в парламент на основе равного и свободного голосования; высылку из страны всех иностранных советников, деятельность которых противоречит интересам страны; восстановление экономики и исправление перегибов, допущенных шахским режимом; разрыв договоров и соглашений с империалистическими державами, противоречащих национальным интересам; проведение политики добрососедства, уважения суверенитета и территориальной целостности; разрыв политических отношений и прекращение экономического сотрудничества (включая поставки нефти) с Израилем и режимом ЮАР. Бахтияр в своей программе особо подчеркивал, что намерен уважительно относиться к религиозным деятелям и прислушиваться к их мнению при решении основных проблем иранского общества: [105, 11.01.1979].

Новый премьер считал, что в Иране в настоящий момент должна быть утверждена конституционная монархия, поскольку свержение шаха спровоцирует военных на переворот и погубит перспективы осуществления демократических преобразований. Но он не отрицал возможности установления в стране республиканского строя, если такое решение примет законно избранный парламент.

Исламисты выступили категорически против правительства Бахтияра, поскольку оно преграждало им путь к власти. Они стремились к собственной диктатуре, а отнюдь не к демократии. Отказываясь от сотрудничества с Бахтияром, они шли на риск поражения антимонархического движения в результате военного переворота и обрекали на бессмысленную гибель многие тысячи ни в чем не повинных людей. Вооружать же народ исламисты не собирались, опасаясь, что в вооруженной борьбе инициативой завладеют подпольные левые группировки федаев и моджахедов, имевшие оружие и опыт подобной борьбы.

Не поддержали правительство и левые организации, поскольку это противоречило бы их идейным марксистско-ленинским установкам борьбы с буржуазией.

Правительство Бахтияра, преданное его же соратниками по Национальному фронту, осталось в одиночестве меж

двух огней: с одной стороны, его грозила свергнуть исламская оппозиция, с другой — угрожали военным переворотом генералы. Впрочем, некоторые представители умеренного духовенства были склонны сотрудничать с Бахтияром. Под предлогом необходимости улучшения жизненных условий населения они добились прекращения забастовок нефтяников и транспортников, что способствовало ослаблению напряженности и в определенной степени укрепило позиции Бахтияра. Показательно, что вопреки призыву Хомейни из Парижа отметить 8 января массовыми демонстрациями в знак памяти тю погибшим за прошедший год, исламские деятели, действовавшие в стране, ограничились лишь митингом в Тегеране на кладбище Бехеште Захра. Эти же деятели попытались организовать переговоры Бахтияра с Хомейни в Париже, но аятолла ответил, что он примет Бахтияра лишь в случае, если тот подаст в отставку. Он даже намекнул, что сразу же назначит Бахтияра вновь премьер-министром, но последнего не устраивала перспектива быть марионеткой Хомейни, и он отверг это условие.

Шах, добившись от генералов согласия поддержать Ш. Бахтияра и уже в аэропорту дождавшись сообщения об утверждении правительства парламентом, 16 января 1979 г., сев за штурвал личного самолета «Шахин» («Сокол»), вместе с семьей покинул Иран.

Хомейни же в очередном послании призвал провести 18 января в день «арбейн» (40-й день траура по убитому в битве при Кербеле имаму Хусейну) массовые демонстрации. Их организацию взяло на себя Общество духовенства Тегерана, опубликовавшее в газетах маршрут шествий, места сбора, подробную регламентацию и перечень «дозволенных» лозунгов. Организационный комитет потребовал «воздержаться от лозунгов и транспарантов, противоречащих исламскому единству, а также от действий, подрывающих сплоченность и несовместимых с целями ислама, грозящих привести к нарушению порядка и выгодных для врагов» [105, 17.01.1979]. В ходе демонстраций запрещалось принимать резолюции, не санкционированные организационным комитетом. И эти указания строго выполнялись: пытавшихся провозглашать демократические или «левые» лозунги демонстранты избивали и прогоняли из колонн. Изгонялись из колонн и представители неисламских организаций. Странники ^омейнистов разбирались, кого следует считать «вратами ислама».

Демонстрации 18 января в Тегеране продолжались. Пять часов и завершились полуторамиллионным митингом. Резолюции, подготовленной Обществом духовенства Тегерана, шахский режим объявлялся низложенным, а шах — отстраненным от власти, выдвигалось требование провозгла-

силь в стране исламскую республику. Парламент, правительство Ш. Бахтияра объявлялись незаконными.

Но эта резолюция так и осталась на бумаге: армия продолжала хранить верность монархии и считала, что шах лишь временно выехал из страны; правительство Ш. Бахтияра, поддерживаемое армией, продолжало существовать.

Понимая, что армия становится главной действующей силой на политической сцене, некоторые религиозные деятели через М. Базаргана начали переговоры с генералами об условиях передачи власти исламской оппозиции в обмен на обещание сохранить позиции военных. Вероятно, эти переговоры проводились без Ивдома Хомейни: когда сведения о них просочились в печать, Хомейни выступил со специальным заявлением, в котором категорически отрицал факт переговоров. На разногласия между «командой Хомейни» в Париже и исламскими деятелями в Иране указывает следующее. 13 января Хомейни объявил, что он создал Исламский революционный совет (ИРС). Его состав хранился в тайне, но в иранской прессе начали муссироваться слухи, что в него входят аятолла Монтазери, аятолла Талегани, М. Базарган, лидеры НФ К- Санджаби и Д. Форухар, т. е. деятели, находящиеся в стране. В ответ на это «команда Хомейни» в Париже выступила с резким опровержением, заявив, что все разговоры о тех или иных предполагаемых членах ИРС являются досужим вымыслом и, кроме Хомейни, состав Совета никому не известен [105, 16.01.1979].

Тактика переговоров с генералитетом логически вытекала из создавшейся ситуации: демонстрациями какого угодно размаха было невозможно заставить армию сложить оружие, других же средств борьбы духовенство не имело. В то же время исламисты были категорическими противниками развертывания вооруженной борьбы, поскольку именно эту идею активно пропагандировали левые подпольные вооруженные группировки федаев и моджахедов, с начала января особенно активизировавшиеся в студенческой среде. Тегеранский университет практически превратился в их штаб-квартиру. Даже НПИ, руководство которой все еще пребывало в эмиграции, распространило в Париже заявление, в котором призывало Хомейни, Талегани и Санджаби создать и возглавить объединенный фронт освобождения Ирана, который стал бы центром по руководству вооруженным восстанием [105, 18.01.1979].

В ответ на активизацию левых исламисты развернули яростную кампанию против них. Инициатором ее выступил лично Хомейни, заявив: «Между нами и марксистами не существует никаких связей, мы — религиозные люди и верим в существование единого Бога... Нельзя быть одновременно мусульманином и марксистом. В стране, где свыше 30 мил-

лионав мусульман хотят жить по канонам ислама, я не вижу опасности вмешательства марксизма. Все слухи о проникновении марксизма в нашу страну мы рассматриваем как враждебную пропаганду» [107, 14.01.1979]. С. Готбзаде, ближайший соратник Хомейни, высказался более определенно: «Если мы (т. е. антишахское движение.—Л. С.) потерпим поражение в результате военного переворота, то довод левых о том, что нам нужны деньги, оружие и помощь извне, станет весомым. В этом случае коммунисты могут выдвинуться на первый план. Вот в чем состоит главная опасность» [116, 13.02.1979].

Слова у хомейнистов не расходились с делом: подстрекаемые и организуемые муллами, отряды городской «черни» нападали на митинги и демонстрации, проводимые левыми и студенческими организациями, избивали их участников, рвали транспаранты и плакаты, срывали со стен их листовки и замазывали лозунги.

Хомейни в обращении по случаю отъезда шаха писал, имея в виду левые силы: «Я предупреждаю всех тех, кто создает беспорядки и ведет злонамеренную пропаганду против иранского народа в интересах иностранцев и сверхдержав и, пользуясь моментом, намерен поднять мятеж, я предупреждаю их, что, если они будут так поступать, их судьба будет печальной и они понесут наказание» [105, 17.01.1979].

Атака на левых была настолько (Сильной, что ОПФИН обратилась к Хомейни с открытым письмом, в котором извещала его об «опасной деятельности групп, использующих ислам как предлог для возрождения инквизиции». Эти группы, указывалось в письме, «используют террор против борцов за свободу и демократию, что создает серьезную угрозу антишахскому движению» [105, 21.01.1979]. Словно бы не замечая, что антилеву кампанию направляет сам Хомейни, федаи обращались к нему с просьбой употребить его авторитет, чтобы положить конец подобным действиям его сторонников.

21 января федаи впервые открыто вышли на демонстрацию в знак протеста против раскольнической деятельности религиозных лидеров. В ней приняло участие, по разным оценкам, от 5 до 10 тыс. человек. Основными лозунгами демонстрантов были: «Ни за Аллаха, ни против него», «Мы не для того боремся против шахской диктатуры, чтобы оказаться в плену исламской диктатуры», «Рабочие и крестьяне, объединяйтесь!», «Мусульманские братья! Мы боролись рука об руку за отъезд шаха. Не позволяйте разъединять нас теперь!» «Мусульмане! Не возрождайте инквизицию!».

Колоннусопровождали муллы и трупы фанатиков, призывавшие верующих не присоединяться к демонстрации. Перед

колонной шел мулла с плакатом «Это не исламская демонстрация. Держитесь от нее подальше». Муллы выкрикивали: в мегафоны: «Это коммунисты, прикрывающиеся именем Хомейни!», «Демонстранты — агенты САВАК», «Коммунисты — предатели». Группы фанатиков пытались напасть на участников демонстрации, но безуспешно, так как колонну охраняли федаи с оружием в руках. Но небольшую колонну левых на улице Пехлеви толпа люмпенов разогнала, жестоко избив нескольких демонстрантов.

В этот же день религиозные фанатики напали на митинг, организованный в Политехническом институте с участием больших групп рабочих с различных (предприятий. Противоборство рабочих с бесчинствующей толпой продолжалось в течение всего митинга.

Эти подстрекательские действия хомейнистов объяснялись «страхом перед возможной консолидацией левого, студенческого и рабочего движения. В январе — начале февраля рабочие стали создавать на предприятиях рабочие советы, которые руководили забастовками, следили за сохранностью оборудования, организовывали охрану, вели переговоры с администрацией, представителями власти и эмиссарами Хомейни. На многих действующих фабриках и заводах рабочие советы ввели фактически самоуправление — они были полными хозяевами и без их согласия ничего не предпринималось. Такие же советы создавались служащими в государственных учреждениях. И хотя рабочее движение во многом развивалось стихийно, было слабо организовано, исламисты видели в нем угрозу уже потому, что оно не подчинялась им безоговорочно. Это являлось одной из причин, почему они были заинтересованы в том, чтобы договориться с генералитетом и иметь возможность опереться на армию в борьбе против левых вооруженных организаций, студенчества и пролетариата.

Узнав о начавшихся переговорах с армией, 20 января Хомейни объявил, что намерен вернуться в Иран 26 января. По (всей видимости, это решение было им принято под нажимом его окружения, которое боялось опоздать к дележу власти и министерских портфелей. Однако армия на сделку не пошла. Генерал Кдрабаги выступил со специальным заявлением, в котором подчеркнул, что армия полностью поддерживает законное правительство Ш. Бахтияра. Премьер-министр также выступил с серией заявлений и интервью, подчеркивая, что он ни при каких условиях не подаст в отставку. 24 января подразделения шахской гвардии блокировали столичный аэропорт с целью воспрепятствовать приезду Хомейни. Одновременно войскам был отдан приказ закрыть все аэропорты страны.

Исламисты, в свою очередь, организовывали одну демон-

страцию за другой, проводили бесчисленные митинги с требованием разрешить Хомейни вернуться. В Тегеран съезжались сотни тысяч (верующих для встречи Хомейни. Ни армия, ни полиция проведению демонстраций не препятствовали. Но 28 января нелепая случайность, возможность которой всегда существовала в наэлектризованной атмосфере, вызвала в Тегеране столкновение студентов с солдатами, в результате чего 32 человека погибло, 200 было ранено [105, 29.01.1979]. Это был первый случай применения оружия против демонстрантов с момента прихода к власти правительства Ш. Бахтияра. Хотя в этом инциденте оно было не повинно, всю ответственность за случившееся хомейнисты возложили именно на него.

Ш. Бахтияр же пытался убедить военных снять блокаду с аэропорта, доказывая, что впустить Хомейни в страну менее опасно, чем давать повод богословам нагнетать ажиотаж по этому поводу. И действительно, когда 1 февраля 1979 г. Хомейни прилетел из Парижа в Тегеран, встреченный огромной толпой (по некоторым данным, возможно преувеличенным, она насчитывала 10 млн.), никаких существенных изменений в стране не произошло.

Первое, что сделал Хомейни, — возобновил через М. Базаргана тайные переговоры с военными. Спустя несколько дней он признал, что переговоры имели место, но закончились «безрезультатно. 5 февраля Хомейни сделал новый шаг: он объявил о назначении М. Базаргана «законным» премьер-министром, чтобы дать армии возможность «сохранить лицо», отказавшись поддерживать «незаконное» правительство Бахтияра и поддержав «законное». Об этих расчетах откровенно поведал А. Банисадр: «Нужно подождать реакции армии на заявление Хомейни, но если мы будем ждать слишком долго, то это может вызвать разочарование в наших кругах. Если армия не согласится перейти «а сторону Хомейни, то придется вновь взять инициативу в свои руки, например сформировать правительство. А в этом случае могут произойти столкновения [ИЗ, 05.02.1979].

Банисадр как в воду глядел. Узнав о назначении М. Базаргана премьер-министром, командование отдало приказ войскам занять все правительственные здания на тот случай, если Базарган решится, де-факто приступить к своим обязанностям премьера. По приказу командующего сухопутными войсками генерала Бадрехи части шахской гвардии были приведены в полную боевую готовность, со всех орудий и ракет были сняты чехлы и боевая техника была подготовлена к использованию в любой момент. Ш. Бахтияр выступил на пресс-конференции с большой речью. «Я могу повторить, — заявил он, — что ни одна страна не может иметь двух правительств. Я не пойду в этом отношении ни на какой ком-

промисс. Я не признаю за Хомейни права назначать премьер-министра» [107, 09.02.1979].

Антишахское движение зашло в тупик: у хомейнистов не было ни сил, ни средств для борьбы с армией; военное руководство отказывалось передать власть хомейнистам добровольно. Хотя среди генералов были и сторонники осуществления военного переворота, и сторонники компромисса с духовенством, но большая часть генералитета выжидала, как будут развиваться события далее. В армии проявлялось брожение, главным образом среди младших офицеров ВВС и хомафаров— гражданских специалистов-техников в летных частях. Но это были эпизодические случаи, и большого влияния на настроения армии они не оказывали (подробно см. [50, с. 219—229]). В сухопутных войсках, численный состав которых насчитывал 285 тыс., брожения не наблюдалось. Военно-морской флот (28 тыс.) сохранял нейтралитет. 12 тыс. шахских гвардейцев с двумя бронетанковыми батальонами и 74-тысячный корпус жандармерии были главной силой, участвовавшей в подавлении выступлений и сохранявшей верность шаху.

Состояние неустойчивого политического равновесия было выгодно правительству Ш. Бахтияра. Если бы такое состояние продлилось еще несколько месяцев, то вполне вероятно; что опасения А. Банисадра могли оправдаться и в различных кругах возникло бы разочарование политикой хомейнистов. В этих условиях трезвая и честная позиция Ш. Бахтияра, предлагаемый им демократический путь решения политических проблем, его открытая критика претензий духовенства на установление собственной диктатуры могли бы сыграть свою роль. Сохранение правительства Ш. Бахтияра и осуществление его программы было самым прогрессивным вариантом развития страны.

Однако действия левых перевесили чашу весов в другую сторону. Вечером 9 февраля на военно-воздушной базе Душан-теле в Тегеране начались волнения из-за того, что офицеры запретили военнослужащим смотреть видеозапись прибытия Хомейни в Иран. Для подавления беспорядков командование базы запросило помощи шахской гвардии. Личный состав базы, в основном хомафары, вооружился и организовал отпор ворвавшимся на базу гвардейцам. На помощь хомафарам подоспели вооруженные отряды федаев и моджахедов. Дальнейшее развертывание событий стихийно привело к вооруженному восстанию, о котором так долго говорили левые и в котором за ними пошли массы тегеранской молодежи (подробно о восстании см. [69, с. 104—131; 50, с. 152—170]).

О размахе восстания свидетельствует тот факт, что после захвата тегеранского арсенала и военного завода в руки

восставших попало 300 тыс. единиц стрелкового оружия. Кроме того, они завладели танками, самоходными артиллерийскими установками и даже несколькими ракетами. Численность восставших была сравнима с численностью всей шахской армии, а в Тегеране они имели громадный перевес над местным воинским гарнизоном. Нельзя не учитывать и моральный дух, отчаянную решимость, готовность восставших к самопожертвованию. В этих условиях разгром частей столичного гарнизона и арест верхушки армейского командования были делом нескольких дней. 10 и 11 февраля весь город был охвачен боевыми действиями. Повстанцы захватывали один объект за другим, включая военные городки, здания министерства обороны и генерального штаба. Тегеранский университет федаи превратили в штаб по руководству восстанием.

Совсем иначе вели себя хомейнисты. 10 февраля утром по радио аятолла Талегани от имени Хомейни призвал «положить конец распрям и всем вернуться в казармы» [107, 10.02.1979]. На улицах муллы с мегафонами в руках активно подхватили слова Талегани. В середине дня выступил Хомейни, заявивший, что он настаивает на мирном решении иранских проблем и приказывает прекратить вооруженную борьбу. Осудив действия шахской гвардии, он одновременно в свойственной ему завуалированной форме осудил и действия восставших, призвал народ «сохранять спокойствие и порядок» (что означало призыв не оказывать поддержку восставшим) и «(быть бдительными в готовности защитить ислам и мусульманские принципы», которым угрожают «происки врага» [50, с. 157]. Привыкшие к иносказаниям своих пастырей, верующие понимали, что под «врагами ислама» подразумеваются «коммунисты-безбожники», стремящиеся «поднять мятеж» и провоцирующие «братьев-военных» на выступления.

За спиной восставших масс хомейнисты через М. Базаргана начали переговоры с генералитетом, убеждая его прекратить сопротивление, чтобы спасти армию от разгрома и не дать левым захватить власть. 11 февраля в 14 часов по радио было передано сообщение, что армия объявляет нейтралитет. Военным было приказано прекратить сопротивление и вернуться в казармы.

Правительство Ш. Бахтияра, лишившись поддержки армии, пало. Сам он скрылся, через некоторое время тайно покинул Иран и объявился в Париже.

Опасения хомейнистов, что в результате победы восставших власть окажется в руках левых, были напрасными. У левых организаций не было никаких планов захвата власти. Никто не препятствовал М. Базаргану явиться 12 февраля '79 г. в пустую резиденцию премьер-министра на улице

Пастера и приступить к формированию правительства. Власть оказалась в руках хомейнистов, единственной политической силы, которая целенаправленно 'к ней стремилась.

События в Иране подтвердили закономерность, которая не раз проявлялась в ходе политических потрясений в разных странах: плоды победы достаются не широким массам, непосредственно и зачастую с оружием в руках участвующим в борьбе, а тем политическим силам, которые лучше организованы и имеют ясные и конкретные цели, даже если эти цели и реакционны.

Начиная с последних чисел декабря 1978 г. хомейнисты все больше утрачивали инициативу в антишахском движении и контроль над развитием событий. И если до этого можно было лишь с известной натяжкой говорить о руководящей роли духовенства в антишахском движении, то на его заключительной стадии об этой роли уже не могло быть и речи. Более того, хомейнисты, опираясь на толпы деклассированных элементов как на ударную силу и манипулируя сознанием традиционалистских слоев, развернули яростную борьбу против представителей других течений в антишахском движении: левого, стихийно демократического студенческого, пролетарского, буржуазно-демократического, олицетворявшегося правительством Ш. Бахтияра.

Как и в любых крупных политических движениях, в антишахском движении существовали различные течения, соотношение сил между которыми постоянно менялось в зависимости от тех или иных поворотов событий. На заключительном этапе антимонархической борьбы не сила хомейнистов, а организационная слабость других течений, политическая близорукость левых вооруженных формирований, не сумевших разглядеть истинных целей хомейнистов, позволили последним воспользоваться плодами победы над монархией. Как признавал в марте 1979 г. М. Базарган, «нас захлестнула волна событий, и мы внезапно оказались у власти, не успев даже опомниться. Мы были к этому совершенно не подготовлены» (цит. по [27, с. 212]).

Но свержение монархии отнюдь не знаменовало победу революции, итогом антимонархического движения стало торжество реакционных сил хомейнистов, совершивших политический переворот.

Исламская республика как она есть

Вооруженное восстание создало ситуацию, в которой хомейнистская группировка не имела возможности установить единоличную власть при опоре на армию. В результате поражения армии и массового дезертирства от почти 400-ты-

сячного ее численного состава осталось около 100 тыс. [54, с. 174]. Молодежь, участвовавшая в тегеранском восстании и вооружавшаяся в ходе его, стихийно создавала «революционные комитеты» и отряды «стражей (пасдаров) иранской революции». Столь же стихийно создавались «революционные трибуналы». Подобные органы стали формироваться по всей стране; частично в этом принимали участие представители духовенства низших званий. Большинство членов этих органов составили лица с традиционалистским сознанием, в основном люмпены. Главную задачу комитеты и отряды пасдаров видели в том, чтобы разыскивать, арестовывать и передавать в «революционные трибуналы» тех, кого они считали «приспешниками шахского режима». Они взяли на себя и некоторые функции муниципальных органов, прекративших свою деятельность.

Расстрелы начались сразу после падения монархии. «Революционные трибуналы» творили скорый суд: вся процедура занимала 5—10 минут, после чего приговор тут же приводился в исполнение. Одним из первых на крыше резиденции Хомейни был расстрелян бывший шеф САВАК генерал Насири.

«Революционные комитеты» и отряды пасдаров безоговорочно признавали авторитет Хомейни и духовенства, но действовали исходя из собственного понимания задач «революции». Они выполняли лишь те приказания и распоряжения, которые считали приемлемыми. Так, прямое указание Хомейни сдать все оружие практически ими игнорировалось. Так же игнорировались и распоряжения созданного М. Базарганом Временного революционного правительства, несмотря на то, что Хомейни на церемонии утверждения М. Базаргана в должности премьер-министра заявил: «Это не обычное правительство, и его необходимо слушаться. Противодействие этому правительству — это противодействие шариату. А наш закон предусматривает наказание за выступление против правительства, освященного шариатом» [105, 06.02.1979].

На предприятиях и в учреждениях существовали многочисленные и разнообразные по составу рабочие советы и советы служащих, которые тоже действовали по собственному усмотрению. Советы служащих некоторых министерств и государственных учреждений отказывались признавать назначаемых М. Базарганом руководителей и не впускали их в здания этих учреждений.

Открыто действовали левые вооруженные группировки фсдаев и моджахедов, патрулируя улицы, разыскивая и арестовывая сотрудников САВАК и тех, кто, по их мнению, запятнал себя сотрудничеством с шахским режимом. На многотысячных митингах левые требовали проведения широких Реформ, роспуска армии и замены ее народным ополчением,

создания Революционного совета на основе свободных выборов и установления подлинного народовластия образованием выборных народных советов в провинциях, городах и поселках, в учреждениях и в армии, рабочих комитетов на предприятиях. Заявило о возобновлении легальной деятельности руководство НПИ, прибывшее в Иран.

Активную деятельность развили буржуазно-демократические партии и организации, агитируя на митингах за провозглашение Ирана демократической республикой буржуазного типа.

Национальные меньшинства — курды, арабы, белуджи, туркмены — воспользовались ослаблением центральной власти, чтобы развернуть движение за национальную автономию. Особого размаха достигло курдское движение. Хомейнисты, однако, опасались распада страны. Хашем Саббагиан, министр внутренних дел, откровенно заявил: «Если мы проявим малейшую слабость по отношению к курдам, можно быть уверенным, что очень скоро и другие этнические группы, такие, как арабы в Хузестане, туркмены на севере Ирана и белуджи на юго-востоке, сядут нам «а шею с подобными или еще более жесткими требованиями» [115, 03.09.1979].

В условиях, когда хомейнисты не обладали ни средствами для подавления своих политических оппонентов, ни аппаратом для проведения в жизнь своего курса, в стране сложилась атмосфера стихийной свободы и демократии, граничившая с анархией. Никто не оспаривал у них власть, но «икто этой власти и не подчинялся. Хомейнистам пришлось проводить сложную политику лавирования, чтобы обуздать эту «вольницу» и направить развитие событий в желаемое русло. Объявив курдов «врагами революции», которые стремятся разрушить территориальную целостность страны, они бросили против курдских повстанцев оставшиеся боеспособными армейские части. Под предлогом восстановления работы предприятий в рабочие советы были введены представители администрации, а также хомейнистов. Советы были лишены функций самоуправления и преобразованы в «советы по исламскому воспитанию трудящихся».

Стремясь закрепить юридический статус исламской республики, хомейнисты настояли на том, чтобы на всенародный референдум был вынесен вопрос в следующей формулировке: «Хотите ли вы сохранения монархии или установления исламской республики?» Естественно, ответ на него был предопределен. Протесты некоторых левых и буржуазно-демократических партий и организаций против такой формулировки хомейнистами игнорировались.

Одновременно некоторые представители хомейнистского духовенства (аятоллы М. Бехешти, ходжаты-оль-эсламы М. Бахонар, А. Хашеми-Рафсанджани, А. Хаменеи) приступили

к созданию Партии исламской республики (ПИР). Под ее эгидой спешно формировалась так называемая «Партия Аллаха» («Хезболла») — погромные банды из самых фанатичных представителей люмпенских слоев, купленных духовенством, которые должны были составить ударную силу для борьбы с левым, буржуазно-демократическим и рабочим движениями. Созданием Центрального революционного комитета, Корпуса стражей исламской революции (**КСИР**) и Верховного революционного трибунала (который самочинно возглавил аятолла Хальхали, долгое время лечившийся в психиатрической больнице) хомейнисты стремились поставить под контроль низовые «самостоятельные» органы власти — «революционные комитеты», отряды пасдаров и «революционные трибуналы».

Вся эта лихорадочная деятельность сопровождалась шумной беззастенчивой демагогией о «защите завоеваний революции», «искоренении империализма», защите прав «обездоленных», критикой в адрес крупной «проимпериалистической» буржуазии, дифирамбами в адрес рабочего класса и трудового крестьянства, возвеличиванием ислама — самой «справедливой» идеологии в мире, которая непременно победит в мировом масштабе и т. п. В моменты обострения политической борьбы по какому-то важному вопросу хомейнисты выводили на улицы экзальтированные «ура-революционностью» толпы мелких буржуа и люмпенов для демонстрации того, что их решения и намерения пользуются «поддержкой народа».

1 мая было провозглашено хомейнистами «днем рабочих» и отмечено грандиозными первомайскими манифестациями, проведенными под исламскими лозунгами и лозунгами солидарности «всех трудящихся». Не случайно, введенная в заблуждение этой демагогией, **НПИ** (шедшая в одних колоннах с хомейнистами) заявляла, что хотя Хомейни и не идет с ней на прямое сотрудничество, тем не менее фактически претворяет в жизнь ее программу. По словам главного идеолога ЦК **НПИ** Э. Табари, «Хомейни выступает в основном в защиту интересов массы трудящихся и обездоленных. Он говорит, что именно обездоленные — „наследники бога“ на земле, что „исламская революция“ и исламская власть принадлежат им. Многомиллионные массы жителей города и деревни принимают такую трактовку ислама. Они поддерживают Хомейни в противовес феодалам и капиталистам, защищают революционную версию ислама в противовес соглашательской ее версии, выдвигаемой прислужниками империализма» [74, с. 75].

Из опасений проиграть на выборах в Учредительное собрание, призванное разработать и утвердить новую конституцию, хомейнисты приняли решение подменить Учредитель-

ное собрание узким составом не наделенного законодательными правами Совета экспертов. И действительно, хотя большинство на выборах в Совет экспертов получили представители духовенства, «твердые» хомейнисты не играли в нем решающей роли. По крайней мере в представленном проекте конституции отсутствовал основополагающий принцип хомейнистской модели исламской республики — принцип «вেলাйате факих», но одновременно был сделан явный уклон в сторону буржуазно-республиканской модели, облеченной в исламскую форму.

Хомейнистам это послужило сигналом для начала открытой атаки на буржуазно-демократические силы. Под предлогом того, что газета «Аяндеган» опубликовала «богопротивные» материалы о злоупотреблениях ПИР на выборах » Совет экспертов, Хомейни распорядился закрыть газету. Многотысячную демонстрацию протеста, организованную Национально-демократическим фронтом, погромные банды «Хезболла» жестоко разогнали, избив сотни людей. Хомейни выступил с резкой речью, обвинив оппозицию в злоупотреблении свободой и в провоцировании беспорядков. Вслед за этим «Хезболла» разгромила штаб-квартиры ОПФИН, ОМИН и НПИ и редакции их газет. Верховный трибунал издал постановление о роспуске всех неисламских партий, закрытии их печатных органов, запрещении не санкционированных властями митингов и демонстраций. Все это было сделано с помощью «Хезболла». Паедары, бок о бок сражавшиеся с левыми во время февральского восстания, в этих погромах не участвовали. События августа 1979 г. положили конец атмосфере стихийной свободы в стране. Левые и буржуазно-демократические организации были объявлены хомейнистами «врагами исламской революции» и поставлены вне закона. Хомейнисты сделали первый серьезный шаг на пути к диктатуре.

Однако политические страсти после этого не улеглись. С ослаблением «внешней» для группировки Хомейни опасности еще больше обострилась грызня за власть (другой термин трудно подобрать) в ней самой. Главным объектом нападков стало правительство М. Базаргана. В общем-то, оно не имело реальной власти, и М. Базарган удерживался на своем посту только благодаря поддержке Хомейни, которому это правительство нужно было в качестве своеобразного громоотвода для критики как справа, так и слева, поскольку экономическая ситуация в стране не только не улучшалась, но и еще более ухудшалась. Осознавая свое бессилие что-либо изменить, М. Базарган не раз подавал прошение об отставке, но Хомейни каждый раз его отклонял. Когда Базарган в очередной раз заявил Хомейни, что он «не может возглавлять правительство в стране, где каждый хочет быть

начальником», Хомейни ответил: «У меня больше нет другой кандидатуры. Никого. Оставайтесь» [100, с. 152].

И это соответствовало действительности. Хомейни хорошо знал и доверял только тем, кто был с ним в Париже. Именно они, прибыв в Иран, захватили после переворота центральные посты в государственном аппарате. Естественно, такое положение не устраивало деятелей из хомейнистской «внутренней» группировки, которые в то время, когда «команда Хомейни» отсиживалась в Париже, с риском для жизни вели борьбу в Иране. Этим и определялась острота конкурентной борьбы за то, кто будет принимать государственные решения, а на чью долю ^выпадет только выполнять их.

Правительство М. Базаргана не устраивало «внутреннюю» группировку не потому, что оно было буржуазно-либеральным, а потому, что База>рган, пользуясь особым доверием Хомейни и собрав вокруг себя преданных людей, мог укрепить свою власть и влияние. И Хомейни не случайно сказал, что у него нет другой кандидатуры. В его парижском окружении действительно больше не было достаточно влиятельной и известной фигуры. А к деятелям из «внутренней» группировки он особого доверия не питал. Почти все великие аятоллы находились в молчаливой оппозиции к нему, а самый влиятельный аятолла Шариатмадари позволял себе даже открыто высказывать несогласие с позицией Хомейни по коренному вопросу о «вেলাйате факих».

Что представляло собой «молодое поколение» (Бехешти, Хашеми-Рафсанджани, Бахонар, Хаменеи и им подобные) и на чью сторону оно может переметнуться при очередном повороте событий, Хомейни не знал. Поэтому он предпочитал опираться на тех, кто был всецело обязан ему новым положением. Вместе с тем «курс Хомейни» постоянно колебался вместе с колебаниями в развитии событий и изменением соотношения окружающих его сил. Мастерски владея искусством интриг, постоянно натравливая одних на других, он всегда выходил победителем, вовремя присоединяясь к более сильной группировке, но тут же находя ей новый противовес.

Такое закулисное интриганство характерно для правящих мелкобуржуазно-люмпенских группировок, у которых в капиталистическом обществе нет собственной экономической опоры. Удерживать или добиваться реальной власти в такой группировке можно, лишь сталкивая людей и различные группы, подсиживая соперников, ловя их на ошибках и затем дискредитируя, физически устраняя тех, кто сосредоточивает в своих руках опасно большую власть. Такая атмосфера взаимных подозрений, доносов, политических убийств существовала в руководстве «маленького ефрейтора». Он первым подал пример, уничтожив Рема с его штурмовиками. Не ме-

нее зловещей была и обстановка в окружении «недоучившегося семинариста», который укрепился у власти благодаря истреблению высокообразованных интеллектуалов из «ленинской гвардии», а затем всю жизнь занимался интригами, устраняя в своем окружении всех, кто мог бы составить угрозу его власти, и испытывая маниакальный страх перед возможностью заговора против него.

Такая же атмосфера конкурентной борьбы за власть и влияние существовала и в окружении Хомейни, чем он искусно и пользовался. Он поддерживал правительство М. Базаргана как противовес группировке М. Бехешти, с подозрением наблюдая за тем, как она стремительно набирает силу, опираясь на (созданную ею ПИР. Не исключено, что именно Бехешти организовал известную акцию по захвату американского посольства в Тегеране, чтобы использовать начавшуюся «антиимпериалистическую» истерию для дискредитации Базаргана, опрометчиво вступившего в переговоры с З. Бжез'инским в Алжире во время празднования годовщины Алжирской революции. В сложившихся условиях Хомейни ничего не оставалось делать, как пожертвовать Базарганом. Вместе с тем Хомейни использовал захват американских заложников, чтобы укрепить свой престиж неутомимого «революционера» и «борца с империализмом». Это помогло ему расправиться и с аятоллой Шариатмадари, который в нарушение всех шиитских канонов был лишен сана аятоллы; и посажен под домашний арест, а возглавляемая им партия была распущена.

Захват заложников и раздуваемая вокруг этого кампания сыграли не последнюю роль в том, что Хомейни удалось провести на референдуме в начале декабря 1979 г. новый вариант конституции, в котором нашла отражение вся его концепция исламской республики. В конституции он провозглашался Рахбаром (Руководителем) с широчайшими полномочиями, в том числе и правом единолично смещать всенародно избранного президента. В ней еще больше были усилены контрольные функции духовенства над законодательной деятельностью парламента: вместо предусматривавшейся концепцией Хомейни парламентской комиссии, состоящей из не менее чем пяти богословов, конституцией учреждался особый орган надзора — Наблюдательный совет, шесть членов которого назначал лично Хомейни, а шесть других утверждал парламент по представлению Верховного суда. В обязанность Наблюдательного совета вменялся надзор за тем, чтобы утверждаемые парламентом законы не противоречили конституции и исламским нормам. Совет наделялся правом отвергнуть любой закон, принятый парламентом, поэтому духовенство через этот орган могло блокировать любой законопроект, если он не отвечал его интересам. Тем

самым конституция гарантировала духовенству сохранение власти вне зависимости от того, кого иранский народ изберет президентом и каким может оказаться состав парламента.

В январе 1980 г. президентом страны был избран А. Ба-«Исадр, деятель из ближайшего окружения Хомейни в Париже, который приютил его в первые дни после изгнания из Ирака. Это был не случайный выбор: Хомейни нужен был противовес группировке Бехешти, и Банисадр подходил для этой роли. Но ПИР во главе с Бехешти завоевала большинство на парламентских выборах. Премьер-министром после упорной борьбы между президентом и парламентом был назначен Али Раджаи, бывший школьный учитель, один из членов руководства ПИР.

Сразу же после избрания президента развернулось ожесточенное противоборство между группировками А. Банисадра и М. Бехешти, полное интриг, попыток опорочить друг друга перед Хомейни и т. п. Хомейни неизменно поддерживал Банисадра, как более слабую сторону. Трудно сказать, чем закончилась бы эта борьба, если бы летом 1981 г. Банисадра открыто не поддержала ушедшая после августа 1979 г. в подполье вооруженная организация моджахедов, резко выступавшая против установления диктатуры богословов. Альянс Банисадра с моджахедами становился слишком опасным для Хомейни, и 21 июня 1981 г. он сместил его с поста президента.

Одновременно Корпус стражей исламской революции, подчинявшийся лично Хомейни, развернул широкие операции по физическому истреблению моджахедов и федаев, понесших огромные потери.

Группировка Бехешти праздновала победу. Но недолго. 28 июня 1981 г., во время проведения внеочередной конференции ПИР, на которой должен был рассматриваться вопрос о выдвижении кандидата на пост президента, в штабквартире партий раздался взрыв. Погибло 72 человека, в том числе Бехешти, 4 министра, 6 заместителей министров, 20 депутатов меджлиса и другие члены руководства ПИР [104, 30.06.1979].

На состоявшихся в июле 1981 г. выборах президентом был избран А. Раджаи, занимавший до этого пост премьер-министра. Главой правительства стал М. Бахонар, заменивший Бехешти на посту председателя ПИР. Председателем парламента остался Хашеми-Рафсанджани. Все главные посты в государстве заняли члены руководства ПИР. Но 30 августа Бахонар и Раджаи погибли в результате взрыва в канцелярии премьер-министра во время заседания Высшего совета обороны. Ни одна группировка, в том числе моджахеда, не взяла на себя ответственность за эти взрывы.

После гибели Бехешти, Бахонара и Раджаи ПИР вняла

наконец столь «громогласным» намекам и прекратила активную деятельность, хотя формально продолжала существовать.

Устранив с политической сцены Базаргана, Банисадра, Готбзаде (обвинен в заговоре и расстрелян), Язди и других членов своего парижского окружения, запретив буржуазно-демократические организации, руками «Хезболла» подавив деятельность НФ и убрав с политической сцены его лидеров Санджаби и Форухара — своих бывших соратников, разгромив федаев и моджахедов, а затем и арестовав большинство руководства и рядовых членов НПИ, лишившись конкуренции со стороны лидеров ПИР, заставив замолчать великих аятолл Шариатмадари, Гольпаегани, Мараша-Наджафи, Мотаххари (убит неизвестным террористом) и других, Хомейни, опираясь на преданное ему руководство КСИР, установил в стране режим единоличной диктатуры, окружив себя послушными и зависимыми от (Него) исламскими деятелями и насадив во всех государственных органах своих ставленников.

В результате сложной политической борьбы, длившейся около двух с половиной лет после свержения шахского режима, к власти пришло не духовенство как сословие, а узкая группа богословов, искренне или лицемерно преданных диктатору — Хомейни. И не ислам, как религия, стал официальной государственной идеологией в стране, а его искаженная версия в интерпретации Хомейни. Духовенство, особенно его «рядовой состав», не принимало участия в государственной власти, т. е. не влияло на выработку государственной внутренней и внешней политики. Оно было лишь проводником указаний и распоряжений, поступающих «сверху». И исполнительность гарантировалась страхом перед КСИР — орудием массового террора. Послушание же поощрялось материальными выгодами и жизненными благами, размеры которых зависели от места в государственно-бюрократической иерархии и степени преданности режиму.

Утверждать, что у власти в Иране стояло духовенство и государственной идеологией был ислам, — все равно что утверждать, будто в Германии в 30—40-е годы у власти стояла Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а государственной идеологией был социализм. И партией, и страной единолично правил Гитлер через своих ближайших приспешников, а чудовищное понимание Гитлером идей социализма, которое он назвал национал-социализмом, считалась государственной идеологией. Власть же Гитлера держалась на страхе перед гестапо.

Точно так же далеко от действительности то, что в СССР у власти в сталинский период стояла коммунистическая партия, а идеологией был марксизм. Реально коммунисты не имели никакой власти. Всеми делами и в партии, и в государстве управлял единолично Сталин, опиравшийся на

преданных и послушных ему людей из высшего партийного руководства и державший в покорности и коммунистов, и беспартийных с помощью НКВД. Что касается идеологии, то это была пародия на марксизм, плохо понятый «недоучившимся семинаристом».

Это типологическое сходство трех режимов не случайно. При всем различии в идеологии, обстоятельствах и деталях борьбы нацизм, большевизм и хомейнизм были массовыми движениями традиционалистских сил, направленными против капитализма, лидеры которых стремились воплотить в жизнь надуманную, составленную из обрывков различных философских и религиозных учений общественно-экономическую модель, призванную, как они полагали, осчастливить свой народ и все человечество.

Вряд ли Хомейни с самого начала стремился стать диктатором. Когда он писал в начале 70-х годов, что в исламской республике не будет социальных конфликтов, споров по поводу постов, рангов и богатства, все будут братьями и равноправными, думается, он был искренним. Но, когда после свержения шаха он осознал, что не все разделяют его учение, которое он считал единственно правильным и спасительным для страны и всего человечества, страдающего от «присков империализма и коммунизма», Хомейни, как неординарная и сильная личность, поставил перед собой цель воплотить свое учение в жизнь вопреки любым препятствиям. А для этого он вынужден был убирать со своего пути всех, кто имел собственное мнение и свое видение решения проблем. Поскольку противников оказалось слишком много, понадобился мощный репрессивный аппарат, в том числе и для того, чтобы держать в покорности население, пока не наступит «светлое будущее». Так шаг за шагом Хомейни, сам того не желая и не осознавая, превратился в диктатора, а политическая система превратилась в авторитарную систему власти.

Безуспешными оказались попытки внедрить исламские принципы в экономику. Отмена в Тегеране платы за транспорт, электричество, газ, воду и другие коммунальные услуги для бедных слоев населения сразу поставила на грань банкротства компании, занимавшиеся предоставлением этих услуг. К тому же в город нахлынуло множество людей из других городов и сельской местности, что обострило жилищную проблему, повысило спрос на продукты питания и другие товары первой необходимости. Поэтому вскоре эти благотворительные меры для бедных пришлось отменить. Едва не привел к тяжелым последствиям и запрет на потребление импортного мяса, поскольку животные в странах-экспортерах забивались не по мусульманским правилам. Поэтому власти были вынуждены срочно направить в эти страны иран-

ских убийщиков скота и отменить запрет. Не удалась и отмена банковского процента, взимание которого запрещено Кораном. Банковские проценты пришлось сохранить, называя их платой за банковские услуги или выплачивая в других формах.

Торговый капитал «базара», освободившись от контроля развалившегося шахского государственного аппарата, а также воспользовавшись нехваткой продуктов и промышленных товаров, начал бешено вздывать цены, что возмущало население. Широко распространились спекуляция, контрабанда, перекупка. Пока товар от производителя через нескольких перекупщиков доходил до потребителя, его цена возрастала в десятки раз. Попытки властей как-то регулировать цены привели к расцвету «черного рынка». Все это очень скоро вынудило власти ввести централизованную систему распределения продуктов по карточкам, принять более жесткие меры к торговцам. Исламский революционный совет объявил о национализации внешней торговли. Резкое недовольство и противодействие торгового капитала не позволило парламенту утвердить это решение.

Преследование представителей «прошахского» крупного промышленного капитала, административного аппарата привело к их массовому бегству из страны, а некоторые из них были репрессированы. Промышленные предприятия в частном и государственном секторе оказались брошенными на произвол судьбы, стремительно разваливалась банковская система. Для того чтобы спасти их от полного краха и предотвратить дезорганизацию экономики, исламские власти были вынуждены в июне 1979 г. национализировать все крупные предприятия, банки и систему страхования. В результате и без того мощный государственный сектор еще более расширился. Для управления им новым властям пришлось восстановить прежний государственный административный аппарат. Более того, он был еще больше раздут, чем гари шахе, за счет появления новых «исламских» государственных институтов. Национализация отдельных предприятий продолжалась и в последующие годы.

Происходила еще большая централизация экономики под эгидой государства, чем в шахский период. Исламские власти восстанавливали шахскую модель монопольно-государственного капитализма, но в еще более жесткой форме. Объективная экономическая необходимость вынуждала исламский режим проводить и некоторые мероприятия по оживлению частного предпринимательства, особенно среднего и мелкого.

Но условия для этого по сравнению с шахским периодом еще более ухудшились: во-первых, из-за экономической блокады и курса хомейнистов на экономическую самоизоляцию от «империалистических» держав; во-вторых, из-за неблагопри-

ятного политического климата в стране. Так, попытки правительства вернуть некоторые предприятия их владельцам вызвали резкую отповедь рупора ПИР газеты «Джомхури-йе эслами», назвавшей прежних хозяев «хищниками, вышедшими из убежищ, чтобы вернуть свои богатства, которые революция отдала народу» [104, 15.09.1985]. В августе 1984 г., когда Хомейни осторожно высказался в поддержку частного сектора, председатель парламента А. Хашеми-Рафсанджани вторил ему, что «частный сектор должен быть активным», но оговорился: «Мы не должны вверять дела капиталистам-пиявкам» (цит. по [60, с. 156]).

Начавшаяся в 1980 г. война с Ираком, в провоцировании которой хомейнисты сыграли немаловажную роль, вынудила их еще больше ужесточить государственное регулирование экономики, приспособить ее к нуждам военного времени и еще сильнее «завернуть гайки».

Экономический курс хомейнистов был направлен не вперед, а назад. Вместо того чтобы способствовать выходу страны из экономического кризиса предоставлением большей свободы частному предпринимательству, децентрализацией огромного госсектора и постепенным переходом к рыночной экономике, хомейнисты еще более усилили государственный контроль над экономикой и ее централизацию. Это явилось следствием их мелкобуржуазно-исламского подхода к экономическим проблемам и неприязни к крупному частному капиталу, возрождающему капитализм «западного» образца. Они опасались, что усиление экономических позиций буржуазии неизбежно приведет и к ее усилению в политической сфере и в конечном счете хомейнисты могут утратить монополию на власть. Такая политика только усиливала кризисные явления, поскольку сохранялись глубинные причины, приведшие к кризису монопольно-государственного капитализма во второй половине 70-х годов.

К концу 80-х годов некоторые представители хомейнистской верхушки уже сознавали пагубность подобного курса и угрозу, которую он может представить для существования исламского режима. Окончание ирано-иракской войны в 1988 г. еще больше усилило эту угрозу, так как уже невозможно было объяснять экономические трудности тяготами войны. В этих условиях председатель парламента А. Хашеми-Рафсанджани и президент страны А. Хаменеи попытались провести через парламент некоторые экономические реформы, направленные на расширение частного предпринимательства и сотрудничества с западными странами. Однако Наблюдательный совет блокировал эти попытки. За сохранение позиций госсектора, за жесткое государственное регулирование экономики выступал и премьер-министр Ирана Мир Хосейн Мусави.

Обструкция Наблюдательного совета и представителей ортодоксального духовенства попыткам реформ привела к политическому кризису в стране, к резкому противостоянию президента и парламента, с одной стороны, правительства и Наблюдательного совета — с другой. В результате изолированной борьбы между двумя сторонами президенту и председателю парламента удалось добиться у Хомейни согласия на реформирование политической структуры власти, чтобы выйти из кризиса.

Летом 1989 г. исламские ортодоксы лишились мощного орудия влияния на политическую жизнь страны. Аятолла Хомейни умер. Его место занял президент Ирана А. Хаменеи. А. Хашеми-Рафсанджани при поддержке А. Хаменеи был избран президентом страны. Согласно внесенным поправкам в конституцию, пост премьер-министра упразднился и президент становился главой правительства. КСИР сливался с армией и переходил в подчинение кабинета министров. Упразднились некоторые исламские институты, параллельные правительственным органам.

Сосредоточение в руках президента сильной исполнительной власти и поддержка его Рахбарам позволили правительству в обход парламента (большинство в котором после ухода с поста председателя А. Хашеми-Рафсанджани завоевали исламские ортодоксы) и Наблюдательного совета предпринять шаги по «иранскому варианту» перестройки экономики в сторону усиления рыночных отношений. Это процесс непростой, поскольку исламские ортодоксы оказывают ему значительное сопротивление, пытаясь сохранить власть. «Наследие» Хомейни еще сильно в политической и экономической жизни страны, в сознании широких масс, чем активно пользуются ортодоксы в борьбе против реформатора Хашеми-Рафсанджани и сторонников его курса. Но процесс пошел, и чем дальше уходят времена Хомейни, тем активнее этот процесс становится.

Десятилетие «эпохи Хомейни» тяжело отразилось на стране, затормозило ее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие, нанесло огромный материальный ущерб, привело к многочисленным человеческим жертвам. В результате массовых репрессий и бессмысленной ирано-иракской войны, продолжение которой после освобождения иранской территории диктовалось амбициозными претензиями Хомейни на завоевание исламской идеологией мирового господства, Иран потерял около миллиона казненными и убитыми, более миллиона остались калеками.

И тем не менее закономерности развития социальной революции, объективная потребность перехода от монополично-государственного капитализма к рыночному капитализму, необходимость интеграции в мировое хозяйство пробивают

себе дорогу, и есть признаки, что после ухода Хомейни с политической сцены эти процессы ускорятся и со временем Иран превратится в современное процветающее капиталистическое государство. Хотя, конечно, этот путь не будет легким и быстрым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События в Иране, связанные со свержением монархии, не были и ни в каком случае не могли быть революцией. В 70-е годы Иран был уже буржуазным государством, буржуазный характер носила и политическая надстройка. При таких условиях революцией могли стать лишь те действия, которые выводили бы страну за рамки капитализма. Но предпосылок для этого в Иране не было, нет, и появление их пока не предвидится.

Свержение монархии представляло собой реакционный политический переворот. Переворот потому, что шахская диктатура была заменена хомейнистской диктатурой. Его реакционность определялась тем, что в отличие от шахской диктатуры, буржуазной, заинтересованной в промышленном развитии страны на современной капиталистической основе, хомейнистская диктатура являлась мелкобуржуазно-клерикальной диктатурой, щель которой заключалась в сохранении и упрочении традиционной мелкотоварной системы «базара» как гаранта сохранения и упрочения власти шиитских ортодоксов.

То, что хомейнисты, придя к власти, вынуждены были не только поддерживать уже сложившуюся систему промышленного производства, но и предпринимать меры по ее развитию, без которого уже немислимо было существование иранского общества, не меняет реакционной /сушности переворота. Проникнутая исламским духом и традиционалистски-мелкобуржуазной идеологией политическая надстройка находилась в вопиющем противоречии с объективными потребностями дальнейшего развития капиталистических базисных отношений, что не могло не сказываться на замедлении темпов экономического развития, а следовательно, и развитая производительных сил общества.

Более того, приход к власти хомейнистов — это контрреволюция, поскольку проводимая ими политика тормозила развитие буржуазной социальной революции, по крайней мере на 10 лет задержала переход от централизованной к рыночной экономике.

События в Иране наглядно показали бесперспективность

«борьбы традиционалистских сил против современного капитализма. Эти силы не способны выдвинуть прогрессивную альтернативу капитализму. Все, на что они способны,— это физически уничтожить капиталистов (если учитывать крайний вариант исхода борьбы). Но ликвидация буржуазии не ведет к уничтожению капитализма. Независимо от воли и желания борющихся капитализм не исчезает, он лишь меняет форму.

Антикапиталистическая борьба пролетариата также не способна уничтожить капитализм. Капитализм невозможно победить классовым насилием над буржуазией, если еще не сложились условия, при которых буржуазия начинает «отмирать» сама, утрачивая общественно полезные функции в процессе производства, и если еще не сложилось гражданское общество. Общество — это слишком сложный, взаимосвязанный и тонкий организм, чтобы вмешиваться в него методом грубого насилия ради удовлетворения интересов какого-либо одного класса, социального слоя или политических амбиций партий и личностей, возмнивших себя, пусть и с самыми благими намерениями, спасителями своего народа и человечества. Такое насилие, как показала история, порождает только ответное насилие, кровь и страдания общества, в том числе и тех, кто пытается обеспечить свои интересы в ущерб интересам других.

Но насилие по отношению к изжившим себя социально-классовым силам, стремящимся любой ценой сохранить ставшие уже реакционными общественно-экономические структуры (например, феодальные), препятствующие дальнейшему прогрессивному развитию общества, исторически оправданно. Однако и здесь существует тонкая грань: «право» на такое насилие имеют лишь те силы и в том случае, если они способны обеспечить действительный прогресс общества (это ставит проблему определения, что есть действительный прогресс общества в каждом конкретном случае и на данном отрезке исторического развития).

Единственной прогрессивной альтернативой шахскому режиму, который был уже не в состоянии авторитарными методами способствовать развитию производительных сил в стране, могла стать буржуазная реформация политических и экономических структур с целью их большей демократизации. Это была бы именно реформация, а не мелкобуржуазно-демократическая революция. В Иране, где промышленно-капиталистический уклад был ведущим и структурообразующим, для подобной революции уже не было почвы.

Неприемлемым для Ирана был и вариант прихода к власти левых сил при опоре на пролетариат и другие слои «трудящихся». Программа НПИ провозглашала, что «только руководящая роль рабочего класса способна обеспечить по-

«ледовательность революции, углубить ее народный характер и поднять до социалистического уровня» и что «капиталистический путь развития в современных исторических условиях» она считает «вредоносным для действительного прогресса и благополучия иранского общества» [84, кт. 21]. Подобные мотивы содержались и в программных документах федаев, особенно той фракции, которая после раскола организации примкнула к НПИ'.

Если бы левые пришли к власти, они повели бы против буржуазии еще более непримиримую борьбу, чем хомейнисты. В результате они только окончательно развалили бы экономику страны и вызвали гражданскую войну. По такому сценарию развивались события не в одной и не в двух афроазиатских странах, где левые захватили власть. Но даже в лучшем случае (если бы гражданской войны удалось избежать) левые неизбежно установили бы диктатуру, поскольку у них не могло быть другой опоры, кроме традиционалистских низов «трудящихся» и военно-политического репрессивного аппарата. Пролетариат, составлявший около 1% населения, опорой для левых быть не мог.

Трагическая судьба левых в Иране была фатально-предопределена. И обуславливалось это не столько конкретными их ошибками в ходе антишахской борьбы и в период становления «исламской республики», сколько их политико-идеологическим мировоззрением, имеющим мало общего с объективными реалиями иранского общества.

История XX века отмечена тремя крупными политическими потрясениями, в основе которых лежало противоборство традиционализма и современности.

В конце 70-х годов в Иране на волне традиционалистского движения, вызванного экономическим кризисом, хомейнисты пришли к власти. Но традиционалистские слои лишь временно могли использовать плоды победы. Разгул «базарной» стихии, освобожденной от контроля госаппарата и давления крупного промышленного капитала, лишь усилил кризис общества. Хомейнисты обнаружили, что они стоят у власти в капиталистическом государстве и не способны удовлетворять интересы традиционалистских слоев (которые им эту власть и вручили), не ущемляя интересы других слоев общества. И с целью удержаться у власти хомейнисты вынуждены были установить худший вид диктатуры: диктатуру узкой правящей верхушки против всех слоев общества, основанную на исламской социальной демагогии, политическом лавировании и массовых репрессиях. Основу их экономической власти составил мощный госсектор и жесткое государственное регулирование экономики.

В 20—30-е годы в Европе фашистское движение также было вызвано противоборством традиционализма и совре-

менности в условиях экономического кризиса. И отнюдь не случайно, что фашизм распространился именно в тех странах Европы, которые позднее других встали на капиталистический путь развития и в которых еще сохранялись большие пласты традиционалистских мелкобуржуазных структур, чьи интересы оказались серьезно ущемлены в ходе быстрого, «догоняющего» развития капитализма. Но, придя к власти на волне традиционалистского движения, гитлеровская верхушка обнаружила, что стоит во главе капиталистического государства. Поэтому, отстранив буржуазию от политической власти, мелкобуржуазно-люмпенское по воззрениям руководство движением было вынуждено служить экономическим интересам крупной буржуазии. Одновременно в целях самосохранения ему пришлось создать мощный репрессивный аппарат, чтобы, во-первых, подавлять тех, кто его привел к власти, но чьи надежды и чаяния оно было не в состоянии воплотить в жизнь; во-вторых, не позволить буржуазии вернуть утраченную политическую власть.

Проявился тот же феномен: диктатура узкой клики против всех слоев общества, замешенная на национал-социалистической демагогии, политическом лавировании между различными социально-классовыми слоями и массовых репрессиях. Более того, милитаризованному фашистскому государству удалось до некоторой степени подчинить себе экономику, осуществлять ее регулирование, создав тем самым своеобразный вариант военно-государственного капитализма.

Большевистское движение в России также было проявлением противоборства традиционализма и современности. Пролетарский характер Октябрьской революции—это, в общем-то, миф. В мелкобуржуазно-крестьянской стране, каковой была Россия, где пролетариат составлял, по разным оценкам, от 1 до 3% населения и где развитие капитализма значительно отставало даже от Европы, пролетарская революция была невозможна. В условиях острейшего экономического кризиса, порожденного агонией царизма и усугубленного первой мировой войной, большевики, пользуясь слабостью буржуазии, захватили государственную власть. Но проводником пролетарской идеологии в партии был лишь тонкий слой идейно выдержанной интеллигентской партийной верхушки — «ленинской гвардии». В низовой же, массовый партийно-государственный руководящий слой начали сравнительно быстро проникать мелкобуржуазно-люмпенские элементы типа шариковых и швондеров, а также представители деревенского люмпен-пролетариата типа нагульнозных и разметновых.

Партийно-государственный аппарат захлестнула мелкобуржуазно-люмпенская стихия, которая пестовала кредо «отнять и разделить». Вспомним знаменитую ленинскую фор-

мулу отношения к беднейшему крестьянству: «Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата» [16, с. 291]. Но безземельный «деревенский пролетариат» — это тот же крестьянский люмпен-пролетариат, тоскующий по традиционной деревенской общине, которая его худо-бедно содержала благодаря круговой поруке сельского «мира».

Развитие капитализма в деревне, столыпинские реформы разрушали эту традиционную общину, лишали деревенский люмпен-пролетариат его привычной среды обитания, вытесняли в город, на заводы, в армию. Отнюдь не случайно, что массовое движение в России началось с шествия рабочих (недавних крестьян) к царю 9 января 1905 г. И не случайно, что организовал их поп Гапон. Их вела вера в «доброе» царя-батюшку, который восстановит в стране «порядок» — старый добрый христианский порядок без «кровопийц-капиталистов». После расстрела шествия, похоронившего веру в царя, после начала первой мировой войны, вызванной стремлением к империалистическому переделу мира, традиционные массы: все больше обращали свой взор к большевикам, обещавшим им избавление от «ужасов капитализма» в городе и деревне.

Не малочисленный пролетариат, а огромные традиционалистские слои мелкой буржуазии и люмпен-пролетариата города и деревни стали той силой, которая послужила для Сталина опорой в борьбе с «ленинской гвардией» и восхождении к власти. Борьба с нэпманами и кулаками, создание колхозов не были выдумкой только Сталина: он очень точно уловил психологию люмпенизированных масс («грабь награбленное») и инстинктивную тоску сельских безземельных низов по традиционной общине, в которой можно было, прилагая минимум усилий, жить за чужой счет. Без их поддержки Сталину не удалось бы загнать все крестьянство в модифицированную общину — в колхозы, чтобы удобнее было его грабить. А грабить приходилось, поскольку в условиях капиталистического окружения сохранить большевистский режим сталинская верхушка могла только в случае, если она быстро разовьет промышленный потенциал и противопоставит его экономической мощи западных стран.

Взять же средства в разоренной мировой и гражданской войнами стране было неоткуда, кроме как выкачать их из деревни. Этот процесс начался еще при Ленине. Сталин довел его до совершенства. Не имея возможности удовлетворить жизненные интересы ни рабочих, ни крестьян, сталинское партийное руководство вынуждено было установить диктатуру против всех слоев общества, удерживая их в покорности массовыми репрессиями и социальной демагогией

о «защите интересов трудящихся». Место же физически ликвидированной буржуазии (и помещиков) заняло само «пролетарское» государство, создавшее систему монополично-государственного капитализма.

Борьба традиционалистских сил, угнетаемых развитием капитализма и восстающих против него, всегда реакционна и контрреволюционна. В разных странах и в разные исторические периоды борьба традиционалистских сил за выживание происходила в рамках различных идеологических течений: большевизма с его пролетарско-социалистической фразеологией, фашизма с его доведенной до абсурда национальной идеей, хомейнизма с его опорой на политизированный ислам. Но, несмотря на различную идеологическую окраску, эти движения приводили к установлению однотипных режимов власти — авторитарной диктатуре. И это закономерно, поскольку становление такого режима обуславливалось сходными общественно-социальными явлениями: попытками традиционалистских мелкобуржуазных масс, «взбесившихся от ужасов капитализма», защитить свои интересы и добиться «лучшей жизни», ликвидировав капитализм.

Переход к новой общественной формации (как бы она ни называлась) возможен не в борьбе с капитализмом, а на путях всемерного развития производительных сил в рамках капитализма. Однако не такого капитализма, каким его изображала большевистская «научная» мысль, а живого, развивающегося, постоянно изменяющегося общественного организма, существующего в индустриально наиболее развитых странах, которому обществоведы еще не придумали более подходящего определения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Первый опыт критического анализа советской литературы по «иранской революции» см. [59, с. 162—172]. Основное внимание в этом обзоре В. И. Максименко уделено выявлению точек зрения некоторых советских авторов относительно характера «иранской революции» и поиску причин противоречивости их выводов. Одну из причин он видел в том, что «едва ли не каждая новая точка зрения выражает себя так, словно до нее иных, в том числе противоположных, точек зрения не существовало, а очередной поворот в политике Исламской Республики Иран погружает в небытие оценки двух-трехлетней давности. И беда не в том, что изменение хода событий заставляет менять оценки (это как раз нормально), — беда в том, что вчерашние оценки рассматриваются зачастую как подлежащие не преодолению научной критикой, а забвению, игнорируются, как если бы их не было вовсе» [59, с. 162]. Иными словами, по мнению В. И. Максименко, причина заключается в отсутствии научной критики как собственных прежних оценок, так и оценок других авторов.

Обширный критический обзор литературы по тематике «иранской революции» также см. [54, с. 527—554], А. З. Арабаджян прослеживает главным образом, кто из авторов и почему считал, что иранская революция продолжалась и после свержения монархии, противопоставляя этому свою точку зрения: после падения шаха не революция продолжалась, а началось становление «исламского режима».

Глава 1

1. В данном случае мы имеем в виду именно научную литературу, а не газетные публикации.

Глава 2

1. Эти данные приведены В. И. Лениным из статистического сборника за 1905 г. О том, что к 1917 г. положение мало изменилось, свидетельст-

вуют цифры из другой его работы [3, с. 234]. В ней В. И. Ленин указывал, что на одного помещика в среднем приходилось по 2000 десятин земли, столько же, сколько и на 300 крестьянских семей (т. е. по 6,7 десятины на крестьянскую семью). Из приведенных В. И. Лениным цифр за 1905 г. видно, что тогда на одного помещика приходилось 2333 десятины, на одного крестьянина-бедняка — 7 десятин. Небольшая разница в цифрах может быть объяснена тем, что во второй работе они для большей наглядности округлены.

2. Н. А. Симония указывал, что под «колониальной экономикой» следует понимать не всю структуру хозяйства колониальной страны, а «лишь те ее элементы, которые уже вовлечены в синтез с метрополией, и в той мере, в которой они вовлечены» [71, с. 167].

3. Так, Г. К. Широков приводит факты, когда британская колониальная администрация Индии, стремясь воспрепятствовать развитию национального транспорта, выкупила первый паровозостроительный завод и демонтировала его. В другом случае она не допустила строительства автомобильного завода [80, с. 23]. В Иране западные державы более 20 лет препятствовали созданию металлургической промышленности, пока Иран не обратился за помощью к Советскому Союзу [34, с. 247—248].

4. К. Маркс отмечал, что «превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе... Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем» [17, с. 760]. Он писал, что «мануфактура возникает там, где имеет место массовое производство на вывоз, для внешнего рынка, следовательно, на базе *крупной морской и сухопутной торговли...* Мануфактура захватывает сначала не так называемое *городское ремесло*, а *сельский побочный промысел...* сперва мануфактура обосновывается не в городах, а на селе, в деревнях, где не было цехов и т. д.» [20, с. 502—503]. П. Лафарг также указывал, что представители торгово-ростовщического капитала переносили свои первые мануфактуры «в деревни, в предместья и новые приморские городки, где не было ни городских патрициев, ни цеховой организации. Свои мануфактуры, которые должны были разорить цеховых мастеров и произвести переворот в мелкой ремесленной промышленности, они основали не в Париже и Лондоне, а вне их черты, в Сент-Антуанском предместье, в Вестминстере и Саутварке» [58, с. 147].

5. Ярким тому подтверждением служит доклад Комиссии по вопросам привилегий и льгот, сделанный на заседании Верховного Совета СССР 6 июля 1991 г. Как сообщала газета «Известия», «в ходе проверок, проведенных членами комиссии... вскрыто такое количество злоупотреблений, нарушений закона и действующих нормативных документов, что комиссия может однозначно доложить Верховному Совету СССР: верховная исполнительная власть у нас в стране не подчиняется никаким законам». При этом главными нарушителями закона, присвоившими себе льготы и привилегии, назывались Кабинет Министров СССР, МВД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны СССР, ЦК КПСС, другие министерства и ведомства. Более того, «немало депутатов, забыв о своих предвыборных обе-

щениях, стали подключаться к существующей системе привилегий для номенклатурной элиты... Элитарная система привилегий... существует под крылом правительства, аппаратов Президента и Верховного Совета страны» [101, 08.07.1991]. Такое положение существовало на шестом году «перестройки». Что делалось в высших эшелонах власти в годы «застоя» — можно лишь догадываться.

Глава 3

1. Н. А. Кузнецова, например, относит зарождение буржуазных отношений в Иране к началу XIX в. [56, с. 4]. Р. А. Сеидов же считает, что «вторую половину XIX века можно характеризовать как период вызревания капитализма в Иране» [70, с. 4]. Существуют и другие мнения. Более предпочтительной представляется точка зрения тех ученых, которые за исходный пункт развития буржуазных отношений в Иране берут начало XIX в.

2. Подробно о событиях 1905—1911 гг. см. [47]. Однако с общей концепцией этой революции, выдвинутой М. С. Ивановым, согласиться трудно.

3. В 1911 г. парламент был распущен и вновь созван в 1914 г. Затем с 1917 по 1921 г. он не созывался.

4. События «Гилянской революции» получили в советской литературе крайне одностороннюю оценку. Долгие годы некоторые ее аспекты были как бы «закрытой темой» для советских исследователей, поэтому в работах, посвященных истории Ирана, она упоминалась вскользь, либо этот период опускался. Так, в справочнике «Современный Иран» событиям в Гиляне отведено 23 строчки [73, с. 148—149], в монографии «Иран. Очерки новейшей истории» упоминается деятельность Иранской коммунистической партии (созданной в 1920 г. именно в связи с гилянскими событиями), но ни слова не говорится о самих событиях в Гиляне [51, с. 30—31]. С. Л. Агаев рассматривал «Гилянскую революцию» как национально-освободительное движение, отмечал ошибки Иранской коммунистической партии, но не упоминал о роли большевиков и Советского правительства в гилянских событиях [27, с. 66—69]. Представляется более справедливой (хотя и не исчерпывающей) оценка З. А. Арабаджяна: «Революционное движение в Гиляне, носившее сепаратистский характер и не отвечавшее национальным интересам Ирана, осложняло его внутривнутриполитическое положение и тем самым не способствовало созданию условий для серьезных реформ. Гилянская революция дает прекрасный материал для выявления закономерностей судеб „экспортированной“ революции» [37, с. 42—43].

В целом гилянские события (которые, строго говоря, не были революцией) являлись левацким, тупиковым ответвлением в сложной и запутанной политической борьбе периода буржуазной революции в Иране.

5. Вопрос о том, действительно ли эта сеть была настолько мощной, что серьезно угрожала Советскому Союзу, никогда не дискутировался в советском востоковедении, как не рассматривался и вопрос, кто и с какой целью настоял на включении в советско-иранский договор 1921 г. такой одиозной статьи, дающей одностороннее право вводить войска на территорию суверенного государства.

6. Впоследствии М. Д. Багиров был арестован и расстрелян. Вероятно,

не последнюю роль в этом сыграл и провал его «азербайджанской авантюры», которую он не сумел довести до конца.

7. В «застойные» времена события в иранском Азербайджане расценивались как демократическое движение широких народных масс. О роли СССР и лично М. Д. Багирова в этом движении в научных работах не упоминалось, как не упоминалось и об истинных целях движения. В 1987 г. группа сотрудников Института востоковедения (в которую входил и автор настоящих строк) подготовила для дирекции записку с анализом положения в Народной партии Ирана, а также с оценкой действий Демократической партии Азербайджана и советского партийно-государственного руководства в период событий в иранском Азербайджане. Записка была составлена на основе конфиденциальной информации и документов, представленных авторам некоторыми бывшими и нынешними членами руководства НПИ и ДПА. Судьба этой записки, на которую был поставлен гриф «Секретно», так и осталась авторам неизвестной.

8. НПИ была создана в 1941 г. (после ввода советских войск в Иран) по инициативе руководства ВКП(б) из политэмигрантов, находившихся на территории СССР. Об образе мышления и действиях руководителей НПИ свидетельствует тот факт, что в 1945 г. они планировали поднять восстание в северных районах Ирана, установить там «народно-демократическую» власть, а затем двинуть свои отряды на Тегеран и свергнуть центральное правительство. Советское партийно-государственное руководство не могло не знать об этих планах, ибо НПИ была создана им как орудие сталинской политики в Иране. Однако в последний момент этот план был изменен, и восстание ограничилось только территорией иранского Азербайджана. Вероятно, это было сделано по указанию М. Д. Багирова, возглавлявшего ЦК КШБ) Азербайджана и пользовавшегося поддержкой Л. П. Берии. Но возможно, что руководство ВКП(б) посчитало присоединение иранского Азербайджана к СССР более реальным, чем «революция» в масштабах Ирана. Не исключено, что в секретных архивах КПСС существуют документы, проливающие свет на эту историю.

Сталинский режим намеревался использовать НПИ так же, как он использовал коммунистические партии в странах Восточной Европы,— для их «советизации». А планы установления контроля над Средним Востоком у советского партийно-государственного руководства существовали: «Одним из условий заключения германо-советского союза (в начале 40-х годов.—Л. С.) была свобода рук СССР в Ираке и Иране, а также захват значительной части Саудовской Аравии для обеспечения контроля над Персидским и Аденским заливами. После окончания войны, в ноябре 1948 г., по итогам совещания Политбюро и Генштаба Сталину был изложен обширный план, предусматривавший молниеносное наступление на Персидский залив силами танковой армии из 50 дивизий. Два года спустя, в ноябре 1950-го, в Батуми прошла конференция, посвященная Ближнему Востоку, на которой рассмотрены средства защиты нефтеносной зоны СССР «одновременно с присоединением источников горючего, расположенных в лимитрофных странах» [102, 14.02.1991].

9. В 1961 г. Конгресс США принял решение о прекращении помощи Ирану, а посетившие страну сенаторы Фулбрайт и Гарриман информиро-

вали шаха о том, что помощь возобновится лишь в случае, если будет проведена аграрная реформа, создано более представительное правительство и покончено с коррупцией, поглощающей большую часть американской помощи. В противном случае Вашингтон намерен «пересмотреть стратегическое значение Ирана для свободного мира» [114, 19.02.1961].

10. В состав парламента были избраны 57 государственных служащих (в том числе 13 генеральных директоров государственных предприятий и организаций), 8 промышленников, 7 мелких акционеров, 20 уполномоченных по проведению аграрной реформы, 3 служащих городского административного аппарата, 11 министров, высших работников министерств, мэров городов, 8 профессоров университетов, 9 судей, 6 преподавателей, 6 врачей, 9 издателей, 12 рабочих, 11 крестьян и мелких земельных собственников, некоторые другие лица [93, с. 129—130].

11. Катализатором роста цен на нефть послужило и эмбарго на продажу нефти Западу, наложенное арабскими странами в результате арабо-израильской войны в октябре 1973 г.

12. Н. М. Мамедова дает следующую характеристику синфов: «В синфах, существование которых прослеживается в Иране с XVI в., объединены лица по профессиональному признаку. Это в основном объединения городских слоев населения, в большинстве своем мелких и средних лавочников, владельцев мелких промышленных заведений. Тем не менее в синфах концентрируются огромные по своим размерам капиталы. В сущности, синфы превратились в форму централизации капиталов, функционирующих, в мелкотоварном производстве и докапиталистических формах обращения. Во главе синфов стояли крупнейшие торговые страны, а заправили тегеранского базара по размерам капиталов и размаху торговых операций не уступали, а в ряде случаев значительно превосходили современных предпринимателей. Синф представляет собой относительно самостоятельную экономическую организацию, в которой осуществляется полный цикл функционирования капитала. Мелкие производители всецело находятся под контролем крупного капитала, стоящего во главе синфа, получая от него кредиты, сбывая свою продукцию в размерах и по ценам, устанавливаемым руководством синфов, или поставляя ее крупным торговцам. Синфы до сих пор осуществляют контроль над самыми разными сферами жизни их членов» [61, с. 158—159].

13. Падение проявления религиозных чувств автор наблюдал воочию. В 1976 — начале 1977 г. большинство исфаханских мечетей по обычным дням были пустыми. В мечетях, имеющих историческую ценность, можно было увидеть больше иностранных туристов, чем верующих мусульман,

14. Автор был свидетелем применения такой тактики в Исфахане в конце лета 1978 г. По центральной улице шла мирная демонстрация. Из переулка, мимо которого проходил хвост колонны, выскочил небольшой полугрузовой автомобиль, в кузове которого стояли три-четыре молодых парня в масках. Поравнявшись с группой полицейских, наблюдавших за демонстрацией, они бросили в них бутылки с зажигательной смесью. Полицейские открыли по машине огонь, задев при этом нескольких демонстрантов. Машина на большой скорости юркнула в переулок. В результате по Исфахану, в этот день прокатилась волна поджогов и погромов в знак

протеста против действий полиции. Естественно, это вызвало новые столкновения с полицией и еще большие жертвы. Но ведь кто-то эту акцию организовал. Не сами же парни собрались и решили: «А давайте-ка мы устроим провокацию, чтобы полиция расстреляла демонстрацию». Левые такую изуверскую тактику не применяли, а исламских экстремистских боевых групп, которые готовились и содержались на деньги духовенства, в том числе из «Фонда Хомейни», в Иране было предостаточно. В среде духовенства существовали различные группировки, которые не всегда координировали свои действия. И вполне вероятно, что организовала мирную демонстрацию одна группировка, а провокацию в своих целях устроила другая.

15. Автору довелось встречаться с одним из членов руководства федаев, который признал, что именно он организовывал забастовки нефтяников и руководил ими.

¹⁶ В их число входила «Федаяне ислам» — исламская экстремистская террористическая организация, на счету которой были политические убийства, в том числе двух премьер-министров Ирана — А. Размары в 1951 г. и А. Мансура в 1962 г. Последний поплатился жизнью за то, что дал Хомейни пощечину. В распоряжении богословов высших званий были многочисленные группы исламских боевиков, готовые выполнить любой приказ своих «хозяев». Существовали и политические объединения богословов, такие, как влиятельное Общество духовенства Тегерана, Общество борющегося духовенства и др.

Заключение

1. В проекте Устава Организации федаев иранского народа (большинство), утвержденного на пленуме ЦК ОФИН(б) осенью 1987 г., говорилось уже вполне определенно, что ОФИН(б) «является политической организацией рабочего класса Ирана... Конечная цель организации — восстановление социализма в Иране... Достижение этой цели возможно при установлении власти рабочего класса, преодолении сопротивления класса эксплуататоров и ликвидации капиталистического строя» [88, с. 3—4].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции.—Т. 17*.
2. Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться.— Т. 34.
3. Ленин В. И. «Добровольное соглашение» между помещиками и крестьянами? — Т. 31.
4. Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов.— Т. 35.
5. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Т. 31.
6. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
7. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам.— Т. 17.
8. Ленин В. И. Крах II Интернационала.—Т. 26.
9. Ленин В. И. О двоевластии.— Т. 31.
10. Ленин В. И. О двух линиях революции.— Т. 27.
11. Ленин В. И. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности.— Т. 36..
12. Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова).— Т. 45.
13. Ленин В. И. О продовольственном налоге.— Т. 43.
14. Ленин В. И. Письма о тактике.— Т. 31.
15. Ленин В. И. Прошальное письмо к швейцарским рабочим.— Т. 31.
16. Ленин В. И. Социализм и крестьянство.— Т. 11.
17. Маркс К. Капитал.—Т. 23.
18. Маркс К- К критике политической экономии. Предисловие.—Т. 13.
19. Маркс К- Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа».—Т. 1.
20. Маркс К- Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Т. 46, ч. 1.
21. Маркс К-, Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Т. 4.
22. Энгельс Ф. Общественные классы — необходимые и излишние.— Т. 19.
23. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век.— Т. 1.
24. Энгельс Ф. Принципы коммунизма.— Т. 4.
25. Агаев С. Л. Зигзаги иранской революции.— Вопросы истории. 1985, № 1.
26. Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920—1925 гг. М., 1970.
27. Агаев С. Л. Иран в прошлом и настоящем (Пути и формы революционного процесса). М., 1981.
28. Агаев С. Л. Некоторые особенности исторического развития Ирана и антимонархическая, антиимпериалистическая революция 1978—1979 гг.— Современный Иран. Историко-социологические проблемы революции. ИНИОН АН СССР. М., 1979.
29. Агаев С. Л. О понятии и сущности «исламской революции».— Народы Азии и Африки. 1984, № 5.
30. Алиев С. М. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране.— Народы Азии и Африки. 1979, № 3.
31. Алиев С. М. Иранская революция 1978—1979 годов и рабочий класс.— Рабочий класс и современный мир. 1980, № 5.
32. Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.
33. Алиев С. М. Проблемы политического развития Ирана.— Азия и Африка сегодня. 1980, № 11.
34. Арабаджян А. З. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60—70-х годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики). М., 1983.
35. Арабаджян А. З. Иранская революция: причины и уроки.—Азия и Африка сегодня. 1986, № 3, 4.
36. Арабаджян А. З. Социально-экономические корни монархии Резашаха и реакционная сущность ее экономической политики. М., 1952 (канд. дис.).
37. Арабаджян З. А. Иран: власть, реформы, революции. М., 1991.
38. Арабаджян З. А. Иран и Пакистан. Распределение доходов в городе. 60-е — начало 80-х годов. М., 1987.
39. Асадулаев К- Свержение династии Каджаров в Иране. Душ., 1966.
40. Бади Ш. М. Городские средние слои Ирана. М., 1977.
41. Ближний и Средний Восток. Экономика и история. М., 1983.
42. Века неравной борьбы. М., 1967.
43. Восток: рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире). М., 1983.
44. Демин А. И. Сельское хозяйство современного Ирана. М., 1967.
45. Демин А. И. Современная иранская деревня. М., 1977.
46. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985.
47. Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957.
48. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965.
49. Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1952.
50. Иран. История и современность. М., 1983.
51. Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.
52. Иран. Проблемы экономического и социального развития. М., 1980.
53. Иран. Сборник статей. М., 1973.
54. Иранская революция 1978—1979 гг. Причины и уроки. М., 1989.
55. Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988.
56. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.
57. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX —начале XX в. М., 1981.
58. Лафарг П. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М., 1959.
59. Максименко В. И. Анализ иранской революции 1978—1979 гг. в со-

- ветской востоковедной литературе.— Народы Азии и Африки. 1987., № 3.
60. *Мамедова Н. М.* Городское предпринимательство в Иране. М., 1988.
 61. *Мамедова Н. М.* Концентрация производства и капитала в Иране в 60—70-е годы. М., 1982.
 62. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
 63. *Меликов О. С.* Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М., 1961.
 64. *Меркулов К- А.* Ислам в мировой политике и международных отношениях. М., 1982.
 65. Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988.
 66. *Примаков Е. М.* Восток после краха колониальной системы. М., 1982..
 67. Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981.
 68. Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982.
 69. *Резников А. Б.* Иран: падение шахского режима. М., 1983.
 70. *Сеидов Р. А.* Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX века. М., 1974.
 71. *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
 72. *Скляр Л. Е.* Иран 70—80-х годов: роль традиционных мелкобуржуазных сил в становлении режима теократической диктатуры.— Ислам и социальная структура стран Ближнего и Среднего Востока. М.. 1990.
 73. Современный Иран. Справочник. М., 1975.
 74. *Табари Э.* Роль религии в нашей революции.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 12.
 75. *Тигранов Л. Ф.* Из общественно-экономических отношений в Персии.. СПб., 1909.
 76. *Ульяновский Р. А.* Иранская революция и ее особенности.— Коммунист. 1982, № 10.
 77. *Ульяновский Р. А.* Современные проблемы Азии и Африки. М., 1978.
 78. *Ульяновский Р. А.* Судьбы иранской революции.— Коммунист. 1985., № 8.
 79. *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М., 1965.
 80. *Широков Г. К.* Индустриализация Индии. М., 1971.
 81. *Широков Г. К.* Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М, 1987.
 82. Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г. М, 1961.
 83. Байание-йе элам-е маваз-е идеоложи-йе сазман-е моджахедин-е халк-е Иран. [Б. м.], 1975.
 84. Барнаме-йе хезб-е туде-йе Иран. [Б. м., б. г.].
 85. Маншур-е джабхе-йе мелли-йе Иран.— *Касеми А.* Тарихче-йе джабхе-йе мелли-йе Иран. [Б. м., б. г.].
 86. *Пехлеви Мохаммад Реза.* Пасох бе тарих. [Б. м., б. г.].
 87. *Пехлеви Мохаммад Реза-шах.* Бесуе тамаддон-е бозорг. [Б. м., б. г.]. (Тегеран, 1978).
 88. Тарх-е асаснаме-йе сазман-е федаيان-е халк-е Иран (аксариат).. [Б. м.], 1987.
 89. *Хомейни Р.* Хокумат-е джомхури-йе эслами., [Б..м-ч б. г.].
 90. Чера мобарезе-йе мосалахане мехвар-е коллие-йе мобарезат-е ма аст? — Чарик. [Б. м.], 1978/79.
 91. *Curzon G. N.* Persia and the Persian Question. L., 1982, vol. 1—2.
 92. Iran Almanac. Tehran, 1963.
 93. Iran Almanac. Tehran, 1967.
 94. *Nobari Ali-Reza.* Iran Erupts. Stenford, 1978.
 95. *Pahlavi Mohammad Reza Shah.* The Shah's Story. L., 1980.
 96. Report of a Study United States Foreign Aid in Ten Middle Eastern and African Countries. Submitted by Senator Gruening. Wash., 1963.
 97. *Rizvi Sayyid Athar Abbas.* Iran: Royalty, Religion and Revolution. Canberra, 1980.
 98. *Sullivan William H.* Mission to Iran. L., 1981.
 99. The Down of the Islamic Revolution. Tehran, 1982.
 100. *Waheed-uz-Zaman.* Iranian Revolution. A Profile. Islamabad, 1985.
 101. Известия. М.
 102. Комсомольская правда. М.
 103. Правда. М.
 104. Джомхури-йе эслами. Техран.
 105. Кейхан. Техран.
 106. Техран экономист.
 107. Эттелаат. Техран.
 108. Express. P.
 109. The Globe and Mail. Toronto.
 110. International Herald Tribune. P.
 111. Kayhan International. Tehran.
 112. Kayhan International Weekly. Tehran.
 113. Le Matin. P.
 114. Le Monde. P.
 115. Tehran Times.
 116. The Washington Post.

SUMMARY

L. Skliarov's book *Iran in 1960s—1980s: Traditionalism against modernisation (Revolution and Counter-Revolution)* deals with problems of the so-called «Iranian Revolution». The first chapter contains sharp critical analysis of Soviet scholars' ideas, points of views and approaches as to the events connected with anti-monarchy struggle in Iran at the end of the 1970s. The characteristic features of their works are serious inner contradictions, and sometimes evident absurdities, the absence of sufficiently convincing arguments in favor of an idea that these events were indeed a revolution. These are predominantly explained by an ideological narrow-mindedness and ignorance of scientific criteria of a revolution. The very fact of the overthrow of Iranian monarchy, the anti-imperialist and anticapitalist nature of the movement and participation of broad masses in the struggle gave grounds for most of the Soviet scholars (and for the Soviet State-Party leadership) to define these events as the revolution.

This is why the book contains a special chapter dealing with theoretical aspects of social revolution considered a process of transition from one social and economic structure to another. Compared with Europe the social revolution in Eastern countries had its own specifics and regularities. As a rule it passes through three stages:

— stage of «trade capitalism», based on exports of raw materials and imports of industrial goods, preserving the elements of feudal relations in other spheres of production;

— stage of «industrial capitalism» of monopoly-state pattern under which the state owns most of or all means of production and creates a centralized economic structure;

— stage of normal «free market capitalism».

Nowadays, the most of the Eastern countries are at the stage of transition from «trade capitalism» to monopoly-state one, and only the most developed of them are beginning to enter the «free-market capitalism» of a western pattern.

As far as capitalist development is a historically progressive phenomenon which ensures the development of productive forces of society, the political struggle has revolutionary character provided that it promotes advancement of the society from the lower to the upper stage of capitalism.

The problem of transition from capitalism to socialism is also under review in the book. Basing on the analysis of the works by Marxism founders, the author came to the conclusion that conditions laid down by them as ne-

cessary and sufficient for such a transition have not yet formed in any country of the world. Hence, no socialism existed, exists, and will exist anywhere in the foreseeable future. The system considered as socialism presented reality a variety of monopoly-state capitalism under which the state was the absolute owner of means of production, exploiting its own citizens.

Generally, capitalism cannot be destroyed by means of class violence. Even in case of physical extermination of capitalism, the class capitalism itself does not vanish, and it only assumes a new form — the form of state capitalism.

In Iran, the system of «trade capitalism» has been forming for hundreds of years, from the middle of the 19th century to the middle of the 20th century. As a result, Iran had been transformed from feudal society to semi-feudal one. And if at the beginning of its development it was a progressive process, in the middle of the 20th century it turned into its own opposite giving birth to conservative traditional system of small-scale commodity production which was an obstacle in the way of transition to the industrial, stage of capitalism.

Having carried out reforms which started to speed up industrial development of the country, the Shah, by and large, carried out the political revolution which promoted a rapid development of productive forces in the framework of monopoly-state capitalism.

But already at the end of the 1970s the Iranian centralized economy came to frustration. There appeared an objective necessity of transition from the centralized economy to the upper stage, that is to a free market.

At the same time economic crisis that broke out in the middle of the 1970s called into being political activities of representatives of traditional system (including Islamic clergy connected with it), whose interests were threatened by the development of industrial capitalism.

As a result of stubborn political struggle the Shah was overthrown and the Islamic republic was established in Iran. These events can by no means be considered a revolution. They presented a reactionary political overturn carried out by traditionalist forces with the aim of saving the outdated system of small-scale commodity production. This overturn threw the country back. For many years it prevented the possibility of transition to free market economy and resulted in establishing the Khomeini dictatorship.

In the history of the 20th century, three large-scale movements of traditionalist forces against modern capitalism took place: those are Bolshevik movement in Russia, Fascist movement in Europe in 1930s—1940s and Khomeini movement in Iran. Irrespective of ideological distinctions, all these movements had the same socio-economic roots and, as the natural result, they brought into being dictatorial regimes that have caused damage to the people of their countries.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1	
Советские исследователи об иранской революции	5
Глава 2	
Некоторые проблемы теории революции	91
Социальная и политическая революции	91
Закономерности социальной революции на Востоке	106
Теория и практика «социалистической революции»	122
Глава 3	
Роль антишахского движения в революционном процессе в Иране	138
От торгового капитализма к промышленному	138
Истоки и последствия кризиса	164
Буржуазная демократия или мелкобуржуазно-клерикальная диктатура?	181
Реакция торжествует	200
Исламская республика как она есть	222
Заключение	236
Примечания	242
Использованная литература	248
Summary	252

Скляров Л. Е.

С 43 Иран 60—80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция.— М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.—255 с.
ISBN 5-02-017638-9

В монографии дается принципиально новая трактовка феномена, получившего в советской востоковедной науке название «иранская революция». Критическому анализу подвергнуты работы советских авторов, рассматривавших события периода антишахской борьбы и становления исламской республики. Указываются причины, по которым советское партийно-государственное руководство времен «застоя» расценило как революцию свержение монархии и приход к власти духовенства в Иране. В разделе, служащем методологической основой анализа событий в Иране, излагается оригинальная концепция путей и форм развития капитализма на Востоке, по-новому оценивается роль колониального периода, дается критическая оценка попыткам строительства социализма в странах Востока и в других частях света.